

84Р7 (2Р-4Кем)

С76

Сталинский Кузбасс

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

1949

Издательство „Кузбасс“

1

[Faint, illegible handwritten text in red ink]

107 181
~~55224~~
157
191
200/11 1971
187 20022
107 181
161
181

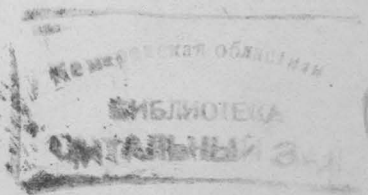
8407/20-4 кат)
с 76

Сталинский КУЗБАСС

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

376090

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КУЗБАСС“
Кемерово — 1949 г.

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГУК ОНБ им. В.Д. Фёдорова
Основной фонд
С 768213

К ЧИТАТЕЛЮ

Сказочно богат Кузбасс, неисчерпаемые природные ресурсы таятся в его недрах. Трудом советского народа, по воле и планам великого Сталина, преобразен до неузнаваемости наш край.

На месте пустырей и таежной глухомани вздымаются огромные корпуса заводов и шахт. В просторные, залитые светом, залы собираются шахтеры. По широким подземным туннелям мчатся электропоезда. Россыпью огней светятся штреки. К ним, будто к могучим рекам, стекаются потоки угля. Самые совершенные машины, послушные умелым рукам неутомимых шахтеров, пробуривают скважины, разрезают крепчайшие пласты, грузят уголь в вагончики, вывозят их из забоев, поднимают на-гора.

Только в воспоминаниях старых горняков остались «мышинные норы» дореволюционных михельсоновских шахтенок, в которые понуро брели с лампой-коптилкой в руках полунищие горняки, тянули санки с углем, растирая лямкой в кровь полуголые плечи. Это страшное прошлое ушло навсегда от нас.

Не найти теперь следов деревеньки Бессоново с ее подслеповатыми избушками у болот и чахлого кустарника. На их месте по плану вождя советские люди построили гигант черной металлургии, воздвигли высокие дома, театры, дворцы, залили асфальтом улицы и площади, вырастили невиданный в Сибири фруктовый сад.

Сталинск, Прокопьевск, Киселевск, Осинники, Белово, Ленинск-Кузнецкий и ряд других городов и населенных пунктов выросли в Кузбассе.

Уголь и хлеб, сталь и алюминий, цинк и ферросплавы, машины и минеральные удобрения, золото и пушнину дает Кузбасс нашей Родине.

Сердце обновленной Сибири — Кузнецкий бассейн — стало таким могучим, что его животворное биение чувствует вся советская страна. Кузнецкий уголь в годы Отечественной войны кормил почти все заводы нашей Родины, кузнецкая сталь грохотала во всех сражениях — от Сталинграда до Берлина.

«...Без Кузбасса и без промышленности Урала мы бы проиграли войну» — так высоко оценил роль Кузнецкого бассейна секретарь ЦК ВКП(б) тов. Маленков.

Родина черпает из Кузбасса многое, необходимое для восстановления народного хозяйства и победного шествия к коммунизму. В ближайшие пятилетки Кузбассу предстоит сыграть еще более выдающуюся роль в экономическом развитии СССР и особенно Сибири. В нашей области вырастут новые, благоустроенные города, рудники и рабочие поселки.

Прошлое, настоящее и будущее Кузбасса еще не нашло сколько-нибудь значительного отражения в художественной литературе. Тогда как тем для художественных произведений у нас непочатый край.

На заводах и шахтах, на колхозных полях и в институтах работают сотни, тысячи людей, которые могут рассказывать о своей славной жизни, о своем участии в строительстве и развитии Кузбасса, и положить начало созданию литературы о Кузнецком бассейне.

Кузбасс по праву гордится лучшими в стране картофелеводами, сталеварами, прокатчиками. Разве мало у нас Героев Социалистического Труда, лауреатов Сталинской премии? О каждом из них можно написать книгу.

Постановление ЦК ВКП(б) о литературе вдохновило советских писателей на создание высокоидейных художественных произведений. Оно указало молодым авторам Кузбасса правильный путь для своего творчества.

Весною прошлого года начинающие поэты и прозаики, собравшись на конференции, создали областное литературное объединение. Молодые авторы печатают свои произведения в областной и городских газетах. Первый номер альманаха «Кузбасс» — это попытка объединить все литературные силы Кемеровской области, показать часть того, что уже написано о Кузбассе.

Альманах будет печатать произведения, посвященные, главным образом, темам нашего родного края.

Редакция альманаха просит своих читателей присылать свои произведения, записки, воспоминания. Редакция призывает писателей и начинающих авторов, живущих на территории Кемеровской области, создавать художественные произведения, достойные сталинского Кузбасса.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

АЛЕКСАНДР ВОЛОШИН

ЗЕМЛЯ КУЗНЕЦКАЯ

Роман

ГЛАВА I

И разгулялось же сердце у каждого солдата, когда эшелон, перевалив пограничный рубеж, помчался по родной земле! Сгрудившись у открытых дверей, солдаты, молча глядели на израненные войною поля. Синий дымок вился за дальним лесом, редкие сизые облака ползли на запад, багровея в лучах заходящего солнца. Каждый вдруг понял, что давно в его жизни не было и таких обыкновенных туч, и такого розового заката, и кудрявых дымочков за лесом. Родина! Сколько истосковавшихся по тебе людей не вернулось в твои просторы!..

— Заяц! Смотрите, заяц! — Кричит сержант Данилов и, сорвав с головы пилотку, показывает на серый прыгающий по зеленому полю комочек... Обыкновенный заяц. Но все почему-то вытянули шеи и возбужденно заговорили, загудели, переглядываясь смущенно, точно появление зайца имело какой-то скрытый смысл.

Долго в этот вечер не ложились спать. Сперва беседовали под торопливый перестук колес, потом в несколько голосов пели: «Шумел камыш, деревья гнулись». И про Ермака пели и про Волгу. Пели разом за все: и за то, что некогда было петь, когда уходили с боями за рубежи, и за то тяжелое и великое, что осталось теперь позади. Пели, томимые ожиданием скорых встреч.

Дверь не закрыли, и в ее проеме до поздней ночи маячила небольшая фигурка Степана Данилова. Этот парень с беленьким виHORком, упрямо торчащим из-под пилотки, отличался удивительной непосредливостью. Стоило поезду остановиться, будь то рано утром или глубокой ночью, как он прыгал с подножки и сразу же исчезал. Зато в вагоне все точно знали фамилию паровозного машиниста (37 лет стажа!), знали, что у этого старика есть племянница в Москве, которая учится в театральной школе, а кроме племян-

ницы никого нет—всех немцы порешили. Данилов же сообщил, что первая узловая станция после границы будет утром.

На этой-то станции он вдруг исчез. Сначала этому не придали значения. Ну нет и нет человека, едет, значит, в соседнем вагоне или на тормозе. Но к вечеру всем стало немного не по себе. Аккордеон молчал, новостей не было.

— Вот, якорь-те, отстал парень, — сокрушенно посетовал старый солдат Алексеев.

— Наверняка влюбился, — полусхотая сказал Григорий Вошин. — Помните, когда еще из Германии тронулись, он заявил: «Как перееду,—говорит,—границу—в первую же девчонку влюблюсь!».

Только через двое суток, уже в Смоленске, Данилов явился в вагон и, ни слова не говоря, завалился на верхние нары. Выспавшись, он не торопясь с'ел котелок колхозного варенца, вытер губы, отряхнулся и потянул к себе аккордеон. Но после бойкого перебора вдруг остановился и задумчиво пригладил белый непокорный вихор.

— Был в Овражках, — сказал он негромко. — В сорок первом меня там так гвоздануло — полгода валялся в госпитале, дс пролежней.

— Ну, и как? — насторожился Алексеев.

— Что как? До пролежней валялся, вот как. Во мне и сейчас еще железа сколько угодно.

— Я не о том, — поморщился старый солдат. — Чудак человек, нашел, чем хвастать. Я спрашиваю, как Овражки?

— Окоп своего отделения нашел... — Данилов растерянно улыбнулся, словно испугавшись, что его уличат в мальчишеском легкомыслии. Но солдаты выжидающе молчали.

— Там, где первое отделение воевало, картошку посадили, а у самого моего окопа сад разводят. Домов еще нет, в землянках живут, а сад разводят... Вот люди! — Данилов помолчал и задумчиво добавил: — Жарко там было, чорт!

На лицах демобилизованных появились несмелые улыбки.

— Видал ты... — Удивился Алексеев. — Сад!

Но Данилов уже встряхнулся и широко развел меха аккордеона.

В Москве эшелон расформировали. Дальше тронулись в разные стороны пассажирскими поездами. Однако, пятерых из Сибири эта передрыга не разлучила. Четверо из них — сапер Моисеев, два пожилых пехотинца Молостов и Черепанов, похожие друг на друга, как родные братья, да еще Вошин — рыжий медлительный связист — ехали в Кузбасс; Данилов же был родом из Новосибирска.

Проворный маленький сержант захватил верхнюю полку и залег там. Теперь он не бегал, а лежал чуть ли не по целым суткам, хотя духота в вагоне была нестерпимая.

За Уралом распахнулась необъятная сибирская ширь. Зеленые степи, с голубыми осколками озер, медленными кругами поворачивались за окном вагона. Солдаты построжили и стали молчаливее.

Пехотинцы из Старо-Кузнецка, оба курносые, короткорукые и одинаково обстоятельные, только тем и выражали свое нетерпение, что чаще обыкновенного перекладывали в солдатских вещевичках скромные гостинцы для домашних. Прокопчанин Моисеев изумленно оглядывался и, потирая руки, говорил:

— А ведь кончилось!.. Товарищи! Вот, ей-богу, чудеса!

— Сиди уж, чучело! — подал как-то сверху голос Данилов. — Чудес после воскресения христового не бывает.

— Нет, в самом деле, воевал, воевал...

— А соображаешь туго! — опять подал реплику Данилов.

Моисеев сердито потянул себя за длинный прокуренный ус, но потом махнул рукой и вполголоса предложил, подмигнув:

— Выпьем?

Впятером скромненько выпили, разложив на газете пайковую селедку, яйца вкрутую и кусочки холодного мяса.

Когда миновали Омск, сильно захмелевший Данилов рассказывал, как он познакомился с Вошиным.

— Ты молчи, молчи! — строго прикрикнул он на связиста, когда тот попытался возразить что-то. — Раз было дело, значит, не могу об этом молчать, тем более, что уважаю тебя, хотя ты мне, можно сказать, поперек всей жизни стал.

Так вот, было это 29 апреля. Мы уже к самой рейхсканцелярии пробивались. Лейтенанта нашего у Темпельгофа поранило, а капитана Рогова еще на Одере. Я командовал взводом, а во взводе четыре человека, если меня самого считать.

Наступило утро. Передают приказ: «Вперед!» По улице немцы чешут из крупнокалиберного, да так чешут! Перебежали мы до угла на Кирхенплац. Смотрю, у крыльца, посреди известки и кирпичей, двое наших лежат. Убитые. А третий, живой, стоит и не хоронится. Пули тренькают, чиркают обо что ни попадя, а этот солдат стоит и плачет, плачет и ругается.

— Сволочи, говорит, ребят наших загубили. Всю войну бились вместе. Сволочи, засели вот под тем танком и подыхать добром не желают!

— Будет тебе... — несмело останавливает Вошин. — С кем не бывало, сам знаешь...

— Все знаю, ты помолчи! — продолжает Данилов. — Так вот. Подожди, говорю я солдату, размокнешь еще чего доброго, дай оглядеться!

Отдыхался, чтобы в глазах свет прояснился. Небо на востоке чистое, как будто его умыли. А на западе туча на тучу громоздится. Над головами гудит — это наши тяжелые идут. Идут эшелонами и, немного не дотянув до своего переднего края, разом ныряют. Посмотришь — даже голова в плечи уходит. Но бомбы точно следуют в немецкий адрес.

Берлин гремит, корчится, охает, гарью воняет. «Ага, думаю, это вам за Сталинград, за Овражки, будьте вы прокляты!» Говорю своим ребятам: «Видите угол, под которым танк завалился? Ну

вот, нам хоть землю зубами грызи, а нужно хлопнуть немцев, которые выстрачивают оттуда». Командую, больше для бодрости духа.

— Справа по одному!..

А справа у меня только один Колька Грач — маленький, в чем душа, но в'едливый, как клещ. Только крикнул я, как на нашу голову целая тонна штукатурки посыпалась — уму непостижимо. Переждали. А чуть утихло — Колька Грач метнулся на тротуар — и за тумбу. По нему и давай щелкать. Парень только головой мотает. Убьют, думаю, стервецы. А солдат, который плакал, тянет меня за ногу и просит:

— Сержант, а сержант, дай я сам...

— Поди ты, говорю, к чорту, плакса! Не мешай серьезным людям воевать.

И вдруг этот плакса вскакивает, как на пружинах, и в окно, только его и видели. А мой Грач забрался уже в воронку от бомбы, в аккурат посреди улицы, но из воронки головы показать не может. У нас у троих положение не лучше. Так четверть часа прошло — не меньше, и вдруг на обломке балкона, прямо над головами немцев, показался солдат, тот самый, который сначала плакал, а потом воевать рванулся. Я просто ахнул. Еще какая-нибудь минута — солдат поднимается во весь рост и замахивается. За танком гремит взрыв, другой... У нас всего несколько секунд заняла пробежка до того места, но там уже все аккуратно сработано. А солдат стоит и шатается.

— Я, говорит, тут их... — Говорит и падает.

Вот и вся история, — усмехается Данилов, — собственно, не вся, потому что, когда я этого солдата провожал в санбат, произошел еще один случай, но об этом как-нибудь потом расскажу.

— И правильно, лучше потом, — облегченно вздыхает Вошин. Несколько секунд они с Даниловым глядят в глаза друг другу, потом разом перемигиваются и уже совсем дружелюбно хохочут.

— Не будем?

— Ну, что ж...

— Договорились?

— Согласен.

А где-то уже за Чулымской, маленький сержант вдруг поднялся ночью, беспокойно потоптался среди узлов и чемоданов, потом присел рядом с Вошиным.

— Ты понимаешь, друг, — заговорил он вполголоса, — душа раздваивается: если в Новосибирске остаться, так что я там буду делать? Ни родных, ни друзей, голову приткнуть негде. Специальность тоже не первосортная — парикмахер. Не мирится теперь с этим мое солдатское сердце.

— Бывает... — Словно сквозь дремоту, но в то же время настоятельно проямлил Вошин.

— Вот-во! — оживился сержант. — А что если мне податься в Кузбасс? Как ты думаешь?

— В Кузбасс? — Вошин даже привстал.

— Ну, конечно, вот чудак!

— Отчего же, можно и в Кузбасс... Только ты же не шахтер?

— Это неважно, значит, буду!

Данилов заметно успокоился, даже повеселел и до самого Новосибирска тихонько наигрывал на аккордеоне. Вошин молча курил. Пехотинцы из Старо-Кузнецка, услышав их разговор, косо переглянулись и одинаково пожали плечами.

Из частых, на вид дружелюбных стычек между Даниловым и Вошиным, трое остальных, примерно, догадывались, что тут замешана какая-то женщина, но кто она и какое значение имела она в жизни двух солдат, этого никто не знал.

И все же было видно, что какая-то недоговоренность тяготила их. Через полчаса они встретились в тамбуре. Вошин попробовал обойти сержанта сторонкой, но тот только шире расставил ноги и упрямо приподнял подбородок.

— Может, не надо... — Вошин нехотя вытащил кисет.

— Нет, надо. — Данилов даже головой мотнул. — Нет, надо. Слушай, мне надоело ходить вокруг этого. Давай разом договоримся. Да, я хочу увидеть Тоню, и пусть она сама скажет, нужен я ей или нет. Это она скажет, будь уверен. Но еще не в этом еся суть, не потому я еду именно на тот же рудник, что и ты. Есть там такой человек, единственный для меня на всей земле. — Данилов помолчал, а потом уже тише закончил: — Роднее брата мне этот человек. Расстались еще в феврале, на Одере. Я должен видеть его. А тебе не буду надоедать, ночевки не попрошу.

Вошин гневно насупился.

— Ну, ну, — примирительно толкнул его Данилов. — Не буду. Знаю, что солдаты — самая порядочная публика. Я только хотел выяснить обстановку.

Едва ли им принес удовлетворение и этот разговор. Но Данилов вновь ожил, бегал на станциях за кипятком, без усталости наигрывал русские, хватающие за сердце, песни и приобрел в вагоне немало почитателей.

От Новосибирска в соседнем купе поместилась молодая женщина с шестилетним шустрим сынишкой. Мальчуган сразу же пошел по вагону, с живейшим любопытством прислушиваясь к разговорам взрослых и сам охотно завязывая беседы. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, а с первой же минуты он не выпускал из виду Данилова с аккордеоном. Наконец, осмелился и мимоходом тронул одним только смуглым пальчиком серебряный клавиш инструмента. Данилов подмигнул товарищам:

— Серьезный мужик!

Через минуту они познакомились, а через пять — подружились. Поэтому довольно легко удалось выяснить, что Валерий обсто-

тельный человек. Во-первых, у него необыкновенная мать—горный инженер. Во-вторых, едут они сейчас из отпуска к себе, на рудник, где живет бабушка и где Валерий думает вплотную заняться рыбной ловлей. Между прочим, рыбная ловля это только так, для потехи, а вообще-то он твердо решил стать горным инженером, как мама.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что бабушка у Валерика тоже не такая, как у всех соседских ребятишек.

— Не-ет! — Мальчуган машет рукой по адресу всех остальных бабушек и пренебрежительно выпячивает нижнюю губу. Собственная бабушка Валерия—мать-героиня называется.

—Только...—Валерий подмигивает и с видом глубочайшей доверительности громко шепчет на ухо Данилову:—Только, если по правде, на честное слово, то она никакая не мать, а бабушка. Это он точно знает. Потому что, если мать, то обязательно молодая, красивая, как вот у него.

—Ишь ты!—удивляется Вошин.—А где же твой папка? Тоже на руднике?

От окна быстро повертывается мать Валерия. Глаза у нее большие, испуганные. Сердце Данилова тревожно сжимается. Пристав, он энергично подмигивает Вошину.

— А папка воюет с фашистами, он сильный! — охотно сообщает мальчуган.— Ты ведь тоже на войне был, а почему папу не видел?

Солдаты быстро переглядываются, лица их на мгновение сурово замкнулись. А Валерий все настойчивее, с нотками нетерпения спрашивает:

—Он большой—это мой папа. Ты видел его?

— Вот что, дорогой, — спокойно перебивает мальчугана Данилов,—придешь домой, отправляйся сразу же на рыбалку. А потом учись на инженера. Папа твой вернется, это я точно знаю.

—Ты его видел?

—Видел, родной!—Голос сержанта чуть заметно дрогнул, глаза стали пустыми, невидящими. Но он сейчас не глазами, а занывшим сердцем увидел тысячи безымянных могил, на полях Родины, на берегах Буга, Вислы, Одера... Падают дожди на неприемные холмики, поднимается буйная кипень трав вокруг них. Взять бы за руку всех, чьи глаза плохо видят от слез, повести бы от холмика к холмику и трубным, громоподобным голосом говорить: «Смотрите, запоминайте, где пал дорогой для вас человек! Видите: молодое солнце над головой—это ваш сын, ваш муж, ваш брат отстояли его животворящий свет. Видите необъятное море хлебных нив, новый дом у околицы, слышите ребячьи голоса на реке, чью-то песню в яблоневом саду — это все они — ваш муж, ваш брат, ваш отец отстояли!»

—Играй, родной!—Данилов ставит огромный аккордеон на колени Валерия и, заметив благодарную улыбку на лице его матери, отвертывается и долго не может зажечь спичку.

— Да ты не тем концом чиркаешь, — виновато замечает Вошин.

— Дубина, — сурово отзывается сержант.

В Белово, выглянув в окно, Валерий кричит на весь вагон так, что в ушах звенит:

— Мам! За нас трамвай зацепился! — Бо-ольшущий!

— Не трамвай, деточка, а электровоз, — тихо объясняет женщина.

Слушая звон детского голоса, Вошин смущенно говорит Молостову:

— Умное дите.

Попетляв на Салаирских горных отрогах, поезд миновал маленькую станцию Артышта. Назад, в ясный предвечерний зной, все быстрее катились зеленые августовские холмы. В открытые окна врвался тугой чистый ветер. Изредка, сквозь железную скороговорку колес, слышались короткие певучие сигналы электровозов. С обвальным грохотом проносились мимо встречные поезда.

— Уголек... — Коротко бросал Вошин и с довольным видом, словно сам добывал этот уголь, поглаживал колено. — А это металл, с Кузнецкого. И алюминий теперь там делают, и машины, и эти... как их, ферросплавы. Кузбасс!

Светлые тени скользят по лицам солдат, на губах улыбки то появляются, то исчезают, а глаза сосредоточенно строги.

Каким недосыгаемо далеким казался родимый край, когда в январе 1943 года Вошин мерз трое суток на снежном увале, в девяносто километрах от Орла, когда, не замечая ни обжигающего мороза, ни частых минометных плевков, ожесточенно добил он каменно-твердую землю, чтобы было за что зацепиться. Далеко был Кузбасс, а ведь даже в самые страшные минуты не покидала надежда снова увидеть эту суровую землю, с ее скуповатой, но милой сердцу красотой...

Вот, распустив тугие синие паруса, летит над дальними холмами белое облако. Вот белые домики, выравниваясь по решетчатым оградкам, поднимаются в гору, ближе к солнцу.

— Новый поселок, до войны не было, — замечает Моисеев и начинает торопливо собираться. — Мне пора, — говорит он, взволнованно покашливая, — понимаете, как-то вдруг. Ехал, ехал, ждал, ждал, целых пять лет ждал!

На перроне Прокопьевского вокзала хорошо, задушевно простились с солдатом. А через час поезд тронулся дальше. Смеркалось. Народу в вагоне становилось все меньше. В соседнем купе капризничал Валерий и все спрашивал:

— А он не уйдет? А он даст поиграть на гармошке?

Данилов стоял у окна, медленно приглаживая непокорный белый вихор. Летела мимо смуглая вечерняя земля, взлетали и падали телеграфные провода, ворчали колеса под вагоном: скоро... скоро...

ГЛАВА II

Когда они поднялись через запасной ходок на-гора, с чистого неба упали последние дождевые капли. Упираясь в далекие горы двумя косыми столбами ливня, на восток уходило седое облако в снежно-розовой шапке. Воздух был чист и прохладен, к кислотоватому, винному запаху прелой сосновой коры примешивались тонкие, едва различимые ароматы августовских трав.

— Чувствуешь, инженер, как земля кузнечная пахнет? — сказал Дробот и улыбнулся, отчего по широкому и костистому лицу его разбежались мелкие морщинки.

— Радует старик! — подумал Рогов, но тут же поправил себя: — Впрочем, какой же он старик? Лет пятьдесят, — не больше!

Все еще улыбаясь, Дробот кивнул в сторону рудника:

— На-днях я в газете стих вычитал: «И в царство черных пирамид везжает, как в Египет!» Это, стало быть, терриконики наши поэт с черными пирамидами сравнил. Пожалуй, правильно... А про Египет зря, потому что там, кажется, пустыни, а у нас не только на земле, но и под землей люди действуют...

Чуть помолчав, он махнул рукой на терриконики соседних шахт и лукаво подмигнул:

— Выстроились шахтенки, как на параде... Конкуренты! В прошлом году, когда тебя еще здесь не было, договор подписывали. Пыль столбом, заклёвать обещались. Однако, дудки!

Он круто остановился и одним глазом заглянул в лицо Рогова. — Это я не для лирики. Не люблю порожних слов! Это я для тебя. Дельный ты человек, а беспокойный. Восьмой месяц приглядываюсь и все еще не знаю, придешься ли ко двору.

Рогов поморщился, а Дробот предостерегающе поднял руку.

— Беспокойный, говорю! За все сразу хватаешься, не поймешь, что в тебе главное. А я не люблю загадок. Советую утвердиться на одной мысли: чтобы план был, уголь таскай хоть шапками, хоть горстями. Помнишь, когда в мае чуть не дотянули программы, я выгнал на добычу всю конторскую братию, всех дамочек и кавалеров — и выпрыгнули ведь!

Дробот опять замолчал, точно выжидая возражений, но Рогов и не собирался возражать, и Дробот, вскинув седые брови, коротко распорядился:

— Ну ладно! Пойдем ко мне, поговорим.

... Вслед за ними в кабинет вошел остроглазый, чернявенький парень — старший статистик. Не глядя на него, начальник открыл форточку, переставил кресло за столом и, отвернувшись к этажерке с пыльными книгами, угрожающе спросил:

— Ну?!

— Не виноват, Петр Михайлович... — голос у парня сорвался, как у молодого петуха.

Дробот медленно оглянулся и подвигал бровями.

— Не виноват? Ты у меня эту десятую процента в пригоршнях будешь таскать из шахты! Слышишь, в пригоршнях!

Рогов понял, что разговор идет все о той же утренней истории. Старший статистик, передавая в трест сведения о добыче, назвал фактическую цифру, а Дробот, просмотрев сводки с других шахт, обнаружил, что «его хозяйство» отстало от соседей на одну десятую процента. Немедленно же было приказано недостающую дробь дополнительно передать в трест. Но там заартачились, пожаловались управляющему. Дробот взбеленился и обвинил в ошибке «кавалеров из конторы».

Статистик тоже, должно быть, был одним из «кавалеров».

— Я эти несчастные крохи возьму из добычи за сегодняшние сутки! — кричал на него Дробот. — А ты запомни: в другой раз кашлянуть вздумаешь — оглянись на меня! Взяли тоже моду: перед государством в ответе я, а командовать каждый лезет!.. Отчаливай на место. Пиши!

Дробот махнул на статистика рукой и повернулся к Рогову.

— Забои твои мне понравились. Культурно!

Рогов решил, что момент самый благоприятный и предложил на следующий месяц увеличить задание для своего района.

Дробот недоверчиво фыркнул.

— Это почему такое?

— Вы же видели: две новых лавы, хоть сейчас пускай.

— Ну и пускай! — добродушно усмехнулся начальник. — А язык держи за зубами. Твои лавы нам будут давать пять—шесть процентов дополнительно...

— Правильно, я поэтому и предлагаю включить их в план.

— Подожди! Я говорю, пять—шесть процентов, сверх плана. Понимаешь, какой это резерв? Соседи позеленеют!

Несколько обескураженный такой фамильярной прямоотой, Рогов пожал плечами.

На шахте ему многое не нравилось. Особенно раздражало то, что здесь все чаще прибегали к так называемым «дням повышенной добычи» — сокращенно ДПД. В такие дни план действительно перевыполнялся, но для этого «свистали всех вниз», закрывали подсобные цехи, даже повара, неумело потрясая шахтерским инструментом, шли в забой. Предлогов для организации ДПД изобреталось множество: в начале месяца требовался «рывок», в конце декады «дотягивали», «дожимали». Но эти своеобразные припарки мало помогали делу: вслед за рывком почти обязательно наступал спад, забои расстраивались, шахту лихорадило.

— Суетимся, как сто чертей, — пожаловался однажды районный инженер Нефедов, — все есть: и план, и люди, и механизмы, а поразмыслить над работой не умеем.

Поразмыслить над работой было совершенно необходимо. Рогов еще весной побывал на смежных шахтах, с'ездил даже на соседний рудник. Много и пристально смотрел, придирчиво расспрашивал, а потом перечитал большую кипу журнальной литературы по вопросам эксплуатации. Когда у него сложилось несколько

ко стержневых выводов, он их записал и пришел к главному инженеру Филенкову.

— Посмотрю как-нибудь...—сказал тот и, опоздав скрыть тягучую позовоту, раздраженно заметил:— Литературы, наверное, начитались? Посоветовал бы не забывать, что умные статьи пишут те, кто дрыхнет ночами, над кем план не висит.

Филенков был лет на десять моложе Дробота, подвижностью не отличался, дело свое, повидимому, знал и в то же время как-то потерялся в этом деле. Он был холост, начитан, ходили слухи, что он любит выпить и слишком засматривается на женщин.

— Академик! — снисходительно говорил о нем Дробот, не принимая этого «академика» всерьез при решении даже коренных технических вопросов.

...Прямо от Дробота Рогов решил снова пойти в шахту, но перед этим заглянул к начальнику подземного транспорта Стародубцеву. Нужно было как-то изменить график доставки порожняка на участки района, а то получается сущая чехарда. Уже два участка переведены на цикличную работу, а транспортники встали поперек дороги — стена-стеной, ничем не свернешь.

Стародубцев был у себя. Не подавая руки, кивнул небрежно:— Здравствуй. Подожди, я вот разделаю под орех это косоланное создание.

«Косоланное создание» — до смешного низенький паренек, курносый, с выпуклыми глазами и оттопыренными ушами стоял перед столом и в упор но без всякого интереса разглядывал начальника.

— Ну, что ты на меня уставился? — крикнул Стародубцев. Паренек свел губы трубочкой.

— А что мне... Имею интерес, вот и уставился.

— Отвечай по существу! Слышишь?

— Слышу...

— Отвечай!

— Не хочу.

— А под суд хочешь?

— Чего вы меня пугаете? Суд-то советский...

— Видал?—Стародубцев оглянулся на Рогова.—Какой грамотный нашелся!

— Да, ты понимаешь!.. Закричал он, снова обращаясь к парню: Ты понимаешь, чем это пахнет? Ты знаешь, в какое время мы работаем? Видишь вон висит лозунг: «Все силы на выполнение послевоенной пятилетки!» Все силы! А ты что делаешь? Ты не выполняешь приказа...

— Потому, что незаконно,—тихо возразил паренек.—Мало ли что... Меня учили на забойщика, а вы суете, куда ни попадя.

— Тебя государство имеет право послать куда угодно!

— Так то-ж государство, а то вы...

Стародубцев вскочил, растерянно потоптался, потом трагическим жестом показал на дверь.

Забойщик степенно пожал плечами и вышел. Начальник транспорта торопливо закурил и начал жаловаться на недисциплинированность рабочих.

— Семен, у меня неотложное дело, — прервал его Рогов.

— С вагонами? — взъерошился Стародубцев. — Не дам! Шахты и так лихорадит — ни днем, ни ночью покоя нету, а тутеще ты со всякими экспериментами.

— Но цикличность — не эксперимент!

— Все равно! Не дам! Я и так уже собирался жаловаться на твое самоуправство: хватаешь порожняк направо и налево, дежурный диспетчер то и дело охает за твое здоровье.

— Значит не дашь?

— Не дам.

Не простившись, Рогов вышел.

Стародубцев для него окончательно прояснился. Что такое могло с человеком случиться? Устал, может быть?

Когда-то они вместе учились в Томском институте и Семен был неглупым студентом. Вместе защищали дипломные проекты, вместе заглядывали в будущее Кузбасса, старались представить его таким, каким он будет через пять, через десять лет. С увлечением занимались разработкой планов сплошной механизации шахты — от забоя до самой последней транспортной операции. Но через два месяца после того, как стали инженерами и приступили к работе, их разлучила война. А когда Рогов вернулся на рудник, на котором работал до войны, он в первую очередь пошел к Стародубцеву.

— Молодец! — обрадовался тот. — Значит жив? И орденов — дай бог каждому? Ну, да на то ведь ты и бывший шахтер!

— Почему же бывший? — засмеялся Рогов.

— Ну как же, у вас ведь там совсем была другая наука, от шахты-то она отучила. А вообще, не теряйся, мы тут тебя быстро подтянем. Заходи вечером потолковать и, кстати, благополучное возвращение взбрызнуть.

В тот же вечер Рогов наведлся к однокашнику.

Семен Стародубцев успел, оказывается, обзавестись семьей.

— А как же... — басом говорил он, улыбаясь и потирая руки. — Мы хотя и ночей не досыпали, уголек добывая, но и на личном участке не зевали. Имею двух дочерей: Аллочка — годик скоро исполнится — спит. — Семен ткнул пальцем в соседнюю комнату. — А Верочка, три годика, в гостях у бабушки. Ну, и, как ты, очевидно, догадываешься, имею жену. Да я тебя сейчас познакомлю с ней! — спохватился он и негромко окликнул:

— Клавочка, ты бы, деточка, сообразила нам с Павлом Гордеевичем по рюмашечке? А, Клавочка?

— Вечно ты со своей рюмашечкой! — отозвался из кухни сонный голос.

Семен хихикнул и, обдавая Рогова табачным перегаром, шепнул:

— Строга! Ух, мать честная, до чего строга! Ин-с-пектор!
Вспомнили старых знакомых.

— Колька Семеннов? — переспросил Стародубцев и с какой-то скрытой досадой махнул рукой: — Э, брат, хватился! Его теперь не достанешь — второй год трестом командует. Встретились недавно на совещании и поговорить не смогли.

— Зазнался?

— Да незаметно, как будто... Дело, по-моему, в масштабах. У него четыре шахты, а у меня всего подземный транспорт на одной. Слава в этом, сам знаешь, не велика. — Семен лукаво подмигнул: — А ты не крути головой, думаешь, я за славой гонюсь, за орденами? Где уж там! У меня сейчас в чем главная задача? Работать так, чтобы от других не отстать, да семью вот обеспечить всем необходимым. Помнишь, как учили: семья — это государство.

Вспоминая сейчас эти пошловатые сентенции, Рогов невольно приходил к выводу, что он или не знал Стародубцева в студенческие годы, или человек на самом деле неузнаваемо изменился. Но разве так бывает?...

ГЛАВА III

...Из-за порожняка пришлось все же повоевать и на этот раз.

— Начальнику пожалуюсь! — крикнул вслед ему транспортный десятник.

— Хоть чорту! — добродушно отозвался Рогов, довольный тем, что уголь сегодня пойдет без задержки. И тут же он услышал доносившийся из полевого штрека сердитый крик Стародубцева. Второй голос принадлежал пожилому, обыкновенно спокойному проходчику Вошину.

— Какое ты начальство? — гудел проходчик. — Какое ты начальство, если в тебе соображения ни на копейку!

— Об этом государству известно, какое я начальство! — кричал Стародубцев. — Поэтому я не позволю...

— Где же государству усмотреть за такими, как ты!

— Не позволю! — взвизгнул Семен и, увидев Рогова, обратился к нему: — Вот, полюбуйся, плоды твоего руководства. Этот тип крадет из квершлага четыре рельсовых звена и приспособливает здесь разминовку. Для чего, спрашивается, если в наряде этого не значится?

— Для того, чтобы груз не катать за двести метров, — спокойно возразил Вошин и ожесточенно стал вколачивать костыль в шпалу.

— А кто разрешил?

— Это я приказал взять рельсы, — вмешался Рогов и, не торопясь, начал расспрашивать проходчика о смене.

— Будьте спокойны, — отозвался тот, — костыли нехитрое дело заколачивать. По мне поскорее бы к забою.

—Ну, ладно... — медленно, с угрожающими нотками в голосе проговорил начальник транспорта. — Я, Павел, терпеливо сносил твои фокусы, а теперь хватит! Для меня интересы производства дороже товарищеских отношений. Мы будем говорить, где следует.

—Знаешь, что!.. — Рогов так быстро повернулся к Стародубцеву, что луч от аккумулятора молнией пробежал по стойкам.

Может быть, и не сдержался бы он сейчас и поговорили бы они очень крупно, если бы в этот момент из штрэка не вывернулся горный мастер.

—Павел Гордеевич, в лаве беда! — еще издали закричал он. —Кровля поползла начисто!

—Ты слышишь?! — почему-то обрадовался Стародубцев. — Я же тебя предупреждал на совещании, что все твои затеи с цикличностью при нашей кровле — рискованное дело!

Рогов мельком посветил в сухонькое, рябоватое лицо Семена, словно вычеркнул его из обихода, и отрывисто стал выпрашивать мастера про обстановку в забое.

Мастер доложил.

—А кто это разрешил вам нарушать технологию? — сдерживая закипающую ярость, сказал Рогов. — Почему вчера не посадили лаву?

—Что же я могу? — удивился мастер. — Начальник участка приказал делать еще две отпалки. Я ему говорю: «Поползет кровля, товарищ начальник», а он одно свое: «Пали!» Вот и... — Мастер устало махнул рукой.

Еще в просеке Рогов услышал, что в аварийной лаве кто-то спокойно тюкает топором.

—Забойщик, наверное, — ответил мастер на молчаливый вопрос инженера.

—А вы куда смотрите?

—Так он же сам...

Рогов чертыхнулся и трубно крикнул в лаву:

—Эй, кто там! Быстро вниз!

Зашуршала по скату угольная крошка, и через минуту в узкую зрочку протиснулся шупленький человек. Аккуратно отряхнув колени, он присел у стенки, весело поблескивая щелочками глаз. Рогов посветил на него.

—Кто такой?

Забойщик кашлянул.

—По фамилии Некрасов.

—Что делаете в аварийном забое? Кто за вас должен отвечать?

Забойщик снова кашлянул.

—Не надо за меня отвечать. Я там больное место клетками подхватил. Лава, пожалуй, уgomонится...

Спокойствие Некрасова смутило Рогова, он накричал больше, чем нужно, и вообще, зря накричал. Уже раскаиваясь, спросил:

—Коммунист?
—Состою.
—Передайте группарторгу, чтобы зашел ко мне. Скажите, районный инженер просит.
—А когда зайти?
—А это уж он выберет время.
Забойщик выпрямился.
—Группарторгом я буду... Так, что не сомневайтесь.

Рогов невольно потупился под его прямым, отечески снисходительным взглядом, в котором так и сквозило: «Эх, сынок!»

...Через два часа они встретились в мойке. Рогов умышленно стал под душ рядом с забойщиком. Тот, очевидно, понял его душевное движение и с готовностью предложил:

—Мыльца не желаете?

А заговорил по-настоящему уже в раздевалке.

—Покричать, оно, конечно, можно, — сказал он, надев аккуратно разглаженный костюм. — Это вроде, как отдушина для сердца. Я сам, иной раз, покомандую над старухой и сплю после того, как дух-свят. Только ведь бывает, что и без толку криком исходят. Часто человек сердится от слабости. И напрасно. Что ж в правом-то деле нашему человеку слабеть, — за ним целый народ!

Прощаясь, Рогов с удовольствием пожал руку забойщику.

—Нет, это ничего, — успокоил тот, — я к вам с большим уважением.

ГЛАВА IV

Должно быть, подействовал неприятный разговор со Стародубцевым, потом случай с Некрасовым: захотелось побыть на людях. Пошел на вечерний киносеанс.

—Правильно, Павел Гордеевич! — напутствовал его сосед по квартире, пожилой маркшейдер Хомяков. — Старость придет, успеете еще в четырех стенах насидеться.

Но в клубе знакомых почти не оказалось, и Рогов сразу же подсадовал на себя за то, что изменил свсей всегдашней привычке —проводить вечера дома. И только успел подосадовать, как подошла Аннушка, — с ней он раза два встречался в техническом отделе шахтоуправления.

—Мне жалко вас стало, — несмело призналась она. — Вы такой большущий и, наверное, потому стоите на месте, что боитесь наступить на кого-нибудь.

—Это почти правильно, — засмеялся Рогов. — Если судить по вам, — народ здесь некрупный.

Девушка смотрела на него снизу вверх, и от этого лицо ее, чистой матовой белизны, казалось детским. Заслышав звонок, она заторопилась.

—Дайте руку, Павел Гордеевич, я вас проведу в зал.

— Кого это наша Аннушка подцепила? — вполголоса спросила какая-то женщина.

— Новый районный инженер с «Капитальной», — ответил мужчина и, перейдя на шопот, что-то добавил. Женщина понимающе захихикала.

Рогов попытался отвлечь внимание девушки, но она, очевидно, слышала разговор, потому что медленно обернулась и независимо приподняла задорный носик. Голоса смолкли.

Картины крутили старую, лента рвалась, и всякий раз при этом темный зал гремел от нетерпеливого топота.

— Как это хорошо! — вздохнула Аннушка, когда они вышли из клуба и остановились на деревянном мостике через речушку.

— О чем это вы?

— Да вот, что есть такие картины. Когда смотришь — смеешься, а потом думаешь, как о большой правде.

— А как вы себя чувствуете после войны, после походов? — неожиданно спросила она. — Я слышала разговоры на шахте. Одни за вас, другие против. Одни говорят — дельный, другие — беспокойный. Но ведь люди-то у нас хорошие?

— Люди, конечно, хорошие... А шахты... что ж, шахты тоже... И все же, Аннушка, по молодости вы не можете представить, как сложно входить после такого перерыва в большую, мирную работу. Тут, по-моему, другая скорость, другое измерение. А кое-кто не понимает моего солдатского состояния... — Рогов скупно усмехнулся. — Только не подумайте, что я жалуюсь.

Девушка подняла руку, — в голубоватом камешке на ее кольце вспыхнул лунный свет.

— Это правда, вас трудно представить жалобщиком... — Она привычным движением поправила косу. — Но почему вы меня считаете такой... туповатой, что ли?

Рогов нетерпеливо переступил.

— Вы не так меня поняли!

— Это, примерно, то, что вы хотели сказать. А я понимаю, почему некоторые на шахте жалуются, что вы такой беспокойный в работе. Вам просто скучновато после фронтовой жизни. До войны вы здесь пробыли не больше двух месяцев, значит не успели привыкнуть к руднику, а за пять лет он почти не изменился. Вот от этого у вас, как это называется в старых романах..., подождите... Сплин, что ли...

Рогов невольно улыбнулся и впервые с любопытством глянул на собеседницу. Но продолжать разговор на эту тему не хотелось, он отшутился:

— Я просто старею.

— Стареете? — Аннушка недоверчиво вскинула тонкую бровь.

— Конечно.

— Сколько же вам?

— Уже тридцать. Как видите, пора кое о чем задуматься. Вот я и задумываюсь... иногда.

— У вас тяжеловатый характер. . . — Девушка доверчиво прикоснулась к его руке. — А на вид вы очень добрый... только временами слишком прямой.

— Дайте о чем-нибудь другом,—предложил Рогов.

— О чем же? О звездах я не умею.

— Я тоже.

— Тогда помолчим. Это ведь не так хитро, хотя Коля Дубинцев мне постоянно говорит, что молчать не всякий умеет.

— Коля... Дубинцев?

— Да... техник... на вашем пятом участке работает горным мастером. Разве вы не знаете? Это... — она на секунду замялась, а потом, решительно приподняв личико, добавила: — Это—мой близкий друг.

— Знаю! — вспомнил Рогов. — Такой невысокий, физкультурник. И глаза... В глазах у него так же светит, как в камешке на вашем пальце.

— Вот-вот!—обрадованно вскрикнула Аннушка. — Хороший ведь, правда?—И оттого, что вопрос этот прозвучал, как признание, она смутилась.

Помолчали. Речка сонно разговаривала с прибрежными камнями. Ночь, вытканная звездным узором, неслышно летела над теплой землей. Большая оранжевая луна катилась по гребню невысокой горы. Гудели моторы на эстакадах ближней шахты. На путях трудолюбиво пыхтел маневровый паровозик. В нагорных улицах девичий хор выводил проголосную песню. От всего этого веяло таким нескончаемым, таким вечным миром, что Рогов невольно затаил дыхание.

Рука девушки, спокойно лежавшая на перилах моста, чуть дрогнула, в голубоватом камешке опять вспыхнул холодный свет.

— Проводите меня, Павел Гордеевич,—попросила она и медленно одернула на плечах шелковую косынку.

Пошли по зыбкому тротуару, в пятнистой лунной тени. Настроение у Рогова испортилось. Он только сейчас вспомнил, что послал вечером Дубинцева в шахту не по графику, а вне очереди. Дело было совершенно неотложное, но, подумав об этом, он даже плечами передернул: выходит так, что он заслал парня в шахту и теперь разгуливает с его девушкой, на луну вздыхает. Смена кончается в двенадцать ночи, еще чего доброго встретится этот Коля—совсем красиво получится. Смешно и дико!

Наскоро простился, прошел немного по улице и вдруг остро затосковал. От чего бы это? Тридцать лет? Чепуха! Может быть, оттого сосет под сердцем, что не все благополучно на шахте? На такой вопрос трудно ответить — шахта не оранжерея, ее не выровняешь под линейку. Да и нужно ли ее выравнивать, когда требуется все к чорту переворачивать! И чем скорее, тем

лучше! Но с чего начать? С кем-то нужно посоветоваться и подумать, срочно додумать!

Быстро дошел до своего дома, но как только заметил свет в окнах маркшейдера Хомякова, почти невольно постучался к нему. Соседи чаевничали.

Маркшейдер отложил в сторону газету, вздернул очки на загорелый узкий лоб и пригласил к столу.

— Вот извольте-ка, с вареньем... — пододвинул он граненую синюю вазочку. — Собственноручное Марии Дмитриевны...

Рогов и сам не понимал, что его привлекало в супружеской чете Хомяковых. Старики любили мирно побеседовать, покушать, незлобиво пожаловаться на рыночные цены, посудачить о городских порядках, но в общем, это были добрые и, пожалуй, не очень косные люди.

Иногда на вечерние чаепития забегала племянница хозяйки Оленька Позднякова—стенографистка местной газеты. Девушка всегда имела в запасе самые свежие новости, но на изложение их у нее обыкновенно не хватало времени, от этого новости выглядели немного встрепано.

Вот и сегодня, за каких-нибудь пять минут, Оленька успела сообщить Рогову об итогах Сессии Генеральной Ассамблеи, о том, что Украина закончила уборку хлебов, что на экраны вышел новый фильм, что железная дорога Барнаул—Сталинск—Абакан будет проложена в десяти километрах от рудника, что мотористка девятой шахты Есаулова родила тройню, что редактор городской газеты заболел гриппом, а господин Трумэн разразился очередной антисоветской речью.

Выпалив все это одним духом, Оленька с меньшим вдохновением принялась грызть черствый домашний коржик, а Герасим Петрович пустился в пространные рассуждения по поводу новостей племянницы.

Рогов обыкновенно ограничивался скупыми замечаниями, но сегодня какая-то внутренняя потребность выговориться все время держала его настороже. Едва маркшейдер коснулся поведения англо-американских союзников на Генеральной Ассамблее, Рогов прервал его, сказав, что наших советских дипломатов нужно поддерживать изнутри государства настоящими большими делами.

— Совершенно правильно! — торопливо согласился Хомяков. — За нашими дипломатами — двухсотмиллионный народ!

— Я говорю сейчас не вообще о народе, а о руднике! — глухо перебил Рогов и положил на край стола крупные кулаки. — Я говорю о руднике, о том, как мы работаем и как должны были бы работать... Скажите откровенно, Герасим Петрович, неужели вы из-за этого вот самовара не видите, как неважно действуют даже те шахты, которые выполняют план?

— О! О! — воскликнул Хомяков, словно в испуге. — Я знаю, Павел Гордеевич, что мы неважно работаем! У меня у самого

иной раз кулаки чешутся, — так повоевать хочется. Только не знаю, против чего воевать!

— Против рутины! — почти выкрикнул Рогов, отчего хозяйка вздрогнула, а Оленька поперхнулась.

— Рутинка — это очень неконкретно, — уже спокойно заметил Хомяков.

Рогов отодвинул стул и крупно прошелся по комнатке.

— Разве так можно дальше? — спросил он от дверей и рубанул ладонью: — Нельзя! Все эти месяцы я доискивался причин, почему производительность труда на шахтах растет так медленно и даже кое-где падает.

— Надо бы с шахтерами посоветоваться, — вставил Герасим Петрович.

Рогов отмахнулся:

— Я советовался, но мне некогда и незачем устраивать по этому поводу плебисцит. И без этого людям все ясно.

— Все придет в свое время!.. — коротко заметил Хомяков.

— Придет?! — глаза у Рогова позеленели: — Ну, нет, я никогда не забуду, как в июле сорок первого окопы моего взвода утюжили немецкие танки! Не забуду, как наши люди с бутылками горючего стояли насмерть. Нельзя же теперь медлить! Знаете, Герасим Петрович, если бы всю страсть, всю силу наших людей принять за сто процентов, чему бы, по-вашему, равнялась полезная часть работы? Только пятидесяти процентам! Понимаете, сколько еще нескрытых богатств, сколько тепла и света? Так почему же мы, инженеры, советские инженеры, позволяем себе спокойную жизнь? Отвоевались? Чушь! Вредная чушь!

— Мария Дмитриевна, ты слышишь, о чем он говорит? — воскликнул Хомяков и затеребил жиденький хохолок над своим коричневым лбом. — Ты слышишь, какие он песни поет?

— Слышу, — добродушно отозвалась старушка, — сам-то хорош: что ни день, то новости! И то не так, и это не по тебе!

Маркшейдер взмахнул сухонькой ладошкой:

— Куда мне! Я ведь по мелочам, крохоборствую.

— Ну, что же, — Мария Дмитриевна вытерла потное доброе личико, — замахивайся по-большому: по-малому кулак отобьешь.

Рогову вдруг показалось, что весь этот разговор немного тяжеловесен и, если принять во внимание вечернее чаепитие, отсутствующее выражение на лице Оленьки и тихое попискивание самовара, совершенно бесполезен. Толкнув дверь, он вышел на площадку балкона.

Герасим Петрович наклонился над столом и негромко сказал жене:

— Вот, мамочка, какие люди у нас. Закрой глаза и ставь такого министром.

— Красивый мужчина, — неожиданно сказала Мария Дмитриевна, а Оленька вздернула плечиком:

— Ну уж!

— А ты не крути носом, — строго сказала старушка, — пошла бы вот да постояла с человеком, ему ведь тоже нелегко одному-то.

— Вот еще... — усмехнулась Оленька, но сейчас же подошла к открытой двери и прислонилась спиной к ее прохладному белому косяку.

Рогов стоял у балконного столбика. Опять у него сердце спешит куда-то в беспокойном беге. Куда же? Только не за синие моря, не за высокие горы, не в дальние земли, по которым столько исхожено за последнее время. Что же все-таки нужно этому неугомонному сердцу? Куда оно теперь-то торопится?

На мгновение показалось, что он со щемящей тоской все еще стоит у вагонного окна, ищет взглядом очертания знакомых гор, видит зеленые сумерки в падах и изогнутую, как древний гигантский меч, излучину Кондомы. Так ведь вот же все это, вот! И горы, и пади, и Кондома — стоит только протянуть руку и приронешься к земле, которая подняда на ноги, сделала человеком, толкнула в первый раз сердце.

Внизу, в садике, остановились двое. Ночь такая светлая, что и с балкона видно бледное сиянье на их лицах. Парень кладет руку на плечо девушки и говорит нерешительно.

— Знаешь что, Аннушка?..

Рогову кажется, что даже он совершенно отчетливо видит лицо девушки, нет, не все лицо, а только смуглую округлость щеки и маленький подбородок. Она стоит, полуотвернувшись, словно ждет, что ей сейчас скажут, и в то же время как будто не ждет, а просто задумчиво смотрит вверх шахтных огней на большую тихую луну.

— Ты знаешь что, Аннушка... — еще тише повторяет парень.

— Не надо... — чуть внятно отвечает девушка. — Не надо говорить, я все знаю... — Видно, как она поднимает его руку и прижимается к ней щекой, а потом говорит неразборчивые, но, должно быть, очень ласковые слова, потому что они счастливо смеются и, обнявшись, выходят из садика. У самой калитки парень вдруг останавливается и громко, будто забыв обо всем на свете, говорит:

— Если бы ты знала, Аннушка, как я буду теперь работать!

Рогов усмехается: только сейчас он понял, что техник Дубинцев нашел все же свою Аннушку и дает первую юношескую клятву.

— Природой любуетесь, Павел Гордеевич? — окликнула от двери Оленька.

— Нет! — не оборачиваясь ответил Рогов. — Просто шахтеру положен воздух по первой категории. До свидания, Оленька!

Прямо с балкона он пошел в свою большую комнату.

Включил свет, постоял у стены, потирая виски. Вот ведь какой крутой вечер! Ни кино, ни разговор с Аннушкой, ни беспорядочный крик у Хомяковых — ничто не помогло. Нужно, очевидно,

чем-то заняться. Порылся на этажерке среди книг. Почитал с полчаса, но повесть оказалась до того легко сделанной, что стоило только закрыть страницу и сразу забывалось все, о чем шла речь. Измучился. . .

И тут в дверь вдруг постучали. Открыл — посыльный с телеграфа вручил телеграмму. Разбрызгивая чернила, расписался, быстро рванулся к свету.

«Диплом защитила. Осенью буду проездом. Валя».

Валя! Рогов прошел по комнате. Вот кого нехватает! И как глупо, что он все это время обманывал себя и гнал даже маленькую надежду на такое счастье. Значит, приедет!

Он садится у стола и, положив голову на раскрытые ладони, плотно закрывает глаза.

ГЛАВА V

Что ярче всего запомнилось из событий недавних весенних дней? Может быть, древняя крепость в Кузнецке, ветер, ослепительный, как начищенная сталь, разлив двуречья, скупое на тепло солнышко, голубые далекие горы и снова ветер и сияние неомрачимой любви в милых, робких глазах...

Да, но ведь со всей силой это захватило его еще раньше, когда он впервые после долгой разлуки, сошел на перрон Новосибирского вокзала. Как он торопился тогда! Колоссальное здание нового вокзала, насквозь пронизанное утренним солнцем, удивило его, но он только мгновение постоял на широченной площади и тут же пошагал или вернее побежал в город. Трепетная неустоящая память повлекла его в тихие, боковые улицы, все еще не мошечные, с акацией, с черемухой в палисадниках. со шпалерами старых комолых тополей. Вот и дощечка на угловом доме... «Иркутская,»! Два оконца в зелени палисадника, похожие на лесные озера. Шагнул к калитке и тут же заметил, что по тротуару уходят двое. Мужчина среднего роста, помахивая шляпой, ведет под руку высокую стройную девушку.

Сердце так рванулось, а глазам стало до того жарко, что он шумно выдохнул, как после подъема на гору:

— Валя!

Она услышала, оглянулась и заплакала только на мгновение. Но и в этом мгновенном плаче и в том, как судорожно сомкнулись на его шее ее горячие руки — во всем этом было столько скорби и радости, что сразу остались позади годы мучительного ожидания и тоски.

— Ну, что ты, Валя?! — говорил он, и то целовал ее теплое, мокрое от слез лицо, то вдруг часто и очень сильно дышал в ее сомкнутые ладони. Потом она сама почему-то стала его успокаивать.

— Павлик, это же грешно, то, что мы делаем... Зачем же мы плачем? Слышишь? — И повернувшись к забытому на несколько минут спутнику, произнесла глуховатым и каким-то лом-

ким голосом: — Вы видите, какая я счастливая... Это же мой Рогов!

Через день они уехали в Кузбасс, — на отъезде настоял Рогов. Валя пробовала отговаривать.

Нет, нет! — сказал он с веселым упрямством. — Что нам теперь комнатка или даже целый город! Мы должны видеть весь мир, опланный и отвоеванный.

Побывали в Старо-Кузнецке, сходили на крепость. На серую каменную стену взобрались в полуденный солнцеворот. Внизу, между берегом Томи и горой, раскинулись тысячи небольших деревянных домиков. За реку убегала ровная лента шоссе и линия трамвайных столбов. Вдали высились громады Сталинска. Дымил гигантский завод, а вверх по Томи, за Старо-Кузнецком, поднялись еще два завода, и длинные корпуса их похожи были на корабли, пустившиеся в дальнейшее плавание.

В синем небе стояло веселое солнце, молодые травы шумели в старых крепостных камнях, и тело казалось легким, почти невесомым... Долго стояли они рядом, а потом Рогов взобрался на окраинный выступ стены и встал там, заложив руки в карманы. Упругий ветер ворошил его темные волосы, летучие тени мелькали в глазах, он слегка морщил коротковатый нос, открывая в улыбке ровные зубы.

— Вот это да! — говорил он, расправляя плечи, словно принаравливая свою силу к зеленым горным просторам. — Вот это да! — повторял он медленно. — Однако мост через Томь до сих пор не построили — это ни к чорту не годится! — А потом ты знаешь, Валюша, мне в Сталинске сказали, что управление Кузнецким трестом все еще находится в городе, а шахты вон где. Видишь конус терриконика — это Байдаевка, до нее девять километров, а за нею Абашево, Зыряновка... Просто свинство, как же они руководят работами?

Спрыгнув к Вале, он вдруг предложил:

— Знаешь что, поплывем вверх по Томи! Я сегодня же достану катер.

... Четверо суток плыли по Томи. Где-то недалеко от устья Мрас-Су дневали на берегу. Рогов купался в ледяной весенней воде. Вымахав на середину реки, кричал оттуда по-мальчишески звонко:

— Валюша, ты что труса празднуешь?! Иди в воду скорее!

Она забко поднимала плечи и, улыбаясь, смотрела, как Рогов рассекал синее серебро воды.

Ловили рыбу, загорали и о чем только ни разговаривали. Фальшивя, Рогов пел и просил Валю:

— Ну, помоги же мне, я все слова забыл.

Вечером сидели у костра, ели уху и хвалили, хотя Рогов пересолит варево до безобразия. Потом молчали, глядя на догорающие головешки, на золотые огоньки, перебегающие где-то внутри углей.

В этот час Валя впервые спросила:

— Ты не устал на фронте? Тебе не хочется тишины и хотя бы маленького покоя?

— Устал? — удивился Рогов. — Да я же не хочу уставать! Ты со мной проживешь десять жизней.

Она подумала, незаметно отстранилась и заговорила как будто о другом.

— Я тебе еще раз советую подумать об аспирантуре. Профессора в институте тебя знают, настроены благожелательно. А потом, научная, творческая работа — это нечто более широкое, чем, допустим, какая-нибудь шахта или трест. Но ведь трест тебе не дадут?

— Трест? — усмехнулся Рогов. — Конечно, не дадут, да мне это и не по силам. Я ведь на эксплуатации пробыл без году неделя, мои масштабы — участок, много — район.

Она снова придвинулась к нему.

— Вот видишь, а в институте мы будем вместе. Я так этого хочу, Павел! Я не могу больше... без тебя...

Теплое короткое дыхание коснулось его лица, он сжал ладонями щеки девушки, заглянул, как только мог поглубже, в ее глаза, в которых теплились золотые тени от догорающего костра.

— Родненькая моя, ты и так рядом со мной... Нам еще столько жить! — Вскочив, он бросил в костер охапку сухого хвороста и, подняв лицо, смотрел, как искры огненным смерчем взвивались к черному небу.

— Вот подожди, Валя, — сказал он после короткого раздумья — мы еще будем строить шахты здесь, где ночуем сегодня. И какие шахты! Это ведь удивительный Томь-Усинский бассейн. Закрой глаза и представь себе, как все здесь будет... Тайги нет, болота осушены, море огней, шум великой работы, сад и теплые человеческие жилища. И... по секрету тебе скажу: наши детишки будут бегать в здешние школы!

Валя опустила темные вздрагивающие ресницы.

Легли спать в маленьком шалаше, сложенном из сосновых ветвей. Укутывая девушку, Рогов шепнул ей на ухо:

— Тебе тепло? Ты не боишься?

Через несколько минут, когда он затих в своем углу, она вполголоса спросила:

— Павлик, ты меня любишь?

— Люблю! — громко говорит Рогов. — Родненькая моя, как я тебя люблю!

— Ну скажи еще раз об этом!..

Сквозь сосновые ветки, прямо над их головами светила синяя теплая звезда, и где-то совсем близко призывно кричала ночная птица. А ночь была темная, неслышная, земля казалась бесконечно широкой и ласковой.

Побывали в Горной Шории. От Таштагола до приискательского поселка Спасск нужно было подниматься на перевал по петляю

щему шоссе. Когда долина Кондомы осталась далеко внизу, а прямо на востоке встала голубоватым конусом гора Шерегеш, Валя вдруг присела на скате придорожной канавы и, пожевав кудрявый липкий листочек малины, сказала:

— Я устала, Павел. Устала от того, что так долго ждала тебя, и от того, что боюсь потерять все это сразу. Где-то ты рядом, я слышу твой голос, мне даже кажется, что ты иногда несешь меня на руках, но всякий раз оставляешь и уходишь вперед. Почему это, Павел?!

— Ты действительно устала, — забеспокоился Рогов, — мы отдохнем в Спасске.

Через неделю, уже в Сталинске, Валя снова вернулась к этому разговору. Это был последний разговор и последний вечер, проведенный вместе. Старый инженер Иван Сергеевич Домбицкий пригласил их к себе. У него в этот вечер собрались хорошие люди — два пожилых артиста из городского театра, профессор Скидский из Новосибирска — человек с телосложением лесоруба и умными живыми глазами под чистым лбом. Были еще две студентки-педагогички, обе светленькие, в одинаковых костюмчиках, робующие. Одна из них, страшно волнуясь, спела славную песенку, за что и была награждена горячими аплодисментами. Говорили о последней повести одного из маститых писателей и все сошлись на том, что журнал поторопился ее опубликовать. Потом профессор рассказал о своей последней поездке на Томь-Усинское угольное месторождение. Рогов заметил, как Валя непроизвольно придвинулась к рассказчику, как на лице ее вспыхнул неровный румянец. О планах исследовательских работ она расспрашивала жадно, порывисто, словно воскрешая в памяти потерянный мир.

Отошел к окну и тут, один на один с собой, должен был признаться, что его личная экспедиция в Кузбасс не увенчалась успехом, что ему не удалось увлечь Валию суровым величием края, широтой этой богатой земли, которая так жадно просила работающих человеческих рук. Значит, не ходить им рядом, не согревать сердца одним делом — вот в чем суть! И может же случиться такая дичь...

Подошла Валя, облокотилась о широкий мраморный подоконник. Внизу, в синих сумерках, терялась узкая перспектива улицы. Налево, по ту сторону площади, поднимался семиэтажный куб большого дома. И оттого, что в каждом его окне стоял одинаково бледный свет, дом казался созданным целиком из светящегося стекла. Спросил вполголоса:

— Ты грустишь?

— Нет, — качает головой Валя, а через минуту нетерпеливо просит: — Ну скажи что-нибудь?

— Разве тебе легче от этого будет?

— Нет, но я буду знать, что ты живой.

В ушах Рогова возникает далекий и тонкий звон — след давней контузии, но он говорит еще медленнее, еще спокойнее.

— Теперь я всегда буду живой.

— И всегда будешь от меня на особицу? Всегда будешь вот таким же торопыгой?

— Я могу поубавить прыти, если ты не успеаешь.

— Нет, нет! — шепчет Валя. — Тут ничего не нужно изменять. Ты только одно пойми: я не могу быть просто только твоей женой, не могу! Но и без тебя не могу. А ты все время рвешься куда-то... Неужели так будет всю жизнь?

— Что ты говоришь, подумай! — Рогов почти испуганно заглядывает ей в лицо.

— Правда, зачем... — Она медлит, закидывает руки и поправляет прическу. — И не надо больше об этом.

В это время хозяин окликнул Валу, и она пошла к студенткам, которые весь вечер не спускали с нее глаз. Рогов остался у окна, полный колючих терпких мыслей о том, что мирная жизнь началась для него совсем не так, как ему хотелось...

ГЛАВА VI

Разговор, очевидно, был о Рогове, потому что, когда он вошел, Дробот умолк и торопливо вытянул из папки неряшливый клочок бумажки.

— Заявление тут на тебя, — сказал он нарочито спокойным, даже безразличным тоном, — группа забойщиков жалуется на не законные удержания.

— Какая группа? — Рогов устало присел на табуретку.

— Ты не беспокойся, — заторопился Дробот, — мы тут обсудили с главным инженером и решили, что все можно уладить.

— Если есть заявление, — тихо сказал Рогов, — его нужно разобрать и виновного взгреть. Так, по-моему, делают?

Дробот усмехнулся и, опустив глаза, проговорил:

— А тебя и следовало бы взгреть, хотя бы за то, что технологию на пятом участке ты до сих пор не наладил. Все сроки прошли, а ты все экспериментируешь. Да, да, ты экспериментируешь, а я отвечаю, потому что трест-то угля требует, ему план подавай!

Рогов слушал Дробота, глядел в его глаза и делал невероятные усилия, чтобы унять унизительно тягучую зевоту, от которой ныли скулы. Сколько раз он уже слышал эти поучительные нотации, сколько раз глядел в маленькие серые глаза начальника, угадывая за их внешним оживлением холодноватое, презрительное равнодушие. — «Как мне это надоело», всем своим видом и плохо скрытыми интонациями говорил Дробот.

В общем, дело шло все хуже и хуже. С новой системой металлического крепления, которую предложил Рогов, ничего не получилось, потому что машиностроительный завод не выполнил заказа на конструкции. С трудом налаженные опыты по закладке бетоном выработанного пространства пришлось временно приостановить из-за отсутствия цемента: кто-то в управлении прозевал сроки и не сдал заявку. Рогов пришел сейчас к начальнику с твердым реше-

нием — поговорить начистоту. Едва переждав длинную тираду Дробота, он вдруг спросил в упор:

— Как же все-таки с монтажом, Петр Михайлович?

— Некого ставить, голубчик, ни одного человека. Хотели вот с транспорта взять, да Стародубцев такой крик поднял, хоть беги.

Стародубцев, сидевший сбоку от стола, сейчас же нахохлился, всем своим видом показывая, как его огорчает одно только предположение покуситься на интересы подземного транспорта.

— Видал? — снисходительно усмехнулся Дробот. — Придется подождать, а потом, авось, и сделаем что-нибудь.

— Но металлическое крепление — это не детская забава! — Рогов встал и оперся руками о стол. — Неужели мне нужно это доказывать, Петр Михайлович?

— Не будьте ребенком, — спокойно загудел Филейков, свертывая какие-то планы в трубочку. — Мы должны в первую очередь уголь давать, мы все должны подчинить интересам добычи.

— Совершенно правильно! — согласился Рогов. — Но...

— Никаких «но»! — вмешался в разговор Дробот. — Как-никак, а добычу мы даем. Недаром все-таки присудили нашей шахте звание министерства.

— Положим, Рогов здесь не при чем, его район плана как раз не выполняет, — небрежно вставил Стародубцев.

— План, план! — Рогов пожал плечами.

Не далее, как прошлой ночью он высчитал соотношение очистного фронта с темпами подготовительных работ на шахте и пришел к твердому выводу, что самое большое через полгода шахта по добыче угля резко пойдет вниз. Едва дождавшись утра, он позвал к себе Дубинцева и приказал ему подобрать две хороших бригады для скоростной проходки штреков на новом угольном поле их района.

— Пробовали у нас это... — скептически заметил техник.

Рогов холодно взглянул в его глаза и резко произнес:

— Я вас не пробовать заставляю. Вы не дегустатор, а горняк... Понятно?..

— Понятно! — восторженно воскликнул Дубинцев и побежал выполнять распоряжение.

Через час списки бригад были уже составлены, но заместитель главного инженера Харламов отказался их утвердить.

— Вы оголяете остальные участки, дорогой Павел Гордеевич! — благодушно сказал он.

— Я ставлю основные силы на направление главного удара, — возразил Рогов.

— Батенька, — поморщился Харламов, — не вводите меня в заблуждение пышной терминологией! Вы лучше в суть дела посмотрите. Два штрека будут у вас продвигаться на двести метров в месяц, а остальные пять — поползут черепахой. Все это детские опыты.

Оставалась надежда, что организацию скоростных бригад утвердит Дробот. Именно за этим Рогов и пришел к нему. Списки лежали у него в кармане и он, едва дождавшись паузы, положил их перед начальником. Дробот мельком проглядел списки и передвинул их Филенкову.

— Ну, что ж... — вяло сказал главный инженер. — Я считаю, что с организацией одной бригады можно согласиться, как с временной мерой.

— Это неправильно! — нетерпеливо перебил Рогов. Его сейчас раздражали и густой бас и медленные движения этого грузного одутловатого человека. — Почему временная мера, когда я прошу сразу утвердить и новый график цикличности и проект приказа по транспорту.

— Опять транспорт?! — Стародубцев перегнулся через стол. — Я прошу тебя, Павел, оставь, наконец, меня в покое!

Рогов нехотя усмехнулся.

— Причем здесь твой покой? Я говорю о необходимости обеспечить порожняком скоростные забои.

— Спокойно, товарищи, — остановил Дробот. — Одну бригаду и график на нее я утверждаю. Это даже хорошо, потому что вчера из комбината прислали в трест специальную директиву об организации скоростных забоев. Директива не сегодня—завтра придет на шахту, а у нас уже дело на мази, — он с довольным видом пошелкал пальцами, но сразу же потускнел. — Только я тебя прошу, Павел Гордеевич, будь благоразумен, всего, так сказать, в меру!

Рогов положил списки в карман. Можно приступать к делу... Но его охватило какое-то странное чувство, словно он замахнулся изо всей силы, а ударил по воздуху. Несколько минут он внимательно вглядывался в лица Дробота, Филенкова, Стародубцева и мысленно, решал, что, в сущности, они неплохие люди. В тяжелое время войны они сумели превратить маленькую шахту в крупное сложное предприятие и удвоили добычу. Начальник и главный инженер имеют за плечами почти двадцатилетний командный опыт. Что такое по сравнению с ними Рогов? Безусый мальчишка! Но как же тогда примириться с тем, что он критикует их?

— Да, я чуть не забыл! — восклицает вдруг Дробот. — Вчера в тресте решили передать тебе и седьмой участок. Бери, брат, и хозяйствуй.

— Но это же северное крыло? — удивляется Рогов и еле сдерживает себя, чтобы наотрез не отказаться. Сегодня семнадцатое, участок самый запущенный и район, значит, снова не выполнит месячный план. Как будто умышленно все так подстраивается, чтобы отнять у него какую бы то ни было возможность заниматься осуществлением своих планов.

— Какая разница — северное крыло или южное, — примирительно говорит Дробот, — Пласт-то ведь один. И, между прочим,

не забудь — завтра в шесть вечера слет стахановцев. Получаем знамя!..

...Рогов прошел по многочисленным помещениям комбината. Он разыскивал Дубинцева. Был час дневного наряда. Из верхних окон на цементный пол раскомандировочного зала падали косые солнечные столбы. В них клубились мириады золотых пылинок. Говор сотен голосов, приглушенный смех, обывки торопливых фраз — все сливалось в сплошной гул, и сотни шахтеров отчетливее, чем когда бы то ни было, казались боевым отрядом. От всего этого убистрялось дыхание, шагало шире.

Дубинцева он так и не отыскал. Хотел уже пойти на материальный склад, как вдруг услышал оклик, оглянулся и заметил, что в группе рабочих приветственно вскинул руку старый проходчик Вошин. Поздоровались.

— Я слышал, что вы скоростной забой соображаете? — спрашивает Вошин. — В случае чего, не забудьте обо мне. А то ведь я и обидеться могу.

— Нет, зачем же, Афанасий Петрович. — успокаивает его Рогов. — Вас в первую очередь записали. Я даже больше скажу: придется вам, Афанасий Петрович, командовать бригадой.

— Ну, что ж, можно и командовать, раз такая нужда пришла. — с удовольствием согласился Вошин.

— Я надеюсь, что все будет хорошо! — Рогов с двусмысленной улыбкой пожал тяжелую, почти квадратную ладонь проходчика. Тот нерешительно переставил с ноги на ногу и, упрятав глаза под жесткие соломенные брови, сказал:

— Павел Гордеевич... Вы меня, конечно, извините, если что не так. У меня сын-фронтовик приезжает и дочка вернулась. Приходите как-нибудь вечером, поговорим душевно.

Про себя Рогов усумнился, что представится такая возможность, но все же пообещал прийти.

ГЛАВА VII

Начальником седьмого участка оказался вихрастый, средних лет человек, с маленьким личиком, усеянным крупными зеленоватыми, под цвет глаз, веснушками.

— Очередько, — отрекомендовался он, и тут же зачастил, посыпал словами: — Значит так, товарищ районный инженер, кривая добычи в данное время на участке...

— А вы проще! — прервал его Рогов... — Без кривых...

Очередько запнулся и, как-то нехорошо колюче обшаривая лицо Рогова своими зеленоватыми глазками, стал путанно докладывать, упоминая все же о кривой, которая «имеет тенденцию» падать. Рогову очень не понравился этот доклад, хотя он и изобилывал многочисленными подробностями. Насчет запасов угля, годового к выемке, Очередько не мог ничего сказать. Зато о рабочих распространялся подробно, плаксиво, передергивая губами.

—Так это же смех, а не рабочие, товарищ районный инженер. Называется трудовой резерв, ну и пусть бы он был резерв. Маленькие же все! Уцепятся за одну стойку, ну истинно, как муравьи, а толку чуть. Вот, скажу я вам, во время войны у нас льготно было. На всякие там штатные расписания особо не нажимали — был бы уголек. Красота! Что ни месяц — то премия.

Превозмогая тонкий мелодичный звон в затылке, Рогов проговорил сквозь зубы:

— Имейте в виду, я с вас эту красоту спущу. Не трудитесь со мной ходить, я сам осмотрю участок.

Забои на участке не понравились Рогову, так же, как и доклад начальника. В нижней параллельной просеке он застал группу забойщиков. Кто-то из них посветил ему в лицо и сказал:

— Холерская работа, сидишь и зеваешь, аж за ушами ноет. Думая, что его не узнали, Рогов присел в сторонке. Но один из шахтеров вдруг обратился к нему:

— Может, вы нам раз'ясните, когда волюнка на нашем участке кончится? У всех работа, как работа, а у нас, что ни день, то коловорот: или без леса, или без порожняка.

Рогов без труда установил, что на участке работают две бригады, причем одна, с которой он сейчас говорил, состоит целиком из старых кадровых забойщиков, а другая — из выпускников ФЗО. Кадровики не зря ворчат: им постоянно приходится подбирать хвосты за «трудовыми резервами», как выразился Очердько.

— Ладно, я думаю, нам удастся все это быстро наладить, — пообещал Рогов и прошел в лаву. Врубовка стояла. Мишинист при свете аккумулятора чинил брезентовую рукавицу. Глянув мельком на Рогова, он неприязненно буркнул:

— Кабель надо менять, а слесаря чорт с квасом слопал.

— А самому зазорно этим заняться?

— При чем тут зазорно? Мне же не дадут кабеля на складе.

Спустившись через печь и прыгнув с распатанной лесенки, Рогов попал в лужу. Вода и грязь затопили рельсы по самое яблочко. Штрек пролож был на длинное стоячее болото. Тоненько пел вентилятор, вытягивая невидимую воздушную нить. В сторонке теплился тусклый огонек лампочки: люковой дремал, привалившись к стойке.

— А что же мне делать? — обиделся он на замечание Рогова. — Порожняк на месте, угля в спусковой печи пока нет.

— Запомни, — тихо, но очень настойчиво сказал Рогов, — штрек на сто метров в ту и другую сторону — твое хозяйство. Вернусь сюда к концу смены и, если это хозяйство будет попрежнему по уши в грязи, я назову тебя лодырем, а в свидетели пригласю прескурора. Понял?

Нехороший, терпкий осадок вынес он после осмотра участка. Но пока шел по звонкой бетонной дорожке главного квершлага, немного рассеялся. Хорошо и то, что лава в рабочем состоянии, люди есть, с ними можно договориться.

В шахтном дворе бригада Вощина таскала из клетки части механического перегружателя.

— У меня особое почтение к машинам.—усмехнулся Афанасий Петрович. — С детства слабость питаю. А насчет вечерочка, Павел Гордеевич, не забудьте.

Когда поднялся наверх, над землей неслышно ступали поздние сумерки. Кто-то быстро пробежал по тротуару. На ступеньках железного виадука теплились огоньки папирос. Там расселась группа молодежи.

— Ну, хватит вам про девчат! Скучота! — сказал кто-то ломким басом. — Давайте споем лучше! Люблю песни!

Поднявшись на виадук, Рогов подошел к сидевшим и спросил:

— Покурить найдется?

— Найдется, товарищ Рогов, садитесь!—предложил любитель пения.

— Откуда знаешь меня?—спросил Рогов, принимая папироску.

— Ну, еще бы! — усмехнулся парень. — Вас сегодня так в газете разделали — теперь весь рудник знает.

— В газете?

— Ну, конечно. А вы что, не знаете? Там вас на все корки, и даже стишок внизу приделали.

— Придется почитать на досуге,—присаживаясь на ступеньку, сказал Рогов.

— Да уж придется, если не читали! — Несколько человек коротко и недружелюбно рассмеялись.

Минуты две сидели в неловком молчании, потом один из парней, очевидно, самый разговорчивый, нетерпеливо встал.

— Скучота. В клуб что ли сходить?...

— Вот что... — Рогов спокойно взял его за руку и усадил рядом с собой. — Можно, ведь и так жить, чтобы скучота не мучила.

— Да я к слову... — замылся парень и настороженно затих.

— Вот и я тоже к слову. Мне кажется, вы все на седьмом этаже работаете? Бригада Черепанова? А ты — Черепанов, так что ли?

— Ну, так... — ответил кто-то с верхней ступеньки и тут же невесело вздохнул: — Ну, сейчас начнется проработка...

— Какая проработка?

— Ну, ругань. Нас Очередько и утром и вечером лает.

— Не нравится, когда ругают? — засмеялся Рогов.

— Вас же самого в газете.... — коротко хохотнул парень, сидевший рядом.

Рогов, вспомнив о непочтой пачке папирос, распечатал ее и, в свою очередь, угостил собеседников.

— Лицо я твое плохо вижу,—начал он, положив ладонь на теплое плечо Черепанова,—а голосом ты мне напомнил Степу Данилова. Был у меня такой в роте на Брянском фронте. В трудное время довелось воевать парню...

Говорил Рогов спокойно, временами умолкал, глубоко затаиваясь папироской, и тогда золотой огонек слабо освещал его припухшие губы, коротковатый нос и крутые надбровные дуги. Земля дремала вокруг, словно прислушиваясь к его неторопливому рассказу, звезды как будто спустились ниже, совсем близко шумно вздыхала шахта. Но Рогов и его слушатели не видели ни звезд, ни шахты...

...Ненастная осень раскачивала редкий, вырубленный огнем, осинник. Оползали глиняные стенки траншей. Липкая грязь сочилась через порог блиндажа. Темно и сыро на земляных нарах, на которых сидят и лежат солдаты. Тихо в блиндаже. Но вот кто-то стучится в дверь.

— Войдите, — недовольно отзывается старшина. Дверь открылась. На пороге вытянулся совсем небольшого роста солдат и доложил:

— Красноармеец Данилов! Из госпиталя. Военная специальность — снайпер. Прибыл с маршевой ротой. Прошу зачислить на все виды довольствия. — Переждав секунду, он вдруг прыснул в кулак:

— Бомбили меня сейчас!

В блиндаже расхохотались.

— Наверное, сам Геринг вылетал...

— А мы тут гадаем: почему на участке затишье? А оказывается, Гитлер все силы стянул против этого парня.

— Расскажи толком, — посоветовал старшина.

— Так я же толком, — весело откликнулся снайпер. — Ехал на попутной кухне с поваром. Во-первых, тепло, во-вторых, сытно. Повар лихой, врал всю дорогу, как он при помощи черпака захватил в плен венгерского генерала. И вдруг самолеты. Этот кулинар пополз на четвереньках в кусты. Я тоже хотел прыгнуть в какую-нибудь ямку, но жалко кухню стало. Схватил вожжи и давай гонять по полю. От гоньбы этой что-ли. дрова в кухне разгорелись, дым, как от парохода. А самолета два. Ну и взял он меня в работу потом: «Самому, говорит, старшине доложу!»

— Кто, немец — что ли?

— Да нет, повар. Это — когда немцы улетели. Надо, говорит, было сначала кухню завинтить герметически, а потом сражение принимать. Половину, говорит, шей расплескал, растяпа!

— Повар у нас, действительно, строгий, — заметил старшина. — Но если со шами на самом деле неустойка, не миновать вам обоим по два наряда вне очереди.

В блиндаже снова расхохотались. А потом каждому вдруг захотелось иметь своим соседом маленького новичка. К нему сразу потянулись с кисетами, но старшина взяла инициативу в свои руки и поместил Данилова рядом с собой.

Через полчаса снайпер завладел ротной гармошкой и пленил солдатские сердца родными мелодиями. Через месяц на его счету было уже одиннадцать немцев, а через три месяца — семьдесят

шесть и две правительственные награды. По всему фронту разнеслась слава о молодом снайпере. Его вызвал к себе сам генерал и вручил именное оружие. У Данилова оказались десятки последователей и учеников.

Примерно, в это же время прославилась своими подвигами снайпер соседнего батальона Тоня Липилина. Общительный и покладистый Данилов почему-то равнодушно обходил девушку. Они часто встречались, работали в соседних секторах, а душевной близости, даже простой симпатии, по наблюдениям товарищей, у них не возникало, хотя это было бы вполне естественно между людьми, которые обеспечивали друг другу боевые фланги.

— Девчонка, чего с нее взять, — пренебрежительно замечал Данилов, когда речь заходила о Липилиной.

Это было явно несправедливо, потому что Тоня мало в чем отставала от самого Данилова.

Уже весной, перед наступлением, Данилов привел в неописуемую ярость немцев, сняв удачным выстрелом представителя гитлеровского верховного командования, когда тот совершал инспекторский смотр своих передовых укреплений. Немцы забросали наши траншеи листовками, в которых категорически утверждали, что русский гросс-снайпер Данилофф будет уничтожен не позднее, чем через десять дней самым что ни на есть выдающимся гросс-снайпером имперских вооруженных сил, майором службы СС Гансом фон-Ульприхт.

— Хвастаются, стервецы, — весело заметил Данилов, когда ему прочли эту листовку. Но перед выходом в очередную засаду, в разговоре с командиром роты, он, словно между прочим, попросил: — Вы бы, товарищ лейтенант, предупредили соседних снайперов, чтобы не зевали.

Так прошло дней пять. И вдруг вражеский снайпер дал о себе знать целой серией очень дерзких вылазок. Был убит веселый повар Котов, с которым когда-то Данилов прибыл на передний край, ранило старшину Неупокоева, и его заменил толстяк Чистяков. Почти в один и тот же час из соседней роты унесли в полевой госпиталь сразу трех солдат.

Данилов потемнел лицом. Вечером сообщили, что немецким снайпером ранен адъютант командира полка. Гармоника в руках Данилова басовито вскрикнула. Он поставил ее и, зажав ладони между коленями, минут десять сидел, потупившись. Зная его неровный характер, товарищи помолчали, потом заговорили о посторонних вещах. Только пожилой уралец, Гурьев не выдержал и ворчливо сказал:

— Расшевелить немчуру смогли, а вот ухлопать толку не хватает.

Минут через пять Данилов ушел, а вернулся только на следующий вечер. Молчком вычистив винтовку, лег спать. В блиндаже по возможности говорили шепотом — солдаты понимали, что в обо-

роне снайпер—основная фигура. Передавали в разговорах, что их молодой товарищ за сутки убрал семерых гитлеровцев.

Ночью немцы несколько раз обстреливали ураганным минометным огнем «ничейную» полосу. Из штаба батальона было приказано иметь максимальное количество людей на переднем крае. Час от часу обстановка на участке все больше накалялась. Утром старшина Чистяков несмело потянул Данилова за ногу и сказал:

— Степан, ты спишь? Послушай, что говорить буду...

— Говори! — глухо отозвался снайпер.

— Тоню Липилину немец подстрелил... Жалко девку. Только что унесли в санроту.

Шинель стремительно слетела с Данилова, он сел, вцепившись железными пальцами в плечи старшины. Его припухшие от сна веки вздрагивали, губы приоткрылись, обнажив два ряда белых острых зубов.

— Что ты сказал?! — прошептал он. — Тоню?

— Да, ты это... — забормотал Чистяков: — Говорят, что не насовсем.

— Не насовсем!..

Данилов метнул на Чистякова гневный взгляд, но тут же встал и, вытянувшись по форме, попросил:

— Разрешите на пятнадцать минут отлучиться в санроту?

Тоню готовили к эвакуации в тыл. Подтянутый, строгий Данилов встал у ее изголовья. Она увидела его и, преодолевая гримасу боли, виновато улыбнулась:

— Проморгала, Степа... Мне кажется, он у двух осин, что в твоём секторе..

— Тоня...—Данилов наклонился к девушке и неумело коснулся ладонью ее щеки. — Я убью его... Тоня!

Вечером в блиндаже не слышно было гармошки. Уходили на посты солдаты. В желтом свете коптилки медленно колебались тени на сырых стенах. Данилов поздно вернулся от командира роты и сейчас же стал неторопливо и особенно обстоятельно готовиться к выходу. Проверил оптический прицел, заново осмотрел и протер патроны, переобулся и, сунув за пазуху два сухаря, ушел.

Уралец Гурьев стоял у амбразуры на правом фланге ротного участка. Снайпер пробыл у него до того часа, когда на востоке забрезжил голубоватый свет. Несколько раз заглядывал командир роты и тихо спрашивал:

— Сидишь? Ну, сиди!

Наконец, Данилов поднялся.

— Тронулся? — встревоженно спросил Гурьев. — Может отдохнеть еще?

— После войны... В Сочи—Мацеста, — буркнул Данилов и, бесшумно скользнув через бруствер, будто растаял в струящейся полумгле. Гурьеву показалось, что еле приметный холмик, до которого от бруствера было метров сто, безгласно расступился и

поглотил маленького солдата. Но если бы уралец смог выйти вперед, он заметил бы, как между кустиками прошлогодней травы медленно и настороженно живут серые строгие глаза. Пока поднялось утро, эти глаза ощупывали каждую кочку, каждую ложбинку перед передним краем немцев. Место привычное, знакомое: справа две тонких осины, слева чистое поле, перепаханное воронками. Как будто ничего нового. Но за комлем осины видна еле приметная выпуклость каски, прикрытой маскировочной сеткой. Вот каска сантиметра на два перемещается, и Данилов кривит губы: дурак этот немец, если хочет поймать на такую тощую приманку!

Но где же все-таки «рыболов»? Не обращая внимания на плохо замаскированную каску, снайпер переводит взгляд чуть левее. Догадка обжигает его в ту же секунду. Он даже прикрывает глаза от волнения, но тут же успокаивается и сжимает шею приклада, словно уже самого немца держит за горло.

Для того, чтобы средняя, самая неприметная кочка попала в перекрестье прицела, нужно повернуться всего градусов на двадцать. Едва он повернулся, как над головой прошла пулеметная очередь. Можно было бы, конечно, еще подождать, но Данилов, чуть покривив уголки сухих обветренных губ, нажал спуск, и кочка, словно рассеченная хлестким ударом, распалась надвое. Из-под нее судорожно вскинулась рука, плоская немецкая каска повалилась в сторону...

— Мы потом еще долго воевали со Степаном Даниловым, до самого Одера прошли, — говорит Рогов, раскуривая потухшую папироску.

— А вы рассказывайте, Павел Гордеевич, — просит Черепанов. — Его что ж, убили потом?

— Его наградили званием Героя Советского Союза, и я уверен, он остался жив! — Рогов поднимается со ступеньки. — Если хотите, я вам еще расскажу о нем много интересного, но это как-нибудь потом. Да и дело у меня к вам. Слушайте-ка...

Не меньше часа после этого со ступенек виадука слышался то ровный голос Рогова, то ломкий басок Черепанова, то вдруг разгорался общий оживленный разговор. Потом бригада забойщиков в полном составе провожала инженера до самого дома. Пожимая Рогову руку, Черепанов сказал, кивнув в сторону почтительно молчавших товарищей:

— Павел Гордеевич, надейтесь... мы вас не подведем.

ГЛАВА VIII

Солнце еще не показалось из-за горы, но синий прохладный свет уже поднялся во всю небесную ширь. В недосыгаемой высоте курчавилось одинокое розовое облако, возвещая всему утреннему миру, что день идет.

Когда Рогов в сопровождении Очередыко пришел на материальный склад, где предполагалось произвести монтаж щита, бригада Черепанова была уже на месте. Приближение инженера осталось незамеченным. Забойщики внимательно слушали бригадира. Черепанов говорил что-то вполголоса, часто перебивая свою речь одним и тем же словом: «Понимаешь?» Рогов только сейчас по-настоящему разглядел этого рослого парня с юношески чистым, красивым лицом и плавными округлыми движениями.

— Я ставлю на голосование: кто за? — спросил Черепанов, не замечая Рогова, и все шесть молодых шахтеров дружно подняли руки.

— А теперь заметьте, — Черепанов медленно опустил крупные кулаки в карманы брезентовых брюк. — Теперь заметьте, это политический постулок. Если провалимся — опозорим имя героя и тут нам никакие начальники не помогут.

— Вы слышите, Павел Гордеевич? — зашептал из-за плеча Рогова Очередыко. — Вы слышите, какие бойкие речи произносит этот зеленый фрукт. И политический поступок и начальство... а в работе бестолочь.

Не ответив, Рогов подошел к забойщикам.

— Собрание провели маленькое, — застенчившись доложил Черепанов. — Важный жизненный вопрос. Но пока это секрет.

— Вот фрукт, — язвительно усмехнулся Очередыко. — Не успели шахту понюхать, а уже секреты заводят. Бестолковщина!

Рогов подробно рассказал Черепанову, как подготовиться к монтажу щита и, пообещав прислать техника Дубинцева, пошел в комбинат. Сбоку поспешал Очередыко. Ободренный молчанием районного инженера, он развивал какие-то туманные планы.

— А то как же! — удивленно восклицал он, полемизируя неизвестно с кем: — Конечно, участок длительное время отставал. Но, если хотите знать, — я умышленно придерживал кое-какие возможности.

— Что-о? — Рогов замедлил шаг.

— Не то, чтобы умышленно, а как-то руки не доходили, — поспешно поправился Очередыко: — Зато наднях я развернусь. Честное слово! Весь рудник ахнет! Да что рудник, — мероприятие всесоюзного масштаба! Организую мировой рекорд. Есть у меня на участке один такой человек — руки — во! грудь — во! Десять лошадиных сил! Уже договорились. Придется подбросить ему отрез на костюм и еще какую-нибудь малость.

— Как это подбросить?

— Обыкновенно. Пообещать заранее премию. Будьте спокойны, все окупится — верных три тысячи процентов.

— Кто же это такой? — заинтересовался Рогов.

— А вы что же не знаете нашего рекордиста Деренкова? — удивился Очередыко. — Павел Гордеевич, для пользы дела совету: изучайте людей! Я этого Деренкова вдоль и поперек знаю. Норовист мужик, в войну еще сюда прибыл. За что-то с фронта

отчислен. Не интересовался! Мне ведь важно, чтобы он уголь давал. А он умеет это, если, конечно, захочет или если его подмажешь. У меня простой расчет: чем возиться с десятью зелеными хлопцами, вроде этих фэззошников, лучше держать под рукой такого, как мой Деренков. Я все это к тому, что прошу вашей санкции на рекорд.

— Хорошо. — согласился Рогов. — Организуйте рекорд, хотя мне что-то мало нравится ваш рекордист. А сейчас вернитесь к бригаде Черепанова и помогите ребятам.

Очередько ушел. Рогов позвонил начальнику шахты.

Нет, нет, — запротестовал тот, — в шахту не ходи, сегодня целая серия совещаний.

Рогов подсаживал на то, что хорошо продуманный дневной план в самом начале нарушался... Но совещаний последовало, действительно, целая серия. Сначала разговаривали с начальниками участков, и Дробот без особой нужды раскричался по адресу «некоторых молодых руководителей», не желающих считаться с крепкими традициями шахты. При этом Рогов встретился взглядом со Стародубцевым. «Что попало?» — одними глазами спросил начальник транспорта. «Чепуха», — отозвался Рогов. Потом совещались с горными мастерами и, наконец, утомительно, долго обсуждали вопросы техники безопасности и изобретательства. Об изобретательстве очень невнятно и обще докладывал главный инженер.

Дубинцев бросил через стол записку: «П. Г., есть новость. Женьсь, а в отпуске Дробот отказал. Походатайствуйте! А еще обратите внимание на Хомякова: старик что-то мрачен».

Рогов размашисто написал на обороте: «Поздравляю! Она чудесная девушка. Походатайствую». И осторожно глянул в тот угол кабинета, где сидел Хомяков. Старый маркшейдер, очевидно, не слушал докладчика, лицо его ничего не выражало, кроме болезненного томления. Рогов написал на клочке старого рапорта: «Что с вами?» и не обращая внимания на косой взгляд Дробота, бросил записку маркшейдеру. Тот прочел и, обрадовавшись такому простому вниманию, быстро закивал головой, словно говоря: «Да, да, мне очень плохо».

— Что же все-таки главный инженер может сказать о работе с изобретателями? — нетерпеливо прервал докладчика лобастый человек с карими веселыми глазами.

— Новый парторг... — одними губами ответил Дубинцев на молчаливый вопрос Рогова.

— Что я могу сказать... — пожал плечами Филенков... — Дело это решается пока организационно и имеет для нас, по-моему, чисто академический интерес.

— Действительно! — пробормотал Рогов и нетерпеливо поднялся...

До слета оставалось всего часа три, и поэтому спускаться в шахту не было уже смысла. В коридоре Рогов остановил Хомякова.

—И не говорите. — сокрушенно сказал тот:—страшнейшие неприятности на работе!

—И что же это — секрет? — осторожно спросил Рогов.

—Как сказать... оно, может быть, и секрет... Но вам я могу довериться! —

Волнуясь и потому часто сбиваясь в мыслях, Хомяков вполголоса рассказал, что на-днях произвел обычный месячный замер угля в штабелях и при этом обнаружил недостачу четырнадцати тысяч тонн.

—Это меня так... так потрясло! — Хомяков поднял на Рогова маленькие, близорукие и оттого детски беспомощные глаза.

— Какой же здесь секрет? — напустился Рогов. Ему неприятно было сейчас растерянное, старчески дряблое лицо маркшейдера. — Надо немедленно обо всем доложить Дроботу.

—В том-то и дело, голубчик, — вздохнул Герасим Петрович — докладывал! Пять раз докладывал! Написал даже рапорт, а результаты трагикомические. Сказали, что я на старости лет забыл арифметику.

—И вы что же? Таблицу умножения зубрите?

—Павел Гордеевич! — Хомяков выпрямился, на щеках у него появился склеротический румянец. Как раз в этот момент к ним приблизился новый парторг:

—Познакомимся товарищ Рогов,—заговорил он, пожимая инженеру руку, — Бондарчук. Парторгом к вам назначен. Хотел поговорить сегодня с вами, а тут как раз слет, перенесем это на завтра. Хорошо?

Они прошли вместе до раскомандировочного зала.

—Я, правда, себя пока что гостем чувствую, — улыбаясь, сказал Бондарчук, — но хорошо, что приходится начинать с такого приятного события, как получение знамени.

— Вам повезло, — согласился Рогов.

— Случайность? — Бондарчук мельком, но очень зорко глянул в лицо инженера.

— Нет, почему же...

— Ну, хорошо, — сказал Бондарчук: — Завтра встретимся и поговорим подробно. Договорились?

— Согласен! — Рогов пристально и твердо глянул в карие, веселые глаза парторга...

...Каждый раз на стахановских слетах Рогова охватывало высокое чувство простора и ожидание решительных и больших событий. Но сегодня к этому чувству примешивалась еще и неловкость, как будто он явился не вместе со всеми, а по специальному приглашению: людей от его района было на слете очень мало.

Сотни стахановцев и командиров заполнили просторный вестибюль клуба. Лица у них были праздничные, немного торжественные и в то же время деловитые. Собрались свои люди, из года в год знавшие друг друга в буднях, в труде, в надеждах и победах. Слитный гул голосов, встречные улыбки, короткие приветст-

вия — от всего этого заново крепла вера в нерушимость коллектива в его силу.

Гдето в толпе мелькнули Дубинцев и Аннушка. Девушка помахала рукой Рогову. Мимо прошли начальники первого и третьего районов, Нефедов и Охрименко — коллеги Рогова по «Капитальной». Квадратный, широкоскулый Нефедов на ходу что-то страстно доказывал такому же квадратному, но с узким смуглым лицом Охрименко.

Рогов знал их с первых же дней своей работы на шахте, но сойтись с ними близко почему-то не сумел, хотя оба нравились ему — Охрименко своей невозмутимой устойчивостью, Нефедов же — стремительностью, не знающей усталости, некоторой безалаберностью в речах и почти безрассудной приверженностью ко всему, что касалось его района, его плана, его людей.

Остановившись недалеко от Рогова, у галереи стахановских портретов, Нефедов похлопал Охрименко по плечу и, жестикулируя, со свойственной ему резкостью закричал, пересиливая многоголосый шум.

— Хмельченко! Понимаешь, это ж мой Хмельченко! Светлая голова, золотые руки. С таким через год я знаешь что натворю?

Рогова потянули за рукав.

— А, Черепанов! — обрадовался он. — Ну, как успехи?

— Опять лаялся Очередько... — На юношески смуглом лбу забойщика обозначались две тонких морщинки. Он показал глазами на входную дверь и пожаловался. — Не пустили сегодня мою бригаду на слет. Обиделись ребята, прямо страшно. Я вот кое-как пробрался. Можно сказать, зайцем! А ребята обиделись, прямо страшно.

— А что ж говорят? — спросил Рогов.

— Да что говорят? В следующий раз, говорят, со знаменами и музыкой встречать будут, весь рудник ахнет. Обиделись, прямо страшно!

Рогов посоветовал забойщику держаться поблизости. Минут через пять от дверей протолкался распорядитель.

— Уймите, пожалуйста, своих сорванцов! — попросил он: — На вас ссылаются.

У входа в полном составе митинговала бригада Черепанова.

— Бюрократы! — петушился светленький крепыш, фамилию которого Рогов не упомянул: — Примите меры, Павел Гордеевич! Говорят, что мы не стахановцы, понимаете? Да я, может быть, от рождения стахановец!

Это мальчишеское вранье немного рассмешило Рогова, но он довольно легко уговорил молодежь вернуться в общежитие, сославшись при этом на авторитет Черепанова и на то, что всех желающих и достойных клуб все равно не вместит.

— Что там? — с тревогой спросил Черепанов, когда они усаживались рядом в большом зале.

— Обиделись страшно! — повторил Рогов слова самого же бригадира. — И я тоже.

— И вы?

— Конечно. Вам бы сегодня всей бригадой здесь сидеть, а вас и на порог не пускают. Обидно! Ну да, ладно! Послушаем, что умные люди скажут!..

...Первым выступил знаменитый забойщик третьего района Хмельченко.

— Мне письмо с соседнего участка прислали! — сказал он: — Забойщик Деренков прислал. Давай, говорит, товарищ Хмельченко, соревноваться. Ну что ж, думаю, давай, товарищ Деренков. А потом почитал письмо, обдумал и заскучал.

— Нелзя ли яснее? — кричит кто-то из зала, и Рогов по голосу узнает Очередыко.

— Можно яснее, — соглашается Хмельченко под возбужденный гул зала: — Во-первых, что такое есть стахановец? Стахановец — это, по-моему, тот человек, у которого душа постоянно тревожится о своем деле — вот что такое стахановец!

— Морока! — снова прерывает Очередыко.

— Я извиняюсь! — Хмельченко выставляет перед собой ладонь, как щит. — Я извиняюсь. Прошу не путать меня разными непотребными словами.

— Не мешайте ему! — раздался многоголосый крик. Бондарчук постучал карандашом по графину:

— Продолжайте, товарищ Хмельченко.

— А этой душевной тревоги в письме Деренкова нет! — медленно и тяжело, точно гвозди вколачивая, говорит Хмельченко: — Он мне чего пишет: «Выполнять ежесуточно норму не меньше ста процентов и давать в месяц по три выдающихся рекорда». Так ведь это же цирк получается! Как же мы с такой работой о пятилетке говорить будем?

Рогов осторожно оглядывается, чтобы узнать, какое впечатление производит речь Хмельченко на слушателей. Совершенно неожиданно над его ухом раздается требовательный крик Черепанова.

— Прошу слова!

— Как фамилия? — спрашивает Бондарчук.

— Черепанов моя фамилия! — привстав, отвечает молодой бригадир.

— После Хмельченко будете говорить! — решает Бондарчук. Черепанов снова усаживается, и Рогов слышит его шумное дыхание... Наконец, Бондарчук называет фамилию Черепанова. Молодой бригадир поднимается на сцену и с усилием произносит:

— Я от имени бригады... — ему нехватает дыхания, он косо застегивает коротенький зеленый пиджачок и уже спокойнее добавляет: — Шесть человек нас, из ФЗО недавно. На седьмом участке работаем. А Очередыко лается — это наш начальник. Вот он! — забойщик ткнул пальцем в первый ряд и, переждав короткий сочувственный смехок в зале, продолжает. — Я сюда, можно сказать,

зайцем пробрался, потому что не стахановец. Но правильно здесь сказал товарищ Хмельченко: пятилетка-то идет! Вот бригада и поручила мне вызвать на соревнование самого выдающегося мастера. Это значит вас, товарищ Хмельченко! — Черепанов вежливо наклоняет голову в сторону президиума, где Хмельченко усиленно растирает ладонью покрасневшее лицо. — И еще нам хочется, чтобы на следующем слете вся наша бригада сидела в президиуме.

— Ох, отчаянный! — вспарывает тишину чей-то восторженный крик. Хмельченко ожесточенно бьет в ладоши, бурные аплодисменты прокатываются по всему залу. В это время из-за кулис выходит Дробот. Он тоже неторопливо аплодирует и наклоняется с каким-то вопросом к Филенкову. Главный инженер снисходительно улыбается в сторону Черепанова. А забойщик, ободренный всеобщей поддержкой, продолжает свою отрывистую речь:

— Только мы просим, чтобы Очередько не ругался каждый раз на чем свет стоит. Еще вот что: объявляем себя комсомольской бригадой имени Героя Советского Союза Степана Данилова!

И снова загрели аплодисменты, снова теплые ласковые улыбки засветились на лицах. В президиуме поднимается Бондарчук.

— Какие будут предложения?

— Пусть работают!

— Поддержать хлопцев!

— Я зайду к тебе в бригаду, — обещает Черепанову Хмельченко и тянется через стол для рукопожатия.

Рогов поднимает руку.

— Пожалуйста, — кивает ему Бондарчук.

— Я верю в эту молодую бригаду и ручаюсь за нее, — говорит Рогов и, заметив снисходительную улыбку на лице Дробота, внезапно решает про себя, что обязательно выступит...

После перерыва представитель комбината вручил шахте переходящее знамя. Дробот ответил по-хозяйски прочувствованной речью, в которой всего было точно в меру: и гордости за общий успех, и обещаний не успокаиваться на достигнутом, и упреков по адресу отстающих.

Рогов следил за тем, как его записка прошла по рядам и, наконец, попала в президиум. Бондарчук прочитал и одобрительно улыбнулся, а потом, пока инженер шел к трибуне, внимательно следил за ним.

— Так сказать, ложка дегтя в бочку с медом! — настороженно покривил губы Дробот на первые слова Рогова, что он не хотел бы портить праздничного настроения собравшихся.

— Пусть будет не ложка, а целый ковш дегтя! — согласился Рогов. Чувствуя, как на него повеяло холодком и от молчаливого зала и от замечания начальника, развернул большой лист бумаги и приколот его на передней стенке трибуны. Показав на разноцветные столбики диаграммы он просто сказал:

— Вот, товарищи, здесь показан сегодняшний и завтрашний день нашей шахты. Если дело пойдет дальше так же, как и сегодня, то

знамя у нас отберут через месяц, а остатки былой славы мы растеряем через два-три месяца.

— Не нравится мне эта демагогия! — отчетливо проговорил Дробот и, демонстративно громыхнув стулом, вышел за кулисы. Зал многоголосо заворчал, загудел.

— Дайте человеку сказать! — резко крикнул Хмельченко. Бондарчук спокойно постучал карандашиком о графин.

— Это, конечно, может кое-кому не понравиться! — чуть повысив голос, сказал Рогов. — Но мне кажется, что это собрание, несмотря на всю его торжественность, является продолжением нашей общей работы, поэтому я имею право сказать правду, какой бы тяжелой она ни была. Вы знаете, что на шахте триста двадцать забойщиков, а нормы выполняют только двести двадцать один. Стахановскую же выработку дают всего семьдесят три человека. Но значит ли это, что такие люди, как Хмельченко, Вошин и десятки других, вырабатывая по полторы и две нормы, умножают богатства нашего государства? К сожалению, нет. Они передовые люди, просто работают за тех, кто живет по пословице: «День проводить — пень колотить». Давайте разберемся, почему так происходит?

Теперь Рогов чувствует, как зал насторожился, видит как сотни глаз спрашивают у него нетерпеливо: «Почему же?».

ГЛАВА IX

Прочитав в городской газете резкую заметку о себе, Рогов немного подосадовал и решил оставить дело без последствий. Но сегодня, наткнувшись на маленькую заметку под заголовком «Навести порядок в бригаде Некрасова», он гневно скомкал газетный лист и торопливо стал одеваться: бригада Некрасова была лучшей в его районе и критиковать ее так, как это сделал автор заметки, можно было лишь по неведению.

Городская газета занимала двухэтажный деревянный особняк. Поднявшись на второй этаж, Рогов зашагал по темноватому коридору, в который выходили двери совершенно одинаковых фанерных комнат. Из-за четвертой от входа двери доносился громкий голос: кто-то, должно быть, надрывался у телефона. Рогов постучал в дверь и, не получив ответа, вошел в комнату.

Плотный белокурый человек сидел за столом, кричал в трубку, курил и записывал что-то в блокнот. Когда Рогов подошел к столу, он прижал трубку к плечу и подал ему руку, не переставая в то же время кричать на своего невидимого собеседника:

— Не морочь, не морочь голову! Вам за «Капитальной» все равно не угнаться... Вот чудак, да ты делай, а мы поддержим!

Ловким движением бросив трубку на рычаг и одновременно загасив окурок, он заговорил с Роговым так, как будто они встречались с незапамятных времен.

— Понимаешь, хвастается этот Ременников с десятой. Что мне, кричит, «Капитальная», когда у меня уже восемь скоростных за-

боев! Кон'юктурщиком меня обозвал! А у меня голова кругом идет, сердце разрывается.

— Да?! — вежливо поддержал разговор Рогов, хотя и не понимал, отчего у этого человека голова идет кругом.

— Конечно! — заторопился тот и перевернул на столе кучу рукописей. — Всю ночь висел на телефоне. На «Черной горе» Михайлов вышел сразу в четыре забоя. А этот, как его.. Рогов с «Капитальной»... опять загадку загадал: перевел две лавы на двухцикличный график. Два цикла в сутки! Хоть убей, не могу раскусить парня, — то у него удача, то целая серия заковык. Я у Дробота спрашиваю: «Как?» — Он отвечает: «Цыпят по осени считают», а я не могу ждать до осени.

— Рогова только на днях в газете ругнули! — негромко вставил Рогов.

— Ругнули, да не попад. Ошибка вышла. В горьком нас за это... Журналист вдруг осекся и удивленно глянул на Рогова. — Позвольте, я, кажется, ошибся. Я вас за Игнатьюка принял, с шахты три-три бис. . .

— Нет, я не Игнатьюк. — Рогов поднялся и, чуть помедлив, добавил: — Я Рогов.

— Рогов! — белокурый человек подскочил, обошел стол и еще раз подал руку. Рогов заговорил. Белокурый человек слушал его несколько настороженно, но когда понял, что речь идет не о личной обиде, а о бригаде Некрасова, то с преувеличенным оживлением воскликнул:

— Подождите, подождите... Я — заведующий отделом, а вам лучше поговорить с сотрудником, который написал эту заметку. Сейчас я его позову.

Через минуту в комнату вошел круглоголовый ясноглазый юноша.

— Чернов! — назвал он себя, здороваясь с Роговым.

— Вот, что, Чернов, — торопливо сказал заведующий отделом, — поговори с товарищем Роговым по поводу заметки о бригаде Некрасова.

Чернов хотел что-то возразить, но его патрон с расстановкой повторил:

Поговори с товарищем инженером! Понятно? — и тут же вышел из комнаты.

Оставшись наедине с Черновым, Рогов помолчал, подумал, а потом предложил журналисту:

— Вот что! Если я буду утверждать, что вы допустили ошибку, вы мне, пожалуй, не поверите. Поэтому будет правильней, если вы пойдете со мной на шахту и увидите бригаду Некрасова в работе.

— Что же, я очень охотно пойду с вами, — сказал Чернов и сказал так искренне, что Рогов не удержался и одобрительно проговорил.

— А вы, видно, хороший парень! —

Через час они были уже на шахте. Рогов провел журналиста прямо в комнату пятого участка. Бригада Некрасова оказалась в сборе.

— Вот вам товарищ, который писал о вашей бригаде, — представил журналиста Рогов. — Фамилия товарища — Чернов. Поговорите с ним и возьмите его в забой. Пусть он посмотрит, как вы работаете.

Довольный своей маленькой хитростью, Рогов улыбнулся и, отмахивая по три ступеньки, заспешил в раздевалку. На лестнице встретился с Хмельченко. Знатный забойщик только что побывал в бригаде Черепанова и отозвался о комсомольцах одобрительно:

— Ребята, конечно, неопытные, но согоньком. Я у них весь инструмент забраковал, сказал, чтобы завели свой, а то говорю, вы с такими болванками не шахтеры, а землекопы.

Рогов сам видел, что дела в бригаде Черепанова пошли круто в гору. Дела налаживались, впрочем не только у Черепанова — весь седьмой участок начал заметно поправляться. Рогов перебросил сюда Николая Дубинцева и каждый раз, просматривая итоги смены, оставался очень доволен работой этого молодого, не много флегматичного парня. По крайней мере, план выполнялся теперь по всему району, и можно было снова приступить к пробному монтажу щита, к опытам по закладке бетона в выработанное пространство...

Уже переодевшись для спуска в шахту, Рогов зашел в партбюро.

— Как раз ты мне и нужен, — обрадовался Бондарчук. — Готовь, Павел Гордеевич, доклад на общее собрание: «Пятилетка нашей шахты в действии». И, кстати, разработай, как следует тезис о вредных теориях в проходческой практике. Помнишь, случай с Филенковым?

Рогов, конечно, помнил этот случай. Дня через два после стажировского слета состоялось расширенное техническое совещание, на котором Филенков сделал тягучий, какой-то резиновый доклад, до предела перегруженный диаграммами и добрым десятком длинейших цифровых таблиц. Явно замалчивая первые опыты скоростной проходки в бригаде Вошина, Филенков указывал на трудность механизации проходческих работ, что вызвало гневную отповедь парторга. Рогов тогда поддержал Бондарчука, а теперь, согласившись сделать доклад о пятилетке, пообещал еще раз покритиковать «теорию» Филенкова.

...В шахте пришлось задержаться, хотя Рогов и спешил на прием к Дроботу. Около часа пробыл он в бригаде Вошина.

— У меня праздник сегодня, — усмехаясь сообщил бригадир. — Дочь уже дома, а сын Григорий прислал из Новосибирска телеграмму... Утром должен приехать, и вот я хочу порадовать шахтерский мир настоящей работушкой.

Рогов не стал подробно расспрашивать о смене, зная, что сейчас здесь каждая минута на счету.

Вошин с помощником пробивали основной штрек — длинную выработку, похожую на коридор, с плавными поворотами по простиранию угольного пласта. В забое еще сладковато пахло недавно сгоревшей взрывчаткой, но два колонковых сверла уже вновь были установлены и половина скважин отбурена. Вообще несложный Вошин в этот час разговаривал совсем мало. Помощник его, тоже пожилой человек, не проронил ни слова. Наполнив углем последний вагончик, он откатил его до недалекой разминки.

— Где же Димка? — забеспокоился бригадир. — У тебя, Петрович, много еще?

— С вагончик наберется, — отозвался Петрович. — Может, пойти, крикнуть этого сорванца?

— Не надо, — отмахнулся Вошин, — парень знает дело, порожняк не проворонит.

Не прошло и пяти минут, как из-за поворота выскочил Димка.

— Дядя Афанасий, — на бегу крикнул он, — транспортный десятник весь порожняк перегоняет на девятый участок.

— Тыфу, язви их! — Подсадовал Вошин. — И как это наш транспорт норовит все на особицу! Доведется самому повоевать.

— Не надо, — остановил Рогов. — Мне как раз по пути, я все улажу.

Но уладить это дело оказалось не так-то легко. В квершлага оставалась небольшая партия вагончиков, которую уже прицепили к электровозу.

— Мне приказано в первую очередь обеспечить третий район, — заявил Рогов десятнику.

— Но у Вошина скоростной забой, — попробовал настоять на своем Рогов. — Порожняк сюда подается вне очереди.

— Отойдите без греха, — повысил голос десятник. — Отойдите!

— Хорошо. — Рогов стал перед электровозом и, махнув лампочкой вывернувшегося откуда-то Димке, приказал:

— Отцепляй три вагончика! — и тут же по-командирски строго крикнул десятнику, метнувшемуся было к Димке: — Стоять на месте!

Димка проворно отцепил вагончики и, повернув их на плите, толкнул в штрек. Все это время из кабинки электровоза на Рогова восторженно смотрела девушка-машинист, а когда инженер ушел с дороги, неистово зазвонила и тронула машину в темный провал квершлага.

Рогов сразу же остыл и подсадовал на беспорядки у Стародубцева и на себя, что не может сдержаться от вспышки даже по пустякам...

...В приемной Дробота первой встретилась ему Аннушка. Она подошла, и они с удовольствием вспомнили о кино.

— Только этот вечер кончился не в мою пользу, — смеясь сказал Рогов: — Я слышал, как один физкультурник ворковал потом при луне: «Знаешь, что Аннушка?...»

— Ох, вы какой! — засмеялась девушка, и лицо ее вспыхнуло до русых, гладко зачесанных волос.

— Когда же свадьба? — уже серьезно спросил Рогов.

— В следующее воскресенье, — сказала девушка: — Коленька робкий, все не насмелится пригласить вас. А я очень прошу, приходите к восьми вечера.

— Ваш Коленька робкий? — удивился Рогов. — Вот уже этого я за ним не замечал, на участке он воюет, как настоящий солдат.

— Нет, он робкий! — Аннушка строго сдвинула брови.

— Верю, верю, — поспешно согласился Рогов и тут же насторожился: за дверью кабинета послышался приглушенный крик Стародубцева.

— Это демагог и дезорганизатор, а вы цацкаетесь с ним! Надо немедленно поставить вопрос на партбюро.

Что-то неразборчивое прогудел Филенков. И опять голос Стародубцева:

— Последний случай с порожняком вывел меня из терпения. Решайте немедленно: или я, или он!

— Чего ты волнуешься? — примирительно произнес Дробот.

— Уже решено.

Рогов с силой распахнул дверь.

— Занят, занят! — поднял руку начальник шахты.

— Я тоже занят, — глухо отозвался Рогов. — Сейчас ровно шестнадцать — время, назначенное для приема. — Он прошел к столу, сел и поставил перед собой аккумулятор. Прошла минута натянутого молчания. Рогов смотрит в глаза Дробота и еле сдерживается, чтобы не крикнуть: «Трус! Что ж ты молчишь?» Дробот прячет глаза, потом говорит:

— Получены накладные на цемент, можно было бы приступить к опытам по закладке...

— Я немедленно и приступлю! — обрадованно отзывается Рогов.

— Да, но... нам, очевидно, придется расстаться.

— Расстаться? Почему?.. — Рогов проводит пальцами по щеке и брезгливо морщится, — нехватило утром времени побраться.

Дробот пожимает плечами.

— Я тут не причем. Но мне только что заявили в тресте тебя перебрасывают на десятую шахту помощником главного инженера, а на твое место назначен Очередыко.

— Не может быть! — Рогов до боли в пальцах сжимает головку аккумулятора и чуть помолчав, добавляет:

— Ты же понимаешь, я не могу уйти именно сейчас, когда есть бетон, когда нужно механизировать проходку!

— Сочувствую... — сухо отзывается Дробот. — Но помочь не могу. Таков приказ!

— Подождите! — вступает в разговор Филенков и грузно повертывается к Рогову. — Мне, кажется, Павел Гордеевич, что мы сможем понять друг друга, если будем говорить начистоту?.. Вы считаете нас рутинерами, но...

Рогов резко поднимается и молча выходит.

ГЛАВА X

Чернов принес Рогову свой рукописный очерк по истории рудника. Рогову так понравился этот очерк, что он сделал несколько выписок из него для своего доклада о пятилетке шахты «Капитальной». После этого он посмотрел свежий номер толстого журнала, потом разложил чертеж нового угольного поля, но тут же поспешно свернул. Все-таки как он ни хотел казаться спокойным, это ему не удавалось. Ну, что как будто особенного в том, что его перебрасывают с одного места на другое? Случается ведь это с десятками других инженеров, многие даже радуются перемене обстановки, и в то же время не верилось, не хотелось верить, что кому-то удастся оторвать его от только что начатых дел. Позвонил дежурному по шахте, справился, как идет смена на участках района.

— Часовую добычу я передал районному инженеру Очереды-ко, — ответил дежурный. В трубке звонко щелкнуло.

Рогов невесело усмехнулся, походил по комнате, потом поставил перед зеркалом настольный портрет Вали и долго смотрел на него, положив подбородок на ладони. Помолчав, тихо сказал:

— Ладно, Валуша, не будем волноваться. Только я очень жду тебя, девочка, очень...

Зазвонил телефон. Взяв трубку, услышал голос Бондарчука.

— Как самочувствие? — спрашивал парторг. — Хорошее? Не лукавишь? Ну, это самое главное. А я задержался на бюро горкома и о скоропалительном решении треста узнал поздно. Все это несерьезно. А потом ситуация несколько изменилась. Дело в том, что маркшейдер Хомяков... А-а, ты уже знаешь? Ну, вот, была авторитетная комиссия из комбината, факт недостачи угля в штабелях подтвердился. Явная приписка, явный обман государства. Чорт-те, как только люди докатились до этого? Горком уже принял специальное решение, а тебе!... — парторг подул в трубку и, буркнув кому-то неприязненно: «Не лезьте вы с этой ерундой!», — повторил: — А тебе надо работу продолжать. Понятно? Вот и хорошо. Да, еще вот что: привет от секретаря горкома!

В телефоне пискнуло, и девушка со станции спросила:

— Вы закончили?

— Закончили, закончили!... Рогов вскочил, бросил трубку. Как это хорошо, что все вдруг может измениться в какую-то одну минуту. Вот и Валя снова мягко и благожелательно улыбается и

к плану нового угольного поля невольно потянуло! А ведь ничего как будто особенного парторг не сказал, если не считать «привета от секретаря горкома».

Рогов включил электроплитку, поставил чайник, вытащил из тумбочки непочатую бутылку коньяка и налил рюмку. Валя на портрете улыбнулась явно с хитрецей, уголками глаз.

— А ты не суди строго, — возразил Рогов, поднимая рюмку, — это я за твоё здоровье...

Но он не успел пригубить вино: в коридоре кто-то тихо поскребся, отыскивая в темноте ручку, потом раза два тихонько стукнул. Рогов повернул ключ, открыл двери. На площадке, почти не видимый в темноте, стоял человек в военной форме.

— Войдите! — сказал Рогов.

Человек стоял, словно боясь ступить через порог.

— Ну, входите, что же вы? — повторил Рогов.

Человек сделал шаг вперед и, остановившись у косяка, вытянул руки по швам. Еще не понимая, что это значит, еще не услышав голоса вошедшего, Рогов почувствовал, как кровь горячей волной хлынула от сердца к лицу.

— Гвардии сержант?!

— Так точно, товарищ гвардии капитан! — у парня так и брызнул из глаз лучистый свет, но он еще строже вытянулся и особенно твердо отчеканил: — Разрешите доложить, товарищ гвардии капитан, до Берлина дошли!.. Жарко Берлину было!..

Рогов порывисто шагнул вперед и раскрыл объятия.

— Солдат ты мой дорогой! Каким ветром тебя...

— Товарищ гвардии капитан!.. Разрешите, товарищ гвардии капитан!..

Рогова душит горячий жгучий комок в горле, но он смеется.

— Степа, оставь капитана... До следующего раза. Меня же Павлом зовут.

— Не привычно же...

— Привыкай, солдат... Ну?

Обнялись до хруста в костях, потом долго глядели в глаза друг другу и опять обнялись. Данилов доверчиво, по-братски, прижался лбом к плечу Рогова и негромко признался.

— Ехал, ехал и думаю: дай загляну, думаю, какой он теперь? А ведь хороший был, грозный!

— Не забыл?

— На всю жизнь!

— А ведь я как будто знал! — Рогов подхватил Данилова за талию и потащил к столу. — Смотри, одна рюмка начеку, а вторую мы сейчас организуем...

— По сто фронтовых? А помните, как в Познани?

— А у Згежа?

— А помните, как старшина Чистяков на минах картошку вари́л?

— А этот, как его. . . ну, который отказывался трофейные продукты есть. . .

— Гулевич. Убили его. . .

— Многие не вернулись. . . — Рогов задумчиво переставил портрет на столе.

— Ваша девушка?—показал глазами Данилов.

Инженер улыбнулся.

— Ну, что же, давай выпьем за встречу, за возвращение!

— За жизнь, товарищ гвардии капитан!

Просидели почти до утра, близко придвинув стулья. И столько переговорили за эту ночь, столько вспомнили!

— А как же вы меня тогда откопали? Я так и не знаю толком, — спохватился под утро Данилов: — Вас же назавтра самого. . .

— А чорт его знает! Помню одно: воронка большая, я ее всю по краям перекопал и вдруг вижу торчит ботинок. По ботинку и определил почему-то, что жив мой снайпер.

— А вот сам не поберегся. . . — незаметно переходит на ты Данилов.

— Нельзя было. До Зееловских высот оставалось километра полтора, а от этих высот до Берлина—рукой подать. А чтобы ты сказал, Степа, — перебивает вдруг себя Рогов, — чтобы ты сказал, если бы меня тогда, в самый горячий час, отстранили от командования?

— Значит, это был бы не ты, — не задумываясь, отвечает Данилов, — и я бы ничего не сказал, или бы сказал, что правильно сделали.

Рогов смеется.

— Хитер солдат!

Под утро, от усталости и выпитого коньяка, сержант заметно охмелел и уже не так строго следил за собой.

— Ну, а планы на жизнь какие? — спросил Рогов.

Данилов помедлил и расслабленно отмахнулся:

— Мутно у меня с планами, Павел Гордеевич, ох, как мутно!

ГЛАВА XI

Проснувшись утром на диване под чистой полотняной простыней и, не обнаружив в комнате Рогова, Данилов долго трудился над запиской гвардии капитану, которую так и озаглавил: «Объяснительная записка».

— «Прошу извинить, если чего лишнего наговорил, — писал он нетвердым ученическим почерком. — Крутят меня сейчас всякие мысли. Война кончилась, и я, не переставая, думаю о жизни. И от меня ведь зависит, чтобы нескоро повторилось то, что нам довелось испытать вместе со всем народом. На фронте я был снайпером и разведчиком—очень нужные специальности. Как бы мне не проворонить и в мирной жизни самое главное. Извините, если что не так сказал, товарищ гвардии капитан, Павел Гордеевич».

Потом он долго и с явным предубеждением разглядывал фотографию русской большеглазой девушки и, наконец, резко повернув ее лицом к стене, неприязненно буркнул:

— Нежная.

И уже только после всего этого обнаружил на самом видном месте, у зеркала, записку Рогова, в которой значилось: «Без приказа с занимаемых позиций не отходить. Продукты питания в тумбочке. Кровать и постельные принадлежности пришлю с шахты. Устраиваться и ждать дальнейших указаний».

Данилов впервые по-настоящему оглядел комнату. Узкая железная кровать, письменный стол с зеркалом и радиоприемником, второй стол поменьше в углу с плиткой и с чайником, три стула, широкое окно и стеклянная дверь на балкон. По правде говоря, с таких позиций можно было бы и не отходить, но еще во сне его подмывало какое-то сладостное беспокойство, как будто кто-то звал поскорее распахнуть дверь и бежать на улицу.

Он вышел на балкон. В лицо пахнуло легким утренним заморозком. Солнце вставало где-то по ту сторону дома. На железных перильцах лежал голубоватый прозрачный иней, совсем неподалеку, в устье глубокого лога, поднимались шахтные здания. До этого Данилов не видел шахт на таком близком расстоянии: «Вот они какие», — сказал он себе и сейчас же отвернулся.

Из соседних дверей на балкон вышла смуглая девушка в пестром халатике, розовая со сна. Заметив Данилова, она строго сдвинула брови, словно уличила его в чем-то неблагоприятном. «Чудная» — неприметно усмехнулся сержант и, галантно поклонившись, спросил, как можно мягче:

— Вы, значит, соседкой мне приходитесь?

— А вот уж не знаю... — равнодушно ответила девушка, но еще раз глянув на маленького военного с белым непокорным вихорком у виска и заметив золотую звездочку у него на груди, невольно улыбнулась простоватому любопытству на его лице. Это была Оленька Позднякова, племянница Хомяковых.

Слово за слово — разговорились. Данилов не удержался и рассказал о своей встрече с Роговым, о том, что на радостях они «всю ночь перевертывали мировую политику», хотя последнее, мягко выражаясь, не совсем соответствовало действительности. Наконец, он осмелился спросить, не знает ли соседка Тони Липиной.

— Тоня Липилина? — удивилась Оленька. — Была на фронте? Ранена? Нет, лично она не знает Тоню, но слышала о ней много, даже в газете что-то такое печатали.

Между ними стояли бочка, ящик, ведро с известкой, Данилов и не заметил, как одолел это препятствие. Девушка испуганно отступила, решив в первое мгновение, что военный, очевидно, немного не в себе, но с чисто женским тактом сделала вид, что не заметила ни стремительного прыжка сержанта, ни того, как

побледило его лицо и как вспыхнули небольшие с медным отливом глаза, когда он свистящим шопотом переспросил:

— Тоня?! Вы знаете ее адрес?!

Нет, адреса она не знает, но если товарищ будет дома, она часа через два сможет ему сообщить по телефону адрес Тони. Да, да — часа через два, не позднее. Как только дойдет до редакции, где работает стенографисткой...

Осторожно тронув Данилова за рукав, Оленька пожелала ему доброго здоровья и ушла с балкона, забыв, зачем собственно она выходила, но зато втайне обрадованная, что сможет сегодня ошеломить Сашу Чернова такой сенсационной новостью, как прибытие на рудник Героя Советского Союза. Этот Чернов, в общем хороший и душевный парень, подавлял ее своей всесторонней осведомленностью и обыкновенно по всякому поводу, более или менее пренебрежительно восклицал:

— Ах, только-то? Так я же об этом еще вчера знал!

Неизвестно, ошеломила ли Оленька Сашу Чернова сенсационной новостью, но часа через два к Данилову настойчиво постучались. Открыв дверь, он впустил в комнату круглоголового рослого парня с сияющим и тоже круглым лицом и совершенно прозрачными глазами. Парень прямо от дверей осведомился, не Героя ли Советского Союза Данилова он видит перед собой, а получив утвердительный, хотя и мало любезный ответ, сообщил профессиональной скороговоркой, что он, Чернов, сотрудник местной газеты, что редакция поручила ему побеседовать с товарищем Даниловым, узнать о его впечатлениях после осмотра города, а также не намерен ли товарищ Данилов остаться на руднике или у него другие планы.

— Ей-богу, я пока без всякого плана, — чистосердечно признался Данилов, на что Чернов понимающе улыбнулся.

— А скажите, товарищ Герой Советского Союза...

— Степан Георгиевич.

— Скажите, Степан Георгиевич, вам инженер Рогов ничего не сообщал о рудничных новостях, в частности о комсомольской бригаде Черепанова?

— Как же, гвардии капитан Рогов очень много рассказывал о руднике, но о бригаде Черепанова что-то не упоминал, — охотно ответил Данилов.

«Ага, не упоминал, — подумал про себя Чернов. — Значит не пришло еще время говорить об этом».

— Товарищ корреспондент... — прервал его размышления Данилов: — У вас в редакции работает такая чернявенькая... Оленькой звать?

— Работает. А что? — насторожился Чернов.

— Да так. Приятная такая, обходительная. Я ведь здесь мало кого знаю. Ну, познакомились сегодня... Приятная такая.

«Ах, вот оно что! — поморщился Чернов. — Ах, вот оно что. То-то сца сегодня была такая необычайная, даже ласковая! Са-

шенькой назвала. Ох, женщины!» Он утаил вздох, не показал, как его огорчило это открытие.

Беседовали еще не меньше часа. Данилов рассказал о своем кратком пребывании в побежденной Германии, о том, как в июне переезжали в Тюрингию, из которой американцы вежливо потеснились.

— Говорили, что Германия была страной философов, — насмешливо заметил Чернов.

— Не знаю, какие там были философы, — но хозяина доброго у них, видимо, не было, вот и развелось всякой нечисти!

И тут же он снова поинтересовался.

— А Оленька ничего, надежная?

— То есть как?

— Ну, если что пообещает — выполнит?

Чернов не успел ответить. Зазвонил телефон.

— Да, да я слушаю! — Данилов обеими руками ухватился за трубку. — Как, как? Повторите... Зеленый Лог, сто тридцать? Благодарю вас, благодарю! — Он повесил трубку и твердо сказал: — Хорошая девушка — Оленька, надежная. В общем, тронулись, товарищ корреспондент, мне тут нужно в одно место сходить...

... День уже совсем разгулялся и только на теневой стороне железных крыш видны были сизоватые пятна — следы растаявшего инея. Шахтерский город узкой полосой раскинулся от берегов полноводной реки на восток, к густозеленым высоким холмам. По склонам холмов разбежались редкие березки в легких прозрачных платицах. На главной широкой улице сновали прохожие, — народ больше рабочий, занятый, в зеленых сквериках резвилась звонкоголосая детвора.

У длинного одноэтажного здания с вывеской «Общежитие № 2» Чернов и Данилов повстречали группу молодых шахтеров. Некоторые из них окликнули Чернова, а он подал им какие-то непонятные знаки и тут же шепнул Данилову:

— Это и есть бригада Черепанова.

— Да? — без всякого оживления отозвался сержант. Он не заметил, как бригада Черепанова вдруг остановилась и долго с немым изумлением глядела ему вслед.

С Черновым расстались. Он показал, где находится редакция, и пригласил заходить, великодушно упомянув, что Оленька Позднякова работает с двенадцати до восьми вечера.

Данилов рассеянно кивнул и зашагал дальше. Воздух был то неподвижен, то вдруг упруго толкал в лицо. Данилов убыстрял шаг, но ему казалось, что движется он очень медленно.

У железнодорожного переезда, из глубокого кювета на него глянули три чумазых мальчишеских мордочки. Данилов погрозил им, услышав, как один восторженно крикнул:

— Митяй! Ванятка! Герой идет, честное пионерское!

А вот и улица Зеленый Лог. Только непонятно, почему Лог? Улица широкая, ровная, с огородами, с палисадниками, со светлыми аккуратными домиками. Правда, начинается она в логу, но потом поднимается в гору. Легкий ветер доносит с огородов горьковатый дымок, напоминающий чем-то детство. Все замечает Данилов: и то, что с середины улицы открывается широчайший вид на рудник, и что небо с горы кажется еще глубже и чище. А вот номер углового дома он почему-то боится отыскать взглядом: вдруг это сто тридцатый и кто-нибудь уже глядит из окна и ждет, не свернет ли чужой солдат к решетчатой калитке.

Нет, это только семьдесят первый, — значит, тот дальше и по правую сторону. Квартал, еще квартал—и вот он подходит к самому обыкновенному, ничем не примечательному дому. Но сам-то он теперь точно знает, что время настало, что это тот самый дом, та самая минута, в которые верилось так долго.

Поднялся по двум чисто выскобленным ступенькам и вошел в сени. Навстречу выскочило несколько голенастых цыплят. На жердочке, в полумраке висят березовые веники, низки золотых луковиц, пучки красной веселой рябины. Пахнет мятой. На досчатой скамеечке лежат две желто-зеленых щекастых тыквы и стоит ведро, до краев наполненное совершенно прозрачной водой. У Данилова как-то мгновенно пересохло во рту. Он прикинул к холодной кромке ведра и, дробно стучая зубами о жест, торопливо напился.

— У нас ведь и кружка есть, молодой человек, — слышит он за спиной грудной женский голос.

— Извините... — Данилов в замешательстве вытирает губы рукавом гимнастерки, снимает пилотку и хрипловато говорит: — Мне бы увидеть Тоню Липилину...

Женщина молчит и почти осуждающе смотрит на него. Почему-то он сейчас видит только одни ее строгие, осуждающие глаза, хотя потом, даже десять лет спустя, он и все-таки смог бы нарисовать ее всю—незнакомую, но давно родную. Статная, сильная фигура, гордо посаженная голова, продолговатое молоджавое лицо, с сухим плотно сжатым ртом и черные брови вразлет, под низко повязанной выцветшей косынкой.

Воспитанный в детстве и поэтому очень близко принимавший к сердцу слово «мать», он сейчас вдруг как-то потянулся навстречу этой женщине, инстинктивно угадав в ее облике что-то сокровенно-материнское.

— Кого вам нужно? — холодно переспрашивает женщина.

— Кто там, мама? — почти сейчас же слышится из комнаты слабый голос.

Данилов с застывшей неловкой улыбкой идет мимо матери, проходит небольшую кухню, откидывает легкую занавеску на дверях комнаты и, все так же странно, не похоже на себя улыбаясь, останавливается.

Тоня лежит под голубеньким байковым одеялом, приподняв голову с примятых подушек и не взглядом, а как-то всем худеньким телом обращена к двери. Вот у нее чуть приметно дрогнула левая, почти совсем прямая бровь, но она не открывает глаз — веки у нее прозрачны до голубизны. Узкая легкая кисть руки беспокойно скользит по кромке одеяла и застывает на секунду. Неожиданно спокойным тоном она вдруг спрашивает:

— Степа, ты?..

Тогда он садится на край кровати, берет ее узкие теплые ладони и, прижав их к обветренным щекам, медленно качается из стороны в сторону. Качается и слушает, голос, к которому тянулся через тысячи километров, через горы и реки.

— А я знала, что ты придешь... — говорит Тоня. — Все думала, думала... И все время видела во сне две осинки в твоём секторе. И во сне тебя видела. Только я мало сплю. Совсем недавно из госпиталя... Четыре операции и все без толку... Мне так бы хотелось сейчас посмотреть на тебя... Такое горе!

Данилов опускает ладони девушки, слушает и глубоко, медленно дышит.

— А ведь ты еще ничего не сказал? — рука Тони беспокойно пробегает по одеялу и задерживается на солнечном пятнышке, потом легко вскидывается на грудь, на лицо Данилова. — Не надо, Степа... — говорит она, — я ведь еще не скоро умру.

— Гвардии ефрейтор! — бодрится Данилов. — Приказываю о таких пустяках не говорить! — и тише добавляет: — Я же с тобой, Тоня...

...Когда он шел обратно, солнце уже стояло низко и, задернутое молочной дымкой, светило тускло.

В комнате Рогова Данилов увидел вторую кровать, а на столе нашел новую записку: «Попытку ознакомиться с рудником одобряю. На ночь с шахты, пожалуй, не вернусь. Будь здоров. Твой капитан».

ГЛАВА XII

Сегодня в техническом отделе делать было нечего. Решил заглянуть на участки. На шахту пришел в разгар наряда.

— Павел Гордеевич! — налетел на него Дубинцев. — Тут Очередько чорт знает что выделяет! Приказал рассовать бригаду Черепанова по мелким нарезкам, а в лаву поставить одного Деренкова на рекорд. Я не знаю, как поступить. Не хочется обижать черепановцев, а кроме того, в лаве взяли уже восемь лент, пора и комплект бить.

— А Дробот что? — спросил Рогов.

— Сначала заругался, а потом усмехнулся и руками развел.

— Делай наряд по старому графику, — посоветовал Рогов. — А если вмещается Очередько, позвони тому же Дроботу и объясни, что в бригаду имени Героя Советского Союза Данилова завтра

придет сам Данилов, — зачем же, мол, вы сегодня ребят разгоняете?

— Павел Гордеевич! — у Дубинцева глаза стали совсем круглыми. — Неужели сам Герой!

— Конечно, сам. И передай Черепанову, чтобы ребята подтянулись: Степан — мужик строгий!

Сказав это, Рогов протиснулся через толпу шахтеров, загордивших вход в раскомандировочный зал. С подмостков, где во время собрания обычно размещался президиум, держал речь невысокий, смуглый шахтер.

— Пятилетка-то идет, — возбужденно и быстро говорил он. — Одну смену прохлопаешь — и ее уже не вернешь. А у нас что? Удивительные дела делаются. Были первыми в тресте, знамя получили, а теперь вторую неделю работаем косолапо. Что это такое случилось? Почему такие куцые цифры стали писать: то девяносто, то восемьдесят? Не знаю, как вам, а мне, честное слово, стыдно.

— А ты не колдуй, выкладывай про свой стыд! — поторопил кто-то недружелюбно.

— И выложу! — рассердился парень. — Выложу, будьте спокойны. Тут кое-кто так решил: война кончилась, Гитлера разбили, куда, мол, теперь торопиться, можно и отдохнуть! Есть и такие, которые бочком норовят пройти мимо работы.

— Персонально указывай!

— Вот и персонально... Правильно говорил один инженер на прошлом слете. У нас на некоторых участках такие порядки: один с сошкой, а семеро с ложкой. Технологию запустили, забойщиков, которые крепче, по разным куткам рассовали: в ламповой — забойщик, в проходной — забойщик, коньям хвосты крутят на транспорте — тоже забойщики. На-днях заглянул в квасной киоск и даже дух сперло — мой прежний сменщик Никанор Ожгихин газовой водицей торгует, по пятаку за литр. «Ты, спрашиваю, что, в уме ли?» — «А чего, говорит, слава богу!»

Переждав легкий смешок, оратор вытирает потное лицо и продолжает:

— А наш уважаемый начальник шахты одно свое гнет: «У нас — традиция. Мы были первыми». Были да сплыли, дорогой товарищ Дробот. Не мне бы вас учить, что на старом капитальце долго не проживешь.

— Что же теперь ложись да помирай? — спрашивает оратора кто-то из слушателей.

— Зачем же помирать? — парень сдвигает каску на затылок. — Я вот что скажу: есть у нас сталинская пятилетка, значит есть у каждого своя доля в этой пятилетке. Попрошу, чтобы инженеры подсчитали, сколько на мою долю приходится и обязуюсь перед вами нарубать ее за три года. А для начала иду в лапу и дам вот сколько: — оратор не торопясь шагает к доске показателей, укрепленной у задней переборки сцены, и, размахнувшись, выводит

крупными кривыми цифрами «250 проц.», потом, немного помедлив, ставит восклицательный знак.

— Ну что же... — нерешительно произносит подошедший к Рогову Очерedyкo. — Восклицание, можно сказать, приличное, только знак-то нужно бы после смены ставить!

— Тебе бы самому восклицательный знак на одно место поставить! — думает Рогов и язвительно усмехается. В этот момент на подмостки вдруг вбегает рыжеватый высокий человек в военном. Рогов невольно подался вперед — до такой степени показалось ему знакомым широкое, доброе лицо этого человека, выражающее простодушную уверенность и в то же время какую-то мужиковатую осмотpительность. Всем своим видом он словно бы говорил: «А я знаю, что нам с вами нужно!» Он и речь начал обычным, не ораторским тоном, сказав буднично и просто:

— Тут меня должен кое-кто знать. Когда-то вместе начинали пытаться эту шахту!

Большинство шахтеров недоуменно переглянулось, но Рогов заметил, что кое-кто ободряюще кивнул новому оратору: «Знаем, мол, продолжай». Но оратор вдруг круто повернулся к доске показателей и пониже первой цифры уверенно вывел «400».

— Ого! Замашисто! — громко удивился кто-то. Вокруг оживленно заговорили.

— Это же сынок Вошина, Гришка, с войны вернулся.

— Этот наступит кое-кому на пятки, только оглядывайся!

Хорош сынок у Афанасия Петровича, — подумал Рогов и тут же твердо решил при первой возможности заглянуть в шахтерскую семью Вошиных...

Спустившись через час в шахту, он пошел сразу же на седьмой участок. В основном штреке опять встретился с Очерedyкo и Дубинцевым. Около них стояла большая группа шахтеров. Рогов не думал ни во что вмешиваться, просто хотелось убедиться, что все идет хорошо. Может быть, он себя немного обманывал, боясь признаться, что его исподтишка точит ревнивое чувство зависти даже к люковому, который в эту минуту наполнял вагончики углем.

Он уже привык к тому, что где Очерedyкo — там и крик. Остановился в сторонке, прислушиваясь к раздраженному голосу Вошина.

— Мы уже вторую смену болтаемся, когда же порожняк будет? — спрашивал проходчик. — Это же не шутка — скоростной забой. А потом вы сами видели со мной на первую смену вышел сын Григорий. Не могу же я моргать перед ним?

— Отстань со своими скоростями и не разводи здесь семейственность! — отмахнулся Очерedyкo. — Порожняк мне сегодня на другое нужен. У меня рекорд!

Как только проходчик отошел, шопотом поминая зловредную бабушку нового районного инженера, тот нетерпеливо повернулся к Дубинцеву.

— Ну?

— Товарищ Очередыко, за лаву я отвечаю, — медленно, но твердо сказал техник: — мы уже восемь лент взяли, риск очень большой!

— Риск? А ты, что думаешь, в шахте можно без риска? — В том, что Очередыко искренне удивился по поводу риска, можно было не сомневаться, но потом он уже говорил, явно рассчитывая уязвить молодого начальника участка: — У тебя что, сердце слабовато? Так ты, того.. подай заявление, учтем!

Дубинцев сдержался, ответил спокойно.

— Я не трус, но есть определенные технологические нормы...

Очередыко почему-то обрадовался.

— Нормы? Ты что, предельщик? Ай-яй-яй! Вот морока! Ты же техники должен знать, что горное дело — наполовину наука, наполовину — искусство. И ты меня не учи технологии! Я шестнадцать лет в шахте, на слух, на нюх определю состояние лавы, в шпаргалках и инструкциях не нуждаюсь!

Дубинцев упрямо наклонил голову и сказал:

— В верхней лаве работать нельзя.

— А я приказываю!

— Все равно нельзя. Я отвечаю за участок.

— А я... я сниму тебя! — Очередыко даже пригнулся, выставив подбородок, — вот-вот прыгнет. — Ты трус! Слышишь?

— А я...

Рогов положил руку на плечо Дубинцева:

— Не волнуйся.

Очередыко приподнял аккумулятор.

— Кто это?

— Я считаю, что начальник участка прав, — сказал Рогов, следя за мгновенными переменами в лице Очередыко: на этом лице отразилось сначала замешательство, потом глухое раздражение и, наконец, удовлетворение, которое можно было понять так. «Ага, явился! Ну что теперь скажешь? Районом-то командует Очередыко!» Сказал же он очень веско, пощупав пуговицу на воротнике.

— В общем, посторонним не разрешается шляться по району Рогова рассмешило это фанфаронство. Но Очередыко вдруг показал зубы:

— Я запрещаю вам, инженер Рогов, ходить по району и расстраивать мне... это самое... организацию,

Можно было не отвечать на это. Рогов поинтересовался, где работают черепановцы. Лицо Дубинцева посветлело.

— У меня душа с этими ребятами отдыхает, — признался он. — Отвоевал им сегодня старую лаву. Обещали полтора цикла дать. И дадут! Может, к ним пройдете, Павел Гордеевич? Я им сообщил про Героя, а Черепанов говорит, что уже видел его стороной... Пускай, говорит, приходит, краснеть за нас не будет.

В ходовой печи еле разминулись с Хмельченко. Посидели рядышком, пригнув головы. От забойщика пахло потом. Слегка покашливая, он сообщил:

— Хворь какая-то навязалась, врачи отпуск дали на пять дней. Да скучно! Заглянул к Черепанову. Подучил немного на сердце спокойнее.

Черепанов же, которого Рогов увидел пятью минутами позднее, обиженно пожаловался:

— Он у меня прямо инициативу из рук выхватывает, — до всего ему дело. Сегодня пришел, вижу, недоволен. Покрутил головой и целую лекцию закатил. «Косолапые, говорит, вы, стригунки, я вас как учил скважины бурить? Чтобы после отпалки уголек аккуратно ложился у забоя, а не выстреливал чорт-те куда». А потом насчет крепления, а потом за инструмент опять ругал. Наказал всей бригаде после смены притти на квартиру к нему — сам покажет, как топоры, пилы заправлять.

Черепанов рассказал все это немного недовольным тоном, но Рогову сразу стало ясно, что парень совершенно спокоен и за бригаду и за работу. Люди нашли свое место. Но Черепанов все еще обличал Хмельченко:

— Вчера явился к нам в общежитие. Сидел, сидел. Мы собрались в клуб сходить, а он говорит: «Ладно, успеете». Вытащил из кармана книжку про одного летчика, как он был в тылу у немцев, и подает мне. «Хотел, говорит, про шахтеров принести, да не нашел. Читай это». А ребятам наказал: «Не дышите». Ну, я читал часа два, а хлопцы и, верно, не дышали. Потом поругались.

— С кем? — удивился Рогов.

— Да с ним же, с Хмельченко. Прочитали половину, а он встал и требует книжку обратно. Мы просим ее на ночь, а он уперся: «При мне, говорит, будете читать, так вернее».

Черепанов вдруг обернулся и крикнул по направлению к верхним ступам.

— Юрка, вы скоро там?

— Кончаем, — отозвался Юрка: — Сейчас палить будем!

Рогова порадовал порядок в лаве. Ни суетни, ни криков. Лес запасен, полочки из горбылей поставлены, печь порожняя — все подготовлено к приему угля.

Черепанов, очевидно, все время ждал, что скажет обо всем этом инженер, но Рогов смолчал и, только прощаясь, крепче обычного пожал руку бригадиру.

Около диспетчерской Рогов опять встретился с Дубинцевым.

— Все хорошо идет, Павел Гордеевич, — сообщил он торопливо. — Беспокоит меня только тридцать первая лава, где Деренков. Пришлось подчиниться Очередыко — может, сойдет!

Рогов не успел ответить, потому что из диспетчерской его окликнул дежурный. Оказывается, парторг уже звонил в шахту, разыскивал Рогова.

— Ну вот. нашлась бабушкина потеря, — засмеялся в телефон Бондарчук и неожиданно сухим тоном добавил:

— Явись немедленно...

Через четверть часа Рогов уже входил в кабинет парторга. Там сидели Дробот и Филенков. Бондарчук подал ладонь корытцем и насмешливо, как показалось Рогову, спросил:

— Чем занимаешься?

— На экскурсии в шахте был, — невесело отшутился Рогов и, заметив, как Дробот угрюмо нахохлился, а Филенков заворочался на стуле, с досадой подумал: «Нажаловались, что не подчиняюсь приказу».

— Читай! — Бондарчук пододвинул четвертушку папиросной бумаги.

Текст был бледный, а руки у Рогова дрожали. Пришлось положить листочек на стол.

... «По комбинату «Кузбассуголь» ... «об отстранении от должности начальника шахты «Капитальная» П. М. Дробота». «Впредь до рассмотрения фактов приписки и других причин, по которым в штабелях нехватили 15491 тонны угля, отстранить ...»

В последнем параграфе:

«Временно исполняющим обязанности начальника шахты назначить...»

Рогов пожал плечами и бессознательно отметил множество мелких морщин на лбу Дробота.

— Почему именно меня?

— Не знаю, не знаю, — нетерпеливо сказал Бондарчук. — Здесь не совещание по поводу приказа, давай, принимайся за дело. Завтра на бюро горкома докладываешь об организационно-технических мероприятиях на четвертый квартал. К зиме шахту нужно готовить. Действуй, товарищ временный начальник!

Рогов заметил веселые искорки в глазах Бондарчука и сам с трудом сдержал улыбку, которая сейчас была бы совсем не к месту.

— Ну?.. — парторг, очевидно, хотел пожать руку, но вместо этого налету подхватил трубку зазвеневшего телефона. Несколько секунд слушал. На его скулах медленно вспухали желваки, а смуглая кожа над бровями бледнела.

— Кто на районе? Где Очередько?! Давно?! — выпалил он, и, бросив трубку, крикнул: — Дубинцева завалило в лаве!.. — Глаза его остановились на Рогове. — Действуй! Я следом за тобой.

Дробот и Филенков одновременно вскочили. Рогов, выбежав, крикнул им с лестницы:

— Будьте у телефонов!

Потом он никак не мог припомнить, у кого выхватил на ходу аккумулятор. Заскочив в клеть, приказал рукоятчице:

— Аварийный!

Бьет частый сигнал, потом наступает тревожная тишина, клеть чуть вздрагивает и падает в холодную глубь ствола. Но в самую

последнюю секунду Рогов замечает, что рядом с рукоятницей стоит Аннушка с совершенно белым окаменевшим лицом. Руки ее горюпиво рвут у горла узел косынки.

— Коля! Коля! — кричит она и страшно запрокидывает голову...

...Пока порожний электровоз с недозволенной скоростью мчался на аварийный участок, Рогов пытался восстановить в памяти схему нарушенной выработки и почему-то не мог этого сделать. Мысли прыгали от только что состоявшегося разговора с Бондарчуком к спору Дубинцева с Очередыко. Слишком быстро подтвердилась правота молодого техника. В случившемся виноват, конечно, и он, Рогов, не сумевший энергичнее поддержать Дубинцева. И тут же, представив запрокинутое бледное лицо Аннушки, Рогов вдруг вспомнил, что сегодня ведь день свадьбы Дубинцева!

Какой дикий случай! Рогов чувствовал себя сейчас словно в бою, — на сердце сумбурная теснота, а в мыслях пелуденная, хотя и отрывочная ясность.

А что теперь во всей шахте делается? Сотни горняков, разделенные мощными толщами пород и угля, не останавливаясь, долбят, бурят, грузят, бегут от взрывов в укрытия, толкают вагончики, прокладывают новые откаточные пути, но посреди этого неустанного движения все они, даже в самых дальних и глухих выработках, чутко прислушиваются к тому, что делается в 31-й лаве: а как-то этот молодой парень, фамилию которого даже не все знают, живой ли он?

На крутых поворотах казалось, что электровоз вот-вот ударится о стойки, стремительно летящие навстречу. Но Рогов почти не замечал этого, поминутно потирая лоб машиниста.

— Нажимай, нажимай!

Сквозь лязганье железа взывал мотор. Еще один поворот. На лево конно-откаточный штрек седьмого участка. Рогов взмахнул лампочкой.

— Стой!

Скрипнули тормоза, на уши тяжело опустилась глухая тишина.

Сразу же наткнулся на большую группу рабочих, окруживших Деренкова.

Приподняв лампочку так, чтобы видеть лицо забойщика, Рогов спросил, как все случилось.

— А вы что тут следствие наводите? — закричал Деренков: — Вот еще!

— Молчать! — тихо сказал Рогов и спросил у окружающих, где Очередыко.

— Я здесь, — необычайно смиренно отозвался тот из-за чьей-то спины, — я побегу сейчас... к начальнику шахты... лично доложу...

— Лично вы здесь нужны, — сухо сказал Рогов и внимательно оглядел собравшихся.

Полтора десятка шахтеров настороженно молчали. Сверху, со стороны аварийной лавы, доносились частые сдвоенные удары.

— Кто там? — удивился Рогов.

— Вошин с сыном... — Черепанов нетерпеливо подвинулся к инженеру.

— А, бесполезно все это... — махнул рукой Деренков, — такая машина ухнула, в месяц не откапашь.

— Как же все это случилось? — оборвал его Рогов.

— Как... — забойщик замаялся на секунду. — Я ему, то есть начальнику, говорю: «Не ходите!», а он мне: «Какое твое десятое дело? Кто есть ты и кто есть я?» Ну и пошел, ну и давало, значит, как ножом...

— А где он был в это время, в просеке или еще в лаве?

— А я не знаю! — разозлился Деренков. — Она как сыпанет! Я и глазом не моргнул, меня одним духом оттуда шибануло!

Рогов вдруг решил, что во время обвала Деренкова не было в самой лаве. Дубинцев, может быть, успел подняться к верхней просеке, — значит, нужно немедленно же пробиваться к этой просеке со стороны лесоспускного ходка, что впереди лавы, и одновременно идти снизу, заново разрезая целик и разбирая завал. Но как много все это отнимет времени! Выдержит ли Дубинцев, имеется ли к нему доступ воздуха, можно ли с ним установить хотя бы какую-нибудь связь?

— Все можно! — решительно тряхнул головой Рогов. — Все можно, если там человек.

Приказав следовать за собой Черепанову и Очередыко, он поспешно поднялся в ходовую печь.

ГЛАВА XIII

...Накануне небо над ними было совсем безоблачное, хотя celý день прошел в хозяйственных хлопотах, и они даже немного поспорили.

Жить решили на квартире Дубинцева, в небольшой продолговатой комнате, сообщавшейся темным коридорчиком с кухней, которой пользовалась также семья начальника подземного транспорта Стародубцева.

Все необходимые закупки уже произвели. Мебели было хотя и немного, но жаловаться первое время не приходилось. Каждую вещь Аннушка собственными руками по несколько раз передвигала по комнате, пока все не оказалось размещено самым наилучшим образом.

Аннушка забегала после работы и занималась «своим хозяйством» часа три после чего уходила «до завтра». Как-то, словно нечаянно, к ним заглянула Клавдия Степановна, жена Стародубцева, женщина с большим животом и худеньким плоским личиком, на котором был очень заметен сухой длинный нос. Клавдия Степановна в прищурочку, но очень доброжелательно оглядела квартирку, потрогала пальцем новый пружинный матрац и что-то шепнула

Аннушке, от чего та до слез покраснела. Потом Клавдия Степановна тяжело вздохнула и сказала:

— Боже мой, мы с Семеном Константиновичем тоже вот так начинали, ничегошеньки не имели. Только нам ведь легче было! Как вы говорите, а Семен Константинович все же не техник, а инженер. — Клавдия Степановна повела подмалеванной бровью в сторону Николая, и еще раз, неизвестно почему, вздохнув, вышла.

Аннушка помолчала, а потом вздернула плечиком.

— Ну и что же? Вот новость: что же, что техник!

— Но если ты сомневаешься... — возразил Дубинцев.

— Глупости! — решительно сказала Аннушка. — Ты умница, ты самый хороший!

«Умница» слегка смутился, а потом засмеялся.

— На это согласен.

А поспорили накануне по двум причинам: во-первых, под новенькой белоснежной кроватью, которой Дубинцеву было категорически запрещено пользоваться до известного срока, Аннушка вдруг обнаружила грязные рабочие сапоги.

— Что это такое? — спросила она страшным шепотом. — Что это такое, Николай Викторович?

Николай Викторович хотел все это обратить в шутку, но перехватив сердитый взгляд Аннушки, смешался, покраснел, бормотнул что-то по адресу сапог и поспешно перетащил их в коридор, потом в кухню и, наконец, преследуемый все теми же строгими глазами, бросил заскорузлые сапоги в кладовку. Вернувшись, он нахмурился и попробовал заговорить басом.

— Не понимаю тебя, — сказал он, — что ты поднимаешь панику из-за пустяков?

— Кого-ля! — Аннушка выпрямилась, надменно приподняв носик, как это она одна, по мнению Дубинцева, могла делать, — Ко-оля! — повторила она и еще больше выпрямилась, но тут же потянулась к нему, обняла, тихонько засмеялась и предложила заняться списком приглашенных на свадебный вечер. Тут они поспорили во второй раз.

По самым скромным подсчетам гостей должно было собраться что-то около сорока человек, если не считать случайных, набеглых, без которых тоже не обойдешься. Прикидывали и так и этак, а все выходило, что даже при мобилизации всей мебели у соседей за столом разместится не больше двадцати пяти человек.

А остальные? — требовательно нахмурилась Аннушка.

— Подождут! — решительно объявил Дубинцев. — Что в самом деле, не ресторан же у нас.

— Нет, это не годится! — запротестовала девушка. — Ты должен что-нибудь придумать.

— Чудная, но что ж я могу?

— Нет, можешь. И я не чудная. А ты можешь, но не хочешь!

Заметив, что нижняя губа у нее стала подрагивать, Дубинцев поспешно сдался, сказав, что придумает что-нибудь, хотя бы для

этого пришлось столы ставить в два этажа. Аннушка благодарно улынулась, при этом ее милое лицо с крошечной родинкой у левого виска согрелось тихим, безмятежным счастьем. Заторопившись, она ушла, но тотчас же, как школьница, постучала из коридора и, чуть приоткрыв дверь так, что был виден только один ее лукавый глаз, шепнула.

— Ты у меня умница, гений!

В четыре часа он должен был закончить со всеми делами на шахте, а к восьми ожидалась гости. К двум часам он уже почти успокоился за участь 31-й лавы, где работал Деренков, но тут в полевом штреке его догнал десятник, и, заикаясь, сообщил, что лава «чего-то постанывает».

— А Деренков? — круто повернулся Дубинцев.

— Да, он уже в штреке, — сказал десятник. — «Не пойду, говорит, в эту пропасть. Мне своя жизнь дороже, забой, говорит, как живой ворочается».

— Это свинство! — Возмутился Дубинцев. — Как вы могли оставить лаву в таком состоянии — вы же у меня можете опустить ее!..

Дубинцев совсем недавно командовал участком и, сам не замечая того, очень часто употреблял такие выражения, как «мой участок», «моя лава», «мои бригады», точно подчеркивая этим свою ответственность за общий успех.

Деренков, действительно, оказался в штреке. Он спокойно разговаривал с девушкой-откатчицей, картинно опершись локтем о борт вагончика. Дубинцев даже вспотел от мгновенного гнева при виде этой «телячьей», как он сказал забойщику, беспечности.

— А чего же я. плечами буду держать вашу лаву? — удивился Деренков: — Если уж она, матушка, тронулась, ее никакими помочами не удержать!

— Свинство! — крикнул снова Дубинцев, проворно поднимаясь в ходовую печь. — Я этого не потерплю! — Но последние слова уже никто не услышал, потому что ни Деренков, ни десятник в лаву не пошли. Поэтому-то никто из них не видел, как развернулись дальнейшие события.

А развернулись они так.

Внимательно оглядывая выработку, Дубинцев, постепенно поднялся к верхним уступам, которые, как он и предполагал, оказались некрепленными. Это еще больше распалило начальника участка. «Вздую, — решил он, — ох, и вздую! Ведь наказывал же дураку, чтобы крепь ставил сразу после разборки угля. Нет, за рекордом погнался, за длинным рублем!»

Именно в верхних некрепленных уступах кровля заметно оседала, несколько стоек по соседству лопнуло, расщепилось. Но общая картина была не так-то уж плоха, положение можно было еще исправить, если немедленно же подхватить большие места «кострами» — группами из нескольких стоек,

Дубинцев хотел крикнуть людей, но, вспомнив, что лес должен быть в верхней заброшенной и отставшей лаве, полез через узкую арокку вправо. Он действительно обнаружил десятка два стоек, полззасыпанных породой и угольной крошкой, и облегченно распрямил онемевшую спину. Именно в это мгновение на него тяжело дохнуло. На какую-то секунду воздух стал непроницаемо плотным. Дубинцев не удержался и упал, ударившись подбородком о лесину, ободрав колени и ладони о колючую породную крошку. В уши, глаза и рот набилась мельчайшая угольная пыль.

— Попал! — Охнул Дубинцев и стал отплеиваться, моментально забыв об ушибе. В следующую секунду он непроизвольно кинулся к круглому отверстию входной арки, но оттуда искалеченным пальцем предостерегающе торчала расщепленная стойка. — Попал! — Охнул Дубинцев снова и, еще плохо соображая, на четвереньках побежал в противоположный конец брошенной выработки. Наткнувшись через три—четыре метра на завалы, растерянно покривил губы: «Как слепой кутенок, тычусь».

Где-то недалеко опять глухо и тяжело зарокотало, звук накатывался, словно, из-под ног, и воспринимался не слухом, а всем телом. Решив, что это разрушается нижняя часть лавы, Дубинцев бессильно опустился на покатуую почву, почувствовав себя до крайности опустошенным.

Пропала лава! Хоть головой бейся о глухую нерушимую стену, хоть зубами ее грызи—ничем не поможешь. Пропала лава! А кто виноват? Да все он же, Дубинцев, случайно оказавшийся начальником целого участка. Бесталанный, никчемный соглашатель! Разве на его месте кто-нибудь другой уступил бы этому Очередько, разве человек со здравым смыслом допустил бы такое грубое, такое хулиганское нарушение элементарных правил эксплуатации? А ведь была поддержка со стороны Рогова, который прямо заявил, что он, Дубинцев, прав!

— Прав? — техник презрительно фыркнул. Высказать правильную мысль, занять правильную позицию—это даже меньше, чем полдела, а основное—это отстоять правду. Отстоять!

И вдруг в тихом, давящем сумраке перед Дубинцевым встало милое маленькое лицо Аннушки, согретое неизъяснимым счастьем.

«Ты у меня умница, гений!» —

— Гений!—попытался с'язвить он, но ничего не получилось. Волна острой жалости захлестнула его сердце, жалости к себе, к Аннушке, чье счастье оборвалось на самом взлете, к товарищам, которые теперь грудью бросаются на завал, которым теперь труднее, чем ему, Дубинцеву, потому что они не знают, где он и жив ли он? Они его будут искать в самой лаве, но для этого надо перебрать руками тысячи тонн породы. Пройти сотни метров бесполезных нарезок. Как-то они приняли весть об аварии.

о гибели одного из членов своей большущей семьи? И сколько прошло времени, как лава рухнула?

Деренков, конечно, уже сообщил о случившемся в диспетчерскую. Раздается звонок в коммутаторе. Дежурит Инна Савельева — девушка с певучим голосом. «Где?» — спрашивает Инна, и у нее бледнеет обыкновенно розовый маленький носик. «Где? — переспрашивает она. — В тридцать первой! Дубинцев Коля?» Трясущимися руками Инна включает аппарат «на циркулярно». Звонят телефоны в кабинетах Дробота, Филенкова и парторга Бондарчука, в тресте, в горкоме...

— Авария в тридцать первой! Погиб техник Дубинцев.

— Дубинцев?

— Молодой парень?

— Как же он допустил?

— Вызвать горноспасательную!

— Не поможет!

Колочим холодом сковывает тяжкая весть Аннушку. «Коля?» — спрашивает она и встает, и лицо ее каменеет.

Дубинцев откидывается на спину. Нет, лицо Аннушки вот таким окаменевшим он не может представить. Она вспоминается подвижной, как серебристая капелька ртути, гибкой, звонкой-лосой. Такой он знал ее в последние четыре года.

В причудливых сочетаниях, как в цветном калейдоскопе, перед ним мелькают события этих лет. На далеком Капельском перешейке только что закончилась война с белофиннами. Вдвоем сооднокашником Гошкой Дубинцев решает весной ехать на север. Это чепуха, что им только по четырнадцати: если уж начинать большую жизнь, то как можно раньше. Кто знает, какими открытиями похвалят они Родину? (Как хохотала Аннушка, когда он ей рассказывал об этой своей попытке прославиться). Из экспедиции на север ничего не получилось, потому что денег хватило только до первой узловой станции.

Зимой 1942 года он недели три ходил в военкомат, но несмотря на многочисленные заявления и устные просьбы, на фронт его не отправили. Вместо этого он попал в Кузбасс, в ФЗО, а потом оказался студентом горного техникума в Прокопьевске. «Дерзай!» — сказал ему отец, агроном одного из алтайских райзо.

С этого и началась сознательная жизнь: он почувствовал себя вдруг своим, нужным человеком среди шахтеров.

Вот он первый раз на шахте. Уголь долбили вручную

— Трудно, зато полезно, уголек-то на зубок испробуешь, — сказал десятник.

Через полчаса, отмахав руки, Дубинцев пристроился к шершавой стенке уступа и задремал. Проснулся от крепкого толчка в плечо. Рядом сидел пожилой шахтер. Дубинцев еще и сейчас краснеет, вспоминая об этой минуте.

— Ты кто? — спросил у него шахтер, а потом зло пожевал губами и стал неистово ругаться. — Ты кто, студент? Нужный в

государстве человек? Какие же твои права передо мной, стариком? Я тридцать лет уголь долбаю, а ты на первой полсмене зачах. Как же ты придешь через год в лаву и будешь меня учить? А ну, будь любезен, зайди сегодня ко мне на квартиру, истолкуем.

Дубинцев две смены просидел в шахте, пока не выполнил нормы. А вернувшись в общежитие, на правах старшего по комнате, стал распекать двух однокашников-практикантов, не ходивших на смену, потому что у них «чего-то животы заболели». Потом почистился, приоделся и тронулся к дяде Егору, как звали сердитого шахтера:

В низких сенях его встретила тоненькая девушка.

— Аннушка, — протянула она руку.

— Познакомились? — спросил дядя Егор, выходя из комнаты. И насмешливо распушил усы: — Эх вы, техники двадцатого века!

На следующий год Дубинцев стал учиться вместе с Аннушкой. Она была единственной девушкой в группе, о ней говорили: «звонкий характер» и еще: «наша совесть», потому что она не терпела лодырей и тех, кто пытался отличиться дешевым молодецеством. На последнем курсе Аннушку избрали комсомольским секретарем.

Когда они полюбили друг друга? Наверное, с первых же дней, как встретились. По крайней мере, так было у него, Дубинцева. А когда он об этом ей сказал? Совсем недавно. Но тяжело ли было молчать? Нет, он не замечал этого, потому что любил.

Дубинцев вдруг спохватился: лампа не выключена... Надо ведь сохранить заряд в аккумуляторе!

Вместе с абсолютной темнотой, плотно подступившей к глазам, как будто окончательно остановилось время. На зубах все еще похрустывал угольный порошок. Мучительно хотелось пить. Он гнал от себя это желание, часто повторяя: «Блажь!» Но блажь не проходила. Несколько раз чудилось ему журчанье ручья, удары капель. Будучи не в силах удержаться, он включал аккумулятор и ползал на коленях по лаве, чтобы еще и еще раз убедиться в отсутствии хотя бы намека на влагу.

Почему-то казалось, что мрак вокруг с каждым часом делается непроницаемое, а тишина все сильнее давит на плечи, на сердце. Но сколько же часов, минут, суток прошло с момента аварии?

Он решил было счетом определять истечение минут, но сейчас же махнул рукой: «Для чего? Кому нужно это время? Не все ли равно: час, сутки или год сидит он в этой дыре? Хочется пить, есть, очень замерз, так это же все пройдет».

А потом Дубинцев, наверное, уснул, потому что долго ничего не слышал, не чувствовал, не двигался. В брошенной, полуза-

налившейся лаве попрежнему было тихо и глухо. Иногда сверху катились кусочки породы или коротко и сухо щелкала натруженная стойка.

ГЛАВА XIV

Некоторое время постояли на повороте в кварцлаг. Бондарчук вздохнул, покачал лампой и сказал:

—Ладно. Ты..иди к себе, работай, а я побуду здесь. Надо будет — позвоню.

Хорошо, я пойду,—согласился Рогов и вдруг спросил:—Как думаешь, живой?

—Искать надо,—невольно высказал опасение Бондарчук.

Вернувшись в кабинет, Рогов постоял у стола. Он боялся, что сразу же уснет, если сядет в жесткое кресло. В голове шумело от двух бессонных ночей.

Вошла Полина Ивановна, секретарь-машинистка. Рогов почему-то безотчетно побаивался строгих печальных глаз этой пожилой и тихой женщины. Ему казалось, что за неисходной печалью в глазах Полины Ивановны таится трудный, невысказанный вопрос, ответить на который никто не сможет. Было известно, что у нее на фронте погибли муж-инженер и сын, окончивший перед самой войной Иркутский университет.

А Полина Ивановна, говорившая часто: «разве я теперь живу?», просто не понимала, почему у нее вызывает такое глубокое, тревожное и вместе с тем теплое материнское чувство стремительный, прямолинейный Рогов. Может быть, потому, что она нечаянно подсмотрела, как он, появившись вчера в кабинете уже в качестве начальника шахты, долго стоял у окна, глядя на слякотный двор. Она еще подумала, что ему, наверное, не с кем разделить ни радость труда, ни горечь утраты. Вот и плечи у него то поднимаются, то опускаются, точно давит на них непривычный груз.

«Каков-то будет на работе этот новый начальник?»—подумала Полина Ивановна, положив на стол папку с бумагами.

—Из треста не звонили?—спросил Рогов, сдерживая зевоту, отчего уголки его губ неприятно опустились.

—Звонили, просили передать, что в шесть часов селекторное совещание, — сказала Полина Ивановна и, чуть помедлив, добавила: — Заходил Дробот, но ничего не сказал. Районные инженеры Охрименко и Нефедов просили назначить время для приема — у них какие-то неотложные дела.

Рогов составил список, распорядившись вызывать людей по очереди. А когда Полина Ивановна вышла, он сказал себе: «Наверное, я усну сейчас». Но не уснул, потому что пришел старший табельщик и доложил, что с выходами рабочих подземной группы неблагополучно. Набросали проект приказа о жетонной системе. Потом появился Локтев, начальник поверхности, и пожаловался на острую нехватку рабочих.

— Роскошно живете! — резко оборвал его Рогов. — Я как раз хотел с вами поговорить об этом. — Потерев красные утомленные глаза, он отыскал в блокноте нужную запись.

— Завтра к вечеру из 1327 человек, имеющих у вас, 430 передадите подземным участкам, в том числе весь квалифицированный горный надзор и всех забойщиков.

Начальник поверхности, немного одутловатый, но еще молодой человек, проницательно улыбнулся.

— Павел Гордеевич, вы меня немного не поняли.. Мне нужно не сокращать, а увеличивать штат минимум на сто пятьдесят человек!

Приподняв телефонную трубку, Рогов осторожно опустил ее обратно на рычаг.

— Я вас понял. Хочу, чтобы вы тоже меня поняли: завтра к вечеру четыреста тридцать человек должны быть переданы на эксплуатацию!

Лицо Локтева заметно вытянулось, он подобрал ноги под стул и зло приподнял верхнюю губу.

— Вынужден заявить, что снимаю с себя всякую ответственность...

— Хорошо, — согласился Рогов. — Сегодня к восьми часам доложите о сдаче дел десятнику по погрузке Екатерине Сербиной. А теперь идите!

Локтев на носках прошел до дверей. Надел кожаную фуражку и только тогда, повернувшись, сказал примирительно.

— Человек триста я завтра к вечеру подброшу участкам... Павел Гордеевич?

— Сдавайте дела! — Рогов шагнул к служебному коммутатору.

Звонил Бондарчук. Он считал необходимым поставить еще одну бригаду на разборку завала, — как бы это поскорее сообразить? Потом вот еще что: черепановцы решительно отказались оставить забой и уступить свое место. По мнению Бондарчука, ребят не следовало обижать, пусть работают, нужно только прислать им что-нибудь из столовой.

— Сорок восемь часов прошло, — сказал Рогов. — Медленно двигаемся, уморим парня... — Немного помолчав, он опять спросил:

— Ты как думаешь, живой?

Бондарчук подул в трубку.

— Вот насчет того, живой или нет, я тебя хочу спросить.

— Ладно, — прервал его Рогов. — Я подошлю бригаду с первого района и позвоню в столовую.

В кабинет вошел Филенков. Он сообщил, что обсуждение мероприятий, связанных с подготовкой к зиме, перенесено горкомом на следующую пятницу. Потом он посоветовал Рогову пойти поспать, обещавшись заменить его на два—три часа.

— Нет, я проведу наряд, — возразил Рогов. — А вас попрошу заняться вот таким делом: здесь у меня график различных совещаний...

— Утвержден трестом и горкомом, — поспешно вставил Филенков.

— Да, утвержден. Так вы его сократите! — Рогов старался по возможности шадить самолюбие главного инженера. Тот явно выжидал, как будут развиваться события, и на приказания Рогова в форме ли предложения или в форме просьб отвечал как-то уклончиво. Вот и сейчас он молча принял график и положил его в папку.

— Я бы вас попросил дня через два представить конкретный план мероприятий, чтобы мы могли привести горные выработки в надлежащий порядок, — сказал Рогов после короткой паузы. Филенков, завязывая тесемки на папке, нехотя отозвался:

— Была ведь комиссия из комбината. Состояние выработок признано удовлетворительным... У нас есть акт.

— Через два дня не больше! — настойчиво повторил Рогов и, глядя ему прямо в переносицу, добавил: — Выработки запущены до безобразия. Я вас прошу временно забыть обо всех комиссиях и актах. Ксгати... без моего ведома никаких комиссий в шахту не пускать, начальников участков и вообще горный надзор без большой нужды с работы не дергать.

Филенков наклонил голову и встал. Когда он уже взялся за ручку двери, Рогов его окликнул:

— Федор Лукич! Вам очень дорого то, что вы делаете? Работа... завтрашний день... я имею в виду...

Филенков переступил с ноги на ногу, но в ответ на призыв Рогова у него в лице ни одна жилка не дрогнула.

— Устал я, Павел Гордеевич, — сказал он, деланно застенчившись, — хотелось бы отдохнуть...

— А-а... Ну, хорошо, я постараюсь помочь, — Рогов отвернулся и опять потянулся к коммутатору. Но тут по-медвежьи неуклюже ввалился Нефедов, инженер первого района.

— Вы что, Павел Гордеевич, шутите? — закричал он еще от порога. — У меня лучшую бригаду забирают!.. Да я...

— Парня ведь надо выручать? — хмуро спросил Рогов, и Нефедов сразу же сник.

— Дубинцева? — с готовностью сказал он: — Дубинцева надо выручать. А насчет бригады я ведь так, для порядка, она уже ушла. Но... — Нефедов снова повысил тон: — скажите мне, Павел Гордеевич, по совести, почему отдел главного механика косо смотрит на мой район. Сегодня опять зажилили у меня сто двадцать метров транспортной ленты, а разнарядка еще в прошлом месяце подписана.

— Я скажу, чтобы выдали, — согласился Рогов. — Но... при одном условии: механический перегружатель на втором участке завтра же будет введен в дело. Согласны?

— Завтра?! — Нефедов вдруг улыбнулся, отчего лицо его приобрело то обычное. — мягкое и немного простоватое выражение, которое было ему более свойственно, нежели напускная суровая непримиримость. Слегка облокотившись о стол, он с явным сочувствием спросил:

Ну как, Павел Гордеевич, трудновато на новом поприще?

— Поприще-то одно...

— Да, но обязанности...

Рогов и сам точно не знал: трудно ему или нет. Он не успел еще в этом разобраться: все силы его души поглощались сейчас заботами о Дубинцеве. При одной только мысли, что в спешке или просто по неопытности он мог упустить что-нибудь, не принять каких-то неотложных мер, не указать кратчайшего пути к спасению погибающего товарища, при одной мысли об этом он весь содрогался. Мало утешили его приезжавшие на шахту управляющий трестом и секретарь горкома, которые одобрили все, что делалось в аварийной лаве. Он упрямо спрашивал себя, что еще можно предпринять для спасения Дубинцева, и не находил ответа. Может быть, поэтому он так обрадовался, когда услышал в телефонной трубке голос Данилова. Не дав ему и слова сказать, он настойчиво попросил, чтобы Данилов сейчас же пришел на шахту.

— А я и так собираюсь на шахту, с обидой иду! — глухо отозвался Данилов.

С обиды он и начал, когда вошел в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь.

— У тебя же здесь жизнь-то какая, Павел Гордеевич, — торопливо проговорил он, усаживаясь против Рогова. — Мне тут в одном месте рассказали, что ты в наступление идешь, а меня целую неделю держишь в обозе, — это как-то не по-гвардейски выходит. Оказывается на шахте есть целая бригада имени... это самое...

— Имени Данилова? — подсказал Рогов.

— Вот это самое... А ты мне ни полслова! Что-то нехорошо получается!

— Подожди! — остановил его Рогов. — Я тебе вот что хочу предложить: мне нужен в отдел кадров боевой парень...

— Это я, что ли? — вспыхнул Данилов. — В контору? Вот уж не ожидал, Павел Гордеевич, что ты из меня конторщика будешь строить!

— Постой, постой!

— Нет, не постою! Где моя бригада?!

Рогов помолчал, заранее согласный со всеми доводами своего боевого товарища.

— Бригада, Степан, на аварии. Засыпало одного молодого техника. Надо выручать парня.

— Засыпало? И бригада там бьется? — глаза Данилова увлажнели от беспредельного волнения, он порывисто вскочил, что-

бы бежать куда-то, но вместо этого попросил почти шопотом:

— Павел Гордеевич, прикажи!

Когда он ушел обмундировываться, Рогов позвонил на аварийный участок Бондарчуку.

— Помнишь я тебе рассказывал о Данилове? Он сейчас будет в бригаде Черепанова. Насовсем! Ловко? Это из тех, которые шли до Берлина. Помоги ему там!

Часа полтора Рогов пробыл на раскомандировке второй смены, а вернувшись, застал у себя Аннушку. Он боялся этой встречи и в то же время желал ее и даже пробовал найти девушку по телефону. Ему ответили, что Аннушка в тресте, готовит документацию по проходке вспомогательного ствола.

Готовит документацию! Это и обрадовало и озадачило Рогова. А сейчас Аннушка сидела в синеватом проеме окна, немного приподняв острые плечи. Поздоровались, загсворили о том, что выгоднее — ждать ли пока шахтостроители раскатаются с проходкой вспомогательного ствола или же приниматься за это хозяйственным способом. Но откуда для этого выкроить рабочую силу?

Аннушка замолчала. Рогов ждал, будучи уже не в состоянии говорить о чем-либо еще.

— Я ведь техник... — сказала, наконец, девушка. — Я ведь техник, Павел Гордеевич?..

— Да? — не понял он.

Горный техник! — настойчиво повторила Аннушка. — А работаю чертежником. Надоело мне это, Павел Гордеевич...

— Я понимаю...

— Вы бы меня на проходку вспомогательного ствола послали... А?

— Аннушка, какую мысль... вы... — Рогов поспешно вышел из-за стола, но тут же остановился: безмерно глубокое горе глядело на него из глаз девушки. Она отвернувшись, прижав трясущийся подбородок к плечу, потом встала, но вместо того, чтобы кинуться к двери, спрятала лицо на груди Рогова. Несколько минут он стоял, не смея пошевелиться, обезоруженный близостью этого обжигающего несчастья.

Заглянула Полина Ивановна и поспешно скрылась. Настойчиво звонил телефон на столе.

ГЛАВА XV.

Михаил Черепанов часто употреблял словечко «скукота», а на самом деле, ему еще ни одного раза не удалось как следует соскучиться. Недалеко от Старокузнецка, где он родился, на его глазах поднялись два крупных завода — алюминиевый и ферросплавный. Можно было бы после семилетки пойти на один из них, так как, пока отец воевал, он в семье оставался за кормильца. Но

Черепанова потянуло на уголь, может быть, потому, что это было труднее и, пожалуй, почетнее, чем работа на заводе. Мать по-вздыхала немного, но противиться не стала — у сына был отцовский упрямый характер.

— Только береги ты себя, — робко наказывала она, когда Михаил с чемаданчиком и небольшой связкой книг уходил на соседний рудник.

В ФЗО ему предложили учиться на машиниста шахтных установок. Он отказался, попросившись прямо на уголь.

— Конечно, правильнее будет на уголь, — согласился директор. — Парень ты сильный, а механизмы все равно изучать придется — без этого в шахте сейчас делать нечего.

Черепанов так именно и рассудил. Во-первых, силенок заниматься, действительно, не придется, во-вторых, забойщик все же главная фигура в шахте, в-третьих, было еще одно обстоятельство, о котором он не любил распространяться.

А заключалось это обстоятельство в том, что в первый же день по прибытии в ФЗО Черепанов встретился с Савоськой Емельяновым, своим сверстником и одноклассником по семилетке. Когда-то еще в детстве между ними случилось что-то такое, о чем они теперь не помнили, но что положило между ними начало глубокой неприязни. Будучи уже школьниками на возраст, они не позволяли один другому взять хотя бы в чем-нибудь перевес. Если отличники в учебе, то оба, если лыжники, то лучшие, если танцоры, то хоть под руки выводил того и другого из круга.

Однажды на летних каникулах они встретились у реки и договорились нырнуть на спор — «кто дальше». Нырнули. И едва ли кончилось бы благополучно это состязание, если бы какой-то пожилой мужчина, гревшийся на песочке, не выдернул их за волосы на берег.

В последний учебный год они влюбились в одноклассницу Любочку. Девочка была худенькая, тихая, болезненная и больше всего в жизни она боялась Черепанова с Емельяновым. У соперников же просто не было времени ломать себе голову над такими премудростями, как отношение девочки к ним. После уроков они обыкновенно провожали Любочку, следуя за нею метрах в ста позади, Черепанов по одну сторону улицы, Емельянов по другую.

Состоялся выпускной вечер. Уже после торжественного заседания, трогательно неумелого, но душевного, какие случаются, очевидно, в жизни каждого окончившего седьмой класс, сверстники встретились в коридоре. Обоим только что были вручены похвальные грамоты с абсолютно одинаковым количеством пятёрок и четверок. Столкнулись в коридоре они нечаянно, не успев даже приготовить соответствующего выражения на лицах, но оглядели друг друга довольно холодно.

— Еще увидимся, — сказал Черепанов.

— Конечно, о чем разговор, — кивнул Емельянов и зачастил вниз по ступенькам, издали выкрикнув: — Между прочим, отец сообщил, что его орденом Красной Звезды наградили.

— Видал ты, какое совпадение! — деланно изумился Михаил. — Моего тоже.

Севастьян на месяц раньше Черепанова поступил учиться в группу забойщиков. Увиделись они в первый же день и увиделись в тот момент, когда Емельянов, как нарочно, стоял в самой небрежной позе у доски почета, на которой красовался его собственный портрет.

Один другого опередил на месяц? Один отличник, а другой еще нет?! Черепанов заторопился, ему нужно было наверстать. А тут еще отец изпод города Бреслау спрашивал: «Как дела сынок?»

Программу обучения они закончили одновременно и тут впервые обстоятельно побеседовали.

— Я говорил здесь с некоторыми старыми забойщиками, — важно сказал Емельянов. — Тут знаешь какие перспективы?

— А ты на какую шахту? — осведомился Черепанов.

— А ты?

— На «Капитальную».

— А я пока решил на четвертой попробовать.

— И правильно, — согласился Черепанов.

— А что?

— Как что? На одной-то, пожалуй, тесновато будет. — Поглаживая двумя пальцами воображаемые усы, Емельянов важно сказал, что всерьез подумывает жениться, не сейчас, конечно, а так через годик, через полтора...

— Опасно наобум-то... — усумнился Черепанов.

— А я подумаю. Меня ведь не припекает.

— Ну, если подумаешь... — благосклонно согласился Черепанов и незаметно для себя сломал в пальцах папироску.

Этот Савоська, наверное, самой судьбой послан ему, чтобы постоянно становиться поперек дороги. Пришлось немедленно же разыскивать мотористку Катю и осторожно выведать у нее насчет свадьбы, потому что и в Катю они влюбились вдвоем и на этот раз уже по-настоящему, по-взрослому.

Сидя на подоконнике в красном уголке, девушка терпеливо выслушала путанную речь Черепанова и звонко расхохоталась.

— Что вы, что вы, Миша! — сказала она. — Я пока в своей воле хожу. Да меня никакая сила не заставит замуж-то!

Судя по этим словам и дальнейшим поступкам, Катя ничего не знала о тех силах, по поводу которых следовало бы высказываться гораздо почтительнее. Во всяком случае, Черепанов в этом убедился раньше, чем через год.

Уже следующим летом он застал Севастьяна на рынке за странным, по меньшей мере, занятием. Подняв над головой дет-

скую цинковую ванночку, тот рассматривал на солнце ее зауторы. Черепанов насмешливо спросил:

— Ты куда плыть что ли налаживаешься в этой посудине?

Севастьян испуганно оглянулся и покраснел.

— Тут, понимаешь, такое дело... — стукнул он твердым ногтем о дно ванночки. — Шахтоуправление отгрохало мне индивидуальный домик...

— Да ты что ж в этом тереме делать будешь? — удивился Черепанов, с любопытством разглядывая окончательно повзрослевшего, раздавшегося в плечах земляка.

— Ну, как что, — усмехнулся тот, — жить, конечно. Жду сына, понимаешь, вот и посудина пригодится. — Повернувшись, он крикнул в рыночную толпу: — Катя!

Подошла Катя. По мнению Черепанова, ее круглое смугловатое личико подурнело: над бровями, на верхней губе и на подбородке проступили темные бесформенные пятна.

— Здравствуйте, Миша, — сказала Катя и виновато улыбнулась. Так, по крайней мере, показалось Черепанову.

Всю дорогу до общежития он презрительно хмыкал.

— Хы, ванночки покупают!

Но общежитие после этой встречи показалось особенно неустроенным и неудобным. Черепанов раздраженно обошел Митеньку, который ползал на четвереньках, и прямо на полу вычерчивал что-то хитроумное, в то время, как четверо остальных сидели вокруг на корточках и глубокомысленно кивали после каждого восклицания Митеньки. Речь шла, очевидно, все о той же системе разработки углей, которую Митенька изобретал вот уже второй месяц и которая, по мнению автора, должна была произвести революцию в горной технике.

— Понятно? — строго спрашивал он слушателей: — Отсюда даванет, отсюда тоже, а с этого конца — знай гони порожняк!

— Да... — с сомнением проговорил Юрий Саенг. — Если уж она даванет, то тут не порожняк, а гроб потребуется.

Черепанов лег на кровать и, отвернувшись к стене, сделал вид, что уснул. Спор вокруг чертежа продолжался еще некоторое время, а потом Митенька на правах заместителя бригадира распорядился:

— Хвзат! Юрка, посмотри-ка, что там у нас по расписанию. Юрий пошелестел у стола бумажками и сказал:

— Чтение у нас сегодня.

— Не ври, не ври! — закричали на него со всех сторон: — вчера чтение, сегодня чтение... смотри лучше!

Черепанов немного успокоился и раздумался о бригаде. Не плохая бригада, чудесные, в общем, ребята подобрались, а дело все-таки не ладится. Не то, чтобы работалось с неохотой или таланту не хватало, как сказал бы отец Черепанова. Просто их на первых порах не приняли всерьез. А тут еще Очередько...

— Что? Опять лес нужен? — притворно удивлялся он. — Ста-

риков переплюнуть хотите? А вы слышали о послевоенных трудностях? Ну и терпите!

Перед этим Очередько ребята устраивали целые манифестации, но толку не добились, а только озлобили его.

Гораздо лучше стало после того, как седьмой участок отошел к району Рогова. Своей первой же беседой, горячим рассказом о молодом снайпере, инженер не то чтобы сагитировал, а как-то расшевелил бригаду, и без того рвущуюся к труду: дескать, «смотрите, думайте и согласитесь, что победу не ждут, не выпрашивают, а берут с боя». А потом Рогов настойчиво, сурово, но по-настоящему заботливо стал как будто в спину подталкивать молодых забойщиков: «Смелее, смелее!» В лаву приходил чуть ли не каждую смену и, если что-нибудь было не так, беспощадно браковал работу. Было не обидно, а стыдно, но дышалось свободнее, потому что работа стала доставлять радость.

Однажды, уже после памятного стахановского слета, заместитель комсомольского секретаря Аня Ермолаева привела к ним в общежитие знаменитого забойщика Хмельченко.

— Здесь и живете? — первым делом спросил Хмельченко.

— Здесь и живем, — ответили ему хором.

— Здорово! — без особого энтузиазма отметил пожилой шахтер. — Только замечаю я, грязновато у вас. С такой культурой наш Кузбасс далеко не ускачет. — Повернувшись к Ермолаевой, он поднял короткий толстый палец и стал негромко, но твердо выговаривать.

— Тебе даны почетные обязанности от комсомола, так куда же ты смотришь? Ну, девонька, накликала ты меня на свою голову. Да, ну вас, на самом деле! — махнул он вдруг рукой. — Не буду я сегодня разговаривать с вами, зайду завтра.

Назавтра комнату побелили, белье на постелях засияло снежной чистотой, Юрий Саенко уже не валялся на кровати в брезентовых штанах. Хмельченко пришел и, оглядевшись, улыбнулся в короткие реденькие усы.

— Смотри-ка ты, перевоспитались! — не то похвалил, не то сязвил он.

В бригаде почему-то ожидали, что забойщик немедленно же приступит к оформлению договора на социалистическое соревнование.

— Он же такой дотошный! — уверял Санька Лукин, паренек из местных. — Он даже свою выработку записывает каждую смену.

Но Хмельченко ничего не стал оформлять, а просто побыл часа два и поговорил обо всяких разностях. Молодежь быстро освоилась с ним. Митенька с Санькой заспорили о том, кто является главной фигурой на шахте.

— Забойщик! — утверждал Митенька.

— Хватил тоже, — забойщик! — презрительно сплюнул Лукин. — Инженер — самая главная фигура.

— Ну, ну, фигуры! — примирительно заметил Хмельченко. — Главный тот, кто лучше работает.

— Ввот... ввот, — подхватил заикавшийся Юрий Саенко — Ввозьми О-о-Очередыко. Ттоже иитээр, а что у него к чему, ние разберешь!

— Пустяк человек, — согласился Хмельченко, — пыжит-ся, пыжигся, думаешь, — горю родит, а поскреби такого сверху самую малость — останется одна голая сущность.

С легкой руки шефа, Очередыко в бригаде так и прозвали: «голая сущность».

Недели через две, после сближения с Хмельченко, в городской газете появилась первая заметка о бригаде Черепанова. Заметка называлась «Молодые силы». Митенька сейчас же написал на входных дверях в общежитие: «Здесь живут молодые силы». Митеньку похвалили, а назавтра чуть не выгнали из бригады, потому что к концу смены было обнаружено, что он исчез из лавы. На вопрос Черепанова табельщица ответила, что «такого не видела». Немного обеспокоенные происшествием, вернулись в общежитие.

Митенька был дома, — умытый и розовый, он кипятил чай.

— Рразорву! — кровожадно вытаращился на него Саенко и обсекся, заметив сидевшего у окна Дубинцева.

— Пейте чаек, стахановцы и ударники Кузбасса. — заюлил Митенька, перетаскивая ведерный чайник на стол. — Я захватил в магазине сахарок, хлебушко...

Бригадники никак не выразили своего удовольствия по этому поводу, а Черепанов молча разделся, взял чайник и вылил его содержимое в раковину умывальника.

— И чего вы в самом деле, нормуто я выполнил... — попробовал улыбнуться Митенька, но улыбка получилась жалкой, мелконькой.

Не отыскав на лицах товарищей хотя бы искорку сочувствия, он потоптался на месте и растерянно, бочком, присел на кровать.

— По какой линии будем, по административной или по комсомольской? — обратился к бригадиру Лукин, исполняющий обязанности группкомсорга.

— По всем сразу! — решил Черепанов.

— Да в чем дело, — удивился Дубинцев, который зашел для того, чтобы провести по поручению парткома беседу о «пятилетнем плане бригады».

— Прогулял! Два часа! — раз'яснил Саенко, ткнув кулаком в сторону Митеньки.

Первым выступил Черепанов. Сдерживая обиду, готовую прорваться в крике, он объяснил, в какое положение попала бригада в связи с хулиганским поступком Митеньки. На днях, нужно подводить итоги на соревнование с Хмельченко. Но какие же это итоги при наличии прогула? Этого не скроешь, да и от кого скрывать: от государства?

— К тому же вчера поступил вызов на соревнование от молодежной бригады Емельянова. Чтобы ответить на этот вызов, нужна тоже чистая совесть. — Черепанов постучал кружкой о стол.

— Всем это понятно?

— Выгнать! — категорическим тоном заявил Саенко.

— И опубликовать! — поддержал Лукин.

— Отмежеваться! — осторожно привстал Георгий Сибирцев и так же осторожно сел, потому что редкий стул выдерживал его тяжеловесную фигуру.

— Давайте все же разберемся, — предложил Дубинцев, — мне непонятно, почему Дмитрий опозорил бригаду?

Страсти немного улеглись. Стали разбираться по порядку. Попросили объяснений от самого Митеньки.

— Я, конечно, виноват... — сказал Митенька и, потоптавшись, беспомощно оглянулся.

— В чем же? — спросил Дубинцев.

— Ну... что ушел раньше...

— А норму, значит, выполнил?

— Вот насчет нормы! — ожил внезапно Митенька, — Я больше не согласен на эту норму. Нас шесть человек, а уступов в лаве восемнадцать, выходит по три на пай. Я не согласен на это... Скучно.

— Это правда, — быстро согласился Сибирцев, — получается какое-то баловство...

— Тесновато, конечно, — согласился и Саенко.

— В тесноте, да не в обиде! — попробовал выйти из положения Лукин.

— Кто не в обиде, шахта или ты? — нахмурился Черепанов и вопросительно оглянулся на Дубинцева.

Самый молчаливый в бригаде Алеша Алешков или попросту выгнанек, как его звали, недоуменно почесал смоляные кудри.

— Что ж теперь, разбежаться кто куда?

Над этим всерьез задумались, забыв временно о Митеньке. В самом деле, что же делать? Пока работа налаживалась, пока с душой и сердцем входили в дело, учились, завоевывали право называться шахтерами — все было ладно... Привыкли чувствовать рядом друг друга, — так теплее жилось. Но незаметно для себя, они выросли, и им, действительно, стало тесновато в лаве.

Дубинцев, сам вступивший только что в широкую жизнь, с удовольствием смотрел сейчас на молодых забойщиков, занятых поисками ответа, как же работать дальше, как устроить, чтобы и вместе быть и не мешать друг другу. Дубинцеву пришлось признаться, что он просмотрел, как недавние ученики вымахали в настоящих шахтеров.

Вывод напрашивался простой: тесно в трех уступах — пусть берут по шесть. Но так как лава невелика, бригада должна из односменной превратиться в суточную. Дубинцев стал прикидывать,

где бы взять еще трех забойщиков, чтобы на каждую смену выходило по три.

— Не надо, не надо — запротестовал Черепанов и возбужденно прошелся по комнате. — Мы будем по двое выходить в лаву.

— По девять уступов на пай? — удивился Дубинцев.

— Честное слово! — подхватил Сибирцев и, неосторожно повернувшись, все же покарежил стул. На него укоризненно оглянулись и тут же забыли про него.

— Вот только Очередыко... — усмнился Черепанов... и подосадовал: — Эх, нет Павла Гордеевича! И зачем только его прогнали на десятую шахту, ведь при деле был человек?

— Это особый разговор, — заметил начальник участка и, зарывшись общим нетерпением, спросил, подзадоривая: — значит по два человека на смену?

— А как же со мной? — робко подал голос Митенька.

К нему повернулось шесть сразу поскучевших лиц.

— Вот загвоздка. — сказал Черепанов озадаченно, но уже без особой неприязни. — Если выгнать из бригады, душа не поворачивается.

— Ты скажи лучше, как мимо табельщицы улизнул? — поинтересовался Лукин.

— Как... — Митенька помогал белыми ресницами. — В старой лаве есть лазейка... в брошенный шурф проникнуть можно, если на брюхе...

— И ты значит проник? — без видимой надобности переспросил Сибирцев.

— Честное слово... — взмолился Митенька, — ну, куда я без вас денусь?

— Влепить выговор... — несмело предложил Саенюг.

На этом и порешили. Собираясь уходить, Дубинцев заметил, как тот же Саенюг, загнав Митеньку в угол, крутил у него под носом пальцами и многообещающе предупреждал:

— Это официально, понимаешь, официально! А в рабочем порядке... попозднее, мы еще поговорим!

ГЛАВА XVI

Черепанов был прав, когда высказал опасение, что Очередыко заартачится. Не успел Дубинцев заикнуться о переводе молодежной бригады на суточный график, как Очередыко замахал руками.

— Что ты, молодой человек, с ума сошел? Мы и так с добычей по самому краешку ходим. Затея, наверняка, провалится, и тогда на чью голову позор? Не желаю!

Дубинцев пожал плечами, как это делала Аннушка, и пошел в партком. Бондарчук побеседовал с Очередыко минут пятнадцать. Выскочив из кабинета парторга, Очередыко удивил подвернувшегося ему Черепанова тем, что вначале довольно вежливо поздоровался, а потом вдруг свирепо крикнул:

— Жаловаться?!

Бригаду все же решено было перевести на суточный график, но накануне стряслась беда в 31-й лаве.

Комсомольцы в этот день работали по соседству. Несмотря на то, что пласт был с двумя породными прослойками, которые приходилось вырубать вручную, работа на удивление спорилась. Черепанов только что кончил крепить и теперь прислушивался к трудному рабочему дыханию лавы.

Где-то в верхнем уступе с громким выдохом заколачивал стойку Сибирцев. Звенел чей-то топор, сдваиваясь, долбили пласт обушки, шумел устремлявшийся вниз уголь. Двумя уступами выше, пустил соловьиную трель Саенг, редко обходившийся без свиста, без песенки.

— Юрка! — крикнул снизу Черепанов, — сколько раз говорить, чтоб без концертов?

— Не буду! — отозвался Юрка.

«Позвать бы еще запальщика, — подумал Черепанов, — подорвать бы еще разок»...

И вдруг лаву качнуло. Грозный рокот обвала охолодил сердце. Через секунду снова зарокотало. Сверху ссыпался Саенг. По-обезьяньи уцепившись за стойку, он испуганно глянул на бригадира.

— В штрек! — прозвенел снизу чей-то крик.

В штрече беспомощно топтался Деренков и, охая, металась откатчица.

— А мы уж думали, что тебя там... — облегченно начал Черепанов.

— Да начальника, начальника же! — закричала откатчица. — Милые мои, выручайте!

Прибежали Вошин с сыном и, чуть оглядевшись, сразу нырнули в печь, к аварийной лаве. Народ все подходил. Появился Рогов, черепановцы ринулись за ним к завалу...

...Бились третьи сутки. Черепанов впервые разозлился на Рогова, когда тот предложил его бригаде уступить место тем, кто не устал, кто быстрее проведет дело.

— Не тревожьте нас! — огрызнулся бригадир. — Не имеете права!

Завал разбирали от груди забоя и поднялись уже метров на десять. Работали по-двое, остальные отдыхали тут же, в просеке. Четверо лесогонов непрерывно подавали крепежник — стойки приходилось ставить так часто, чтобы только можно было между ними проползти: нарушенная кровля совсем не держалась.

Лица у комсомольцев осунулись, глаза поблескивали настороженно, голоса охрипли. Прямо к забоям приносили им пищу, меняли аккумуляторы, инструмент. Усталось сказывалось только в том, что стали чаще меняться, беспокойней дремали, отрывистее, лаконичнее разговаривали. Попробовал сунуться в лаву Деренков, но сидевший внизу, в просеке, Саенг решительно выгнал его, сказав:

— Тут нужны чистые рруки! Проваливай ттип!

Однажды, когда Лукин и Черепанов уже собирались меняться местами, кто-то негромко охнул:

— Аннушка!

Черепанов не повернулся, только задышал чаще. Аннушка присела в сторонке, настороженно приподняв личико. Бригадир почувствовал, как у него моментально пересохло во рту. Девушка пришла удивительно не во-время: только что убрав небольшую плиту аргелита, он обнаружил в образовавшемся углублении полу брезентовой тужурки. Попробовал слегка потянуть — не подалась, в пальцах осталась раздавленная костяная пуговица.

В голове у Черепанова зашумело, руки ослабли. Негромко кашлянув, чтобы привлечь внимание Лукина, он показал глазами на пуговицу в ладони и на Аннушку: Санька понял.

— Ты бы шла, Аннушка, в просеку, — осторожно попросил он. — Крепить придется, тесновато будет.

Она кивнула и, опустившись метра на три вниз, притаилась, незамеченная забойщиками, за стойками.

— Давай! — заторопился Черепанов.

Обламывая ногти, почти задыхаясь от усталости, они стали выдирать, разбрасывать куски породы, не в силах отвести глаз от клочка брезента. Очень осторожно отвалили большую синеватую глыбу, под ней обнажился рукав, а минут через десять вытащили всю тужурку.

— Это не его... — сказала у них за плечами Аннушка.

Черепанов с Лукиным переглянулись и вздохнули.

Брезентовая тужурка, брошенная в лаве Деренковым, словно навела на прагильный след, удвоила силы.

На смену Черепанову с Лукиным к завалу поднялся Сибирцев с незнакомым парнем в новой шахтерской спецовке. Бригадир нахмурился, неприязненно сплюнув. Но новичок спокойно отрекомендовался:

— Данилов моя фамилия.

Черепанов не нашелся, что сказать, и только обменялся с новичком крепким рукопожатием. Так незаметно на крутом повороте, Степан Данилов вошел в жизнь бригады. Когда через несколько часов Бондарчук осведомился: «Как новичок?»... Митенька деловито кивнул вглубь завала:

— Степан Георгиевич в забое.

ГЛАВА XVII

Проснулся, словно от толчка или от тревожного вскрика. В кабинете стоял пепельный полусвет. За окнами поднималось утро. В углу, на жестком диванчике сидела Аннушка, глаза у нее были темные, неподвижные. Через минуту она ушла, сказав, что пора работать.

Провел утренний наряд, потом зашел в столовую, но пока дежурный повар хлопотал над приготовлением завтрака, есть расхо-

телось. Выпил стакан чаю и, возвращаясь в контору, немного прошелся по легкому морозцу. Утро было ясное, звонкое, но какое-то тревожное. Поднявшись на высокую транспортную эстакаду и глянув на голубоватое междугорье рудника, на синие и розовые стрелы над восточным краем земли, Рогов понял, что тревога гнездится в нем самом. Это не были обычные текущие заботы.

Главное, конечно, 31-я лава: эх, Дубинцев, Дубинцев! Рогов вспомнил, как на утреннем наряде, разговаривал с ним, Хмельченко почему-то прятал глаза, словно боясь, что инженер угадает в них скрытую неприязнь. Нетерпеливо растер отерпшее на холоду лицо. Неужели он что-нибудь упустил? Может быть, следовало все же решительнее настоять на замене комсомольцев в 31-й лаве? Настоять, вопреки четко определенному сознанию, что лучше их работать никто не сможет? Кроме того, в завале бьются Вошин с сыном, Данилов. Разве этого недостаточно? И все же нужно еще раз посмотреть и, может быть, заново все перерешить.

Филенкова, почему-то не было на утреннем наряде. Рогов подсадовал и тут же вспомнил, что сам вчера распорядился, чтобы главный инженер строго ограничил часы своего пребывания на шахте, потому что не зачем обоим торчать у дела по целым суткам. Досадно все-таки, что Филенков оказался таким исполнительным.

В приемной Полина Ивановна сказала, что его ждут. Оглянувшись, он увидел поспешно вставшую девушку. Что-то удивительно знакомое было в ее лице. Сразу никак не мог припомнить, где видел эти широко открытые зеленоватые глаза, с коричневой искоркой у зрачка, мягкий изгиб темных бровей, влажную белизну зубов. Где же он все-таки видел это лицо, на котором каждая черточка была согрета совершенно необъяснимой лаской?

— Не узнаете? — улыбнулась сейчас же девушка и легким движением поправила ковыльно-легкую прядь волос, выбившуюся из-под клетчатой косынки.

Нет, он не узнает ее, потому просит извинить. У нее что-нибудь срочное?

Конечно, иначе бы она не решилась беспокоить. Дело в том, что в шахте у нее отец и брат. Семья беспокоится. Вчера вечером дежурный сообщил, что Вошины на аварийных работах, но с тех пор прошло двенадцать часов.

— Вошины? — Рогов теперь открыто поглядел на девушку: — Афанасия Петровича с сыном я видел часа четыре тому назад. Они отказались покинуть лаву, пока есть хоть какая-нибудь надежда...

Девушка наклонила голову.

— Я понимаю... отец не может иначе. До свидания, товарищ Рогов.

Он вошел в кабинет и еще с минуту припоминал, где мог видеть дочь Вошина. Потом начался обычный рабочий день.

Полина Ивановна соединяла телефон Рогова с подземными участками, с трестом, с отделами. Приходили люди, ждали приема. Минут десять у входа в кабинет нерешительно топтался Стародубцев, потом почему-то ушел. Главный бухгалтер выскочил от Рогова, красный, взволнованный, и развел руками перед Полиной Ивановной.

— Не понимаю, чего от меня хотят? Почему я больше всех виноват?

Она тоже не знала, почему.

Часам к двум народ схлынул, приемная освободилась. Развернув домашний завтрак, Полина Ивановна с досадой оглянулась на стук в дверь и тут же приглушенно вскрикнула. Потом она никак не могла связно рассказать, как это произошло, а запомнила все в такой последовательности:

Человек с озабоченным видом вошел в комнату и, не обратив внимания на испуганный вскрик секретаря-машинистки, деловито спросил:

— Дробот у себя?

— Дробот? — женщина не могла поверить, что перед ней живой и невредимый Дубинцев, невероятно грязный, оборванный, но живой. — Дробота нет... — пролепетала она, наконец.

— Жалко... — Дубинцев устало взялся за спинку стула.

— Начальник шахты у себя! — с усилием выговорила Полина Ивановна.

— У себя? — Чрезвычайно заинтересованный неожиданным поворотом дела, техник приоткрыл дверь в кабинет и удивленно присвистнул.

— Это, Полина Ивановна, какое нынче, семнадцатое? А месяц? Странно, всего четыре дня минуло, а тут у вас такие перемены!

Женщина, всхлипнув, толкнула его в кабинет и, спрятав лицо в согнутую в локте руку, расплакалась.

— Что?! — крикнул Рогов так, что стекла в окне дрогнули.

— Николай!

Молчаливая, с удивленно раскрытыми, невидящими глазами в приемную ворвалась Аннушка. Пальто у нее распахнуто, голова не покрыта, дыхания нехватает. Отдернула пальцы от дверной ручки, словно обожглась, и сказала безголосо:

— Полина Ивановна, я сейчас зареву!

— Голубонька! — Полина Ивановна прижала к груди голову девушки. — Не надо... — и сама опять заплакала.

Потом Аннушка вела Дубинцева по улицам города. Рука у Николая была детски слабой, горячий. Кое-где, в тени от домов, лежал чистый легкий снежок. Молчали. Аннушка один только раз спросила:

— Коля, ты живой?

А на квартире быстро сняла пальто и забеспокоилась:

— У тебя жар. Я сейчас позвоню доктору.

— Аннушка, мне будет плохо без тебя... — несмело попросил Николай.

— Я никуда не пойду больше! — решила вдруг она. — Ты слышишь? Не пойду!

— Значит...

— Ничего не значит! — Аннушка отвернулась, спрятав порозовевшее лицо. — Немедленно ложись и не двигайся и... вообще! Если ты такой!

Утонув головой в подушке, Николай блаженно закрыл глаза. Аннушка присела рядом и провела пальцами по его бровям. Он почти мгновенно заснул. Проснулся уже в сумерках. Огня не было. Аннушка попрежнему сидела на краю постели.

— Мне жить захотелось, — сказал он, словно продолжая прерванный разговор. — Совсем умирать собрался, потом очнулся... темно, тихо, душно — могила заживо, а еще ничего для людей не сделал... и ты одна осталась. Обидно. О товарищах стал думать — труднее же им будет, если хотя бы один из работы выпадет. Конечно, труднее. Когда Павел Гордеевич сдавал район, он поручил мне закончить монтаж щита, — я не успел этого сделать. А тут зачетная сессия в институте надвигается, только что группарторгом выбрали, беседу в бригаде Черепанова не провел и, если умру, вообще ничего не увижу: ни тебя, ни рудника... — Дубинцев, не открывая глаз, отыскивал руку Аннушки и подышал ей в ладошку. — И тут вдруг вспомнил, что Митенька ушел недавно из шахты через какой-то лаз. Стал искать этот лаз. Там все было завалено, я разобрал. Трудно было голыми руками, но шурф тоже оказался обрушенным. Я пополз дальше. Знаешь на горке новые домики для стахановцев? За ними есть старый ходок. еще летом хотели засыпать — туда как-то теленок завалился. Не помню уже, как выкарабкался. Женщина подобрала. Отдохнул, молочка, напился. Ох, как я соскучился по тебе!

Николай снова подышал в горячую ладонь Аннушки и, не отнимая ее от губ, уснул.

(Продолжение в следующем номере).

А. КОСАРЬ.

РОДИНА

1

Иду ли я таежною тропой
и прорубаю новый тракт широкий,
где мой отец — отважный зверобой —
давал мне жизни первые уроки;

Веду ли эшелон-тяжеловес
по громыхающей закованной дороге,
и расступаются передо мною лес,
теснины скал и горные отроги —

От виноградников до тундры Заполярья
земли бессменный труженик и царь я.

На пустыре возникли этажи,
езде дома моей добротной кладки:
здесь каждый камень стен я уложил,
зимую в парусиновой палатке.

Плыву ли я к далеким берегам
перерождать полярные пустыни,
где валит с ног косматая пурга,
и кровь под ветром леденящим стынет,

К сокровищам пробьюсь я сквозь гранит,
Пройду везде, где родина велит!

2

Она!..

И плещут волны за кормой.
Шумят березы за окном вагона.
Заводит голосистая гармонь
родную песнь, с которой так легко нам!..

Лесов осенних золотой наряд,
и шелест желтых листьев под ногами.
Пушистая одежда января,
метель, шуршащая сыпучими снегами.

Она!..

Как нежное дыхание за спиной.
В палящий, летний зной лугов прохлады,
медовый аромат родного сада,
ручья журчанье раннею весной.

Благоуханные, цветущие края,
как самоцветов ярких переливы...

От Измаила до Берингова пролива
Везде ты, Родина — любимая моя!

УТРО

Поднимается солнце.
Куранты Кремля
С затаенным дыханием
ловит земля.
Поднимается солнце.
И стены домов,
Деревянные, каменные —
любые
Розовеют и светятся.
Ленты дымов,
Словно косы, сплетаются
голубые.
Поднимается солнце,
И льется металл,
И грохочет
кузнеческого угля лавина,
Где строитель
бетоном болота сковал
И плечами гиганта
предгорья раздвинул.

Поднимается солнце.
Скорей на поля!
Оживает под плугом
родная земля,
Чтоб навеки избавиться от ковыля
И хлебами колхозными озолотиться,
Поднимается солнце.
И строек леса
Отзываются музыкой
пил и рубанков.
Города из развалин
растут в небеса
На бесславно истлевших
фашистских останках.
Поднимается солнце.
Знамена парят.
И свободная песня
над миром несется.
И народы, встречая восход, говорят:
— Там, в Советском Союзе,
встает наше солнце.

ЗАВОД

Завод накинута на плечи
Песцовую шубу снегов.
Печей негаснувших свечи
Вздвигаются до облаков.
Ворота раскрыты настежь
И каждого манят войти.
К заводу, как будто к счастью,
Стекаются все пути.

Сюда от горных отрогов
Торопятся поезда.
Вливаются по дорогам
Людские реки сюда.

Под своды туннеля-зала
Идут сыновья, отцы...
Достойнейшего металла
Хозяева и творцы.

Рокошет завод, как море,
Туманной дымкой об'ят.
И трубы, словно в дозоре,
Неколебимо стоят.
Величественней, чем скалы,
Раскинулись корпуса,
Чтоб зарево плавок взлетало
Под самые небеса.
Чтоб сталью мы одевали
Советской державы полки,
Чтоб стали коммуны дали
Как завтрашний день близки.
Ночному небу на зависть
Одетый огнями в рост,
Бросает завод-красавец
На землю пригоршни звезд.

И наперекор природе,
Любовью к домам горя,
Проводит всю ночь на заводе
Предутренняя заря.

Взгляните на стройные трубы.
Захочется вам сказать:
— Такому заводу люблю
И сердце свое отдать.

РОЖДЕНИЕ СТАЛИ

Крылья ворот раскрылись,
Как перед гостем желанным...
В тучах железной пыли
С грохотом ползают краны.

Щупальцами стальными,
Выпачкажными в саже,
Носят в багровом дыме
Тыщепудовые чаши.

Огненными глазами
Печи следят за краном,
Рты раскрывают сами,
Пышат жаром багряным.

Парень в потертой кепке
Скажет печи: «Постой-ка,
Ковшик доменной, крепкой
Выпей густой настойки».

Кран преподносит чашу,
В печь наклоняет лапой.
Звездного ливня краше
Падают капли на пол!

Выпила. И с загрузкой
Парень спешит в садом:
Кормит броней рурской,
Смятой русским ударом.

Воспоминаньем кратким
Озарена картина:
С «тиграми» жаркие схватки
На площадях Берлина.

Танки брони немецкой
Парень кромсал на части,
Чтобы в печах кузнечных
Выплавить сталь для счастья.

В ЗАБОЕ

Мозолистыми пальцами руки
Зажата рукоятъ стального друга.
И, как волна бушующей реки,
Дробясь, шумит
у ног шахтера уголь.

Чернеет пласт, как ночь перед грозой.
Забойщик бьется под завесой плотной.
И сотрясается разбуженный забой
От непрерывной дробы пулеметной.

Шахтер углем до пояса оброс.
Зовут отгребщики на помощь лесогонов.
Не успевает брать электровоз
Нагруженные доверху вагоны.

Пришел десятник:
«Обожди, Иван!
Куда же я твой уголь нынче дену?
Ты не собрался ли
в неделю майский план?»
«Нет, не в неделю, —
в нынешнюю смену».

Расправил плечи,
пот с лица утер,
И на отбойный молоток — всей грудью,

Гляди.

каков

потомственный шахтер,
Вернулся он на шахту от орудья.

Устанет грудь —
есть правая рука,

Она ослабнет —
левая возьмется,

Не выпустит забойщик молотка,
Пока его большое сердце бьется.

«МОСКВИЧ»

За городом шахта — у всех на виду.
Знакомой дорогой на шахту иду.
Направо — театр, налево — райком,
Шахтерский поселок мне с детства знаком.

По этой дороге подростком в забой
Впервые отец меня вел за собой.

Теперь подрастают мои сыновья
По сердцу им будет дорога моя.

Почет заслужил я шахтерским трудом,
В подарок мне шахта построила дом.

У дома ограда и маленький сад,
Под окнами яблоки нынче висят.

Шутили шахтеры: «Ты стал богачом!»
...И вдруг обзавелся сосед «Москвичом».

Поставил его посредине двора —
С поселка всего собралась детвора.

Проедет по улице и продудит:
«Видали шахтера! Каков? Погляди!»

Жена за калитку выходит встречать,
По голосу знает она «Москвича».

На шахту и в гости — везде с «Москвичом».
И все расстояния им — ничем!

А мне сыновей не унять, как галчат,
С утра и до ночи: «Купи «Москвича»!

Ну, что ж, я другим уступать не хочу:
Возить и моих сыновей «Москвичу»!

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Зима — ткачиха, рукодельница:
Соткет — ни рубчика, ни шва.
Полотна снега всюду стелятся,
И все деревья в кружевах.

Но не о ней, зиме-красавице,
Шумит народная мслва.

Простые люди ныне славятся.
О них сердечные слова.

Где аммоналом где лопатами
Штурмуют каждый метр земли,
И взрывы гулками раскатами
Перекликаются вдаль.

Здесь летом травы двухметровые,
Зимсю здесь по грудь снега.
Здесь по-сибирски жизнь суровая
И по-таежному строга.

Земля морозами закована
И неприступна, как броня.

Но землекопом атакowana,
Сдается, под киркой зверя.

Взлетает к небу, как из кратера,
Гранит разорванной скалы.
Железной горстью экскаватора
Земли насыпаны валы.

...В горах, как молнии меж тучами,
В глуши медвежьего угла

Стальными рельсами летучими
Дорога к счастью пролегла.

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ О ШАХТЕРАХ ФРАНЦИИ»

ГНЕВ

Министр внутренних дел Франции Жюль
Мок приказал войскам стрелять по без-
оружным бастующим шахтерам. Среди
шахтеров есть много убитых и раненых.
(Из газет).

Из черных,
как дуло,
газетных строк
Гремит за выстрелом выстрел,
Над сердцем Франции
взводит курок
Рука Жюль Мока,
министра.

В шахтерской крови
намок Жюль Мок.
Но с рабством
шахтер не смиритса.
Свободу не посадить под замок,
Свобода пуль не боится.

Французским шахтерам
невозмогу..
У каждого — смерть на пороге.
В утра
до ночи —
ни крошки во рту.

И нечем прикрыть
детей наготу —
Сграбастали все
жюль моки.

Шахтерам
Мок
не жалеет пуль.

На танки
Мок
не скупится.
Его называют
в Америке:
— Жюль.
Во Франции
просто:
— убийца.

Но что
Жюль Мок? —
Хозяйский щенок.
Ошейник на нем золотится...

Взбешен
заморский долларовый бог,
Он знает:
расплаты срок
недалек.

Расплата
в дворцы стучится.

От гнева народов
земля дрожит.
Шатаются в страхе
дворцов этажи.

Хозяевам и убийцам
От смерти не откупиться!

ПОД КРЕМЛЕВСКИМИ ЗВЕЗДАМИ

А сиянье от звезд на Кремле
Шлет привет благодарной Земле.

Но неизменно хороша,
Белеет в прядях
 снег сединок
И лоб морщинками обвигт..
Нелегим был оя,
 поединок
С проклятой долей
 слез, обид.
Давно ль
 от печки до порога

Был путь ее
во мраке дней...
Как мир,
широкая дорога
Открылась нынче перед ней.
Начнет работать —

догоняй-ка!...
Недаром люди говорят:
Она теперь
земли хозяйка —
Герой Труда
и депутат!...

ГОРОД

Был дик, суров и непокорен
Наш край — хранитель щедрых недр.
Но рухнул, срубленный под корень,
Подгнивший мир, как старый кедр.

И ожила в тревожном гуде
Со всех сторон сходились люди
Тайга, дремавшая века...
На свет скупого огонька.

Звенел топор, пила визжала,
Тянулся ввысь за домом дом.
Навстречу, с гор весна бежала,
Любуясь радостным трудом.

С тайгою вместе отступали
Вчерашних стуж седые дни.
И открывались людям дали,
Каких не ведали они.

...Лишь вечер сумрачным покровом
На город спустится с высот,
Широким заревом багровым
Вдруг запыхает небосвод.

И восхищенья не скрывая,
Глядит приезжий человек,
Как туча плавится — живая,
Роняя отблески на снег.

Где крик зверей да песни птичьи
Будили утренний покой,
Там город встал во всем величьи
В краю таежном над рекой.

СТИХИ ОБ УРОЖАЕ

Волны, волны в море золота...
Сердце радуют поля!
Нет, недаром потом полита
Наша добрая земля.

Воздала она сторицею
За народные труды —
Плещет буйною пшеницею
У вчерашней борозды.

Напоенной ливнем, росами,
Обогретой знойным днем,
Любо ей шуметь колосьями
На просторе голубом,

Каждый колос в руки просится:
Погляди, какой, мол, я...
Хорошо, привольно косится,
Если вся земля — твоя!

Лишь за далями бескрайними
Ночь растает, словно дым,
Рожь встречается с комбайнами,
В пояс кланяется им.

Паутинками узорными
Дни осенние плывут...
Капли пота стали зернами,
Стал великим счастьем труд!

Я. СЕВЕРНЫЙ.

УЧИТЕЛЬ ИЗ ШУРИНКИ

1.

Друзей удивляло, как мог Василий Данилович, у которого все впереди, променять большое, культурное село Тарасово на маленькую степную деревеньку Шуринку.

— Далась вам эта Шуринка, — говорила Ольга Всеволодовна молодому учителю. — Что там? Ни коллектива такого, как у нас, ни радио, ни библиотеки хорошей. Что вас туда тянет?

Директору школы, Ольге Всеволодовне, не хотелось отпускать Василия Даниловича, недавнего фронтовика, энергичного комсомольца.

— Я сам привык здесь, — сознавался он. — Но перед Шуринкой в долгу: там родился, вырос, и отчасти виновен в том, что Шуринка до сих пор так бедно выглядит...

Сорок лет назад на месте теперешней Шуринки, расположенной в степной части Подунского района, вдали от речек и железной дороги, поселились переселенцы из Тамбовщины. Первый кол забил здесь, отец Василия — Даниил Петрович Баклыков. Он же поднимал первые пласты целины.

Кругом богатеют колхозы, а в Шуринке — ни электричества, ни урожая, ни высоких удоев на ферме.

— «Неважно живете, земляки, — в первой же беседе с односельчанами сказал Баклыков. — И как только вы миритесь с таким положением?

— В плохие места угодили, — жаловались шуринцы. — Приходится мириться.

Василий Данилович скоро убедился, что дело здесь не в «плохих местах». Некому в деревне поднять шуринцев, организовать их. Без партийной организации комсомольцы не знали за что взяться, колхозом руководили совсем малограмотные люди.

А где шуринские парни и девушки, которые каждый год заканчивают семилетку и уезжают учиться в город?

Оказывается, после учебы они не вернулись в родную деревню, не захотели работать в колхозе.

— Почему так? — спрашивал себя Баклыков. Это встревожило его с первого дня работы в школе.

2.

На уроке естествознания в четвертом классе Василия Даниловича слушали невнимательно. Двое мальчуганов за последней партой что-то обсуждали между собою, другие рисовали или разглядывали картинки в книге.

Между учителем и ребятами не было контакта, необходимого на уроке. Баклыков с увлечением рассказывал о местных почвах, об их особенностях, но ребят это мало трогало.

Василий Данилович встал из-за стола, прошелся по классу, обдумывая, что еще можно предпринять.

— Для чего весною спешат бороться заяб? — спросил он мальчугана за последней партой.

— Не знаю...

— На какую глубину надо пахать? — спросил другого.

— Не знаю...

— Как же так? Вы же — сыновья колхозников. Окончите семь или десять классов, бригадами вас назначат. Какие из вас будут бригадиры?

Ученики даже не смутились. Оказывается, они и не собираются быть бригадами, и не для того учатся, чтобы жить в деревне.

Поздно в этот день вернулся учитель домой. Долго не мог уснуть. Было над чем призадуматься. Думал, все пойдет хорошо, будет вести урок,

как песню петь. И не вышло. Неужели растерял на фронтовых дорогах старый опыт учителя? Может, зря вернулся в Шуринку? В Тарасово все было налажено. А здесь... Ученики в классе играли в карты, без разрешения входили и выходили. И колхоз не похож на колхоз: вместо добротных дворов для скота какая-то ветошь, будто временный житель поселился в Шуринке.

Правда, учитель успел разглядеть в деревне и то, что ободряло, звало к большой работе.

Как только он приехал, его избрали секретарем колхозной комсомольской организации. Затем шуринцы пожелали видеть его членом ревизионной комиссии колхоза.

— Ты, Василий Данилович, наш колхозник, — говорили они. — На фронте был. Порядок колхозный тоже тебе известен. Помогай.

Кассу и кладовую проверили до него.

— Все сделали, — сказали ревизоры, приглашая нового члена комиссии подписать акты.

— По-моему, не все, — заметил Баклыков. — С нас могут спросить: почему не выполнен план по урожайности, план хлебозаготовок государству.

— Пусть у правления спросят.

— Так-то оно так, — согласился Василий Данилович. — А нам ведь поручали проверять деятельность правления. Что мы ответим?

Были ссылки на погоду, на землю. Но Василий Данилович возражал:

— Рядом, у соседей, в колхозе им. Молотова, на такой же земле урожай в два раза выше. Почему? Глубоко вспахали пары. Раньше посеяли. Пшеница не попала под заморозки.

Ревизионная комиссия сделала вывод: Шуринка может идти вровень с колхозом им. Молотова, если обрабатывать землю по-хозяйски.

Василий Данилович видел, как акт ревизионной комиссии, пока немногих, но заставил задуматься. Среди немногих был и Андрей Цибенко, бригадир тракторной бригады.

Но урок естественности не давал покоя... Что же это? Заканчивает ученик среднюю школу в селе и не знает, как вырастить хорошие хлеба, не имеет представления о лучших по-

родах скота, не может составить кормовой рацион для дойных коров. Десять лет проучится, а нельзя его поставить колхозным бригадиром. Не годится это...

3.

О школьном посеве говорила вся Шуринка. Ученики с учителем собрали на пришкольном участке 90 пудов пшеницы с гектара, тогда как в колхозе — не больше шестидесяти.

Тихая жизнь Шуринки была нарушена.

— Учиться нам надо, — заговорили в правлении колхоза.

Андрей Цибенко стал чаще встречаться с Василием Даниловичем, и, между прочим, сообщил, что на 1947 год он поднимет паров побольше прошлого года.

Первое лето в родной деревне после войны для Баклыкова не прошло даром. Школа всю зиму будет иметь горячие завтраки. Ученики увидели, как ценится труд: они получили с пришкольного участка по два с половиной килограмма пшеницы на трудодень.

А как не хотели они обрабатывать посевы, сколько пришлось учителю повозиться с трактористом Василием Буцкиным.

Как-то на пахоте Баклыков заметал Буцкину:

— Мелко пашешь.

— Как всегда.

— Для нас так не годится. Школа не может принять такую пахоту. Придется переделать.

Буцкин вспыхнул. Не первый год он работает, и нотаций ему не читали.

— А надо было, — поправил его Баклыков. — За такую работу одним нотаций мало. Надо заставлять переделывать за твой счет, штрафовать. Не поможет — судить.

Буцкин говорил, что у него сам председатель колхоза всегда принимает работы с высокой оценкой. Показывал учетные листы.

— Это — ошибка председателя.

Буцкин ушел к бригадиру Цибенко. — Не будет нам пахать, — загоревали ребята.

— Будет, — сказал учитель. — Не для нас он это делает. Хлеб всему государству нужен.

Цибенко поддержал учителя. Участок вспахали, как требовалось.

А когда закончили вспашку паров под яровые, Буцкин попросил Баклыкова:

— Зашли бы на пары.

— Я же — не бригадир, не председатель. Разве только, как член ревизионной комиссии.

— Заходите просто так, побеседуйте с нами.

4.

Ребята столпились у стенгазеты. Всем хочется знать, о чем сегодня рассказывает «Отличник учебы».

На видном месте напечатана заметка о трудовой книжке Володи Колбаскина. Это было самым интересным.

Володе Колбаскину — 8 лет. Он учится в первом классе. Володя уже заработал в звене первые сорок пять сотых трудодня. Он собрал для удобрения пшеницы три ведра золы.

— А как ты? — спрашивал Ваня Трушаков старшего брата Володи, Ленью.

Ваня — друг Лени. Ване хочется, чтобы Ленья всегда был первым и в учебе, и в сборе золы.

— Я не собирал, — ответил Ленья.

— Зря, — сожалел Ваня. — А я хотел о тебе написать. А теперь придется о Кольке Кудрявцеве. Он, знаешь, сколько собрал? Уймицу!

— Ну и пусть, — отмахнулся Ленья и отошел от стенгазеты. — Я, может, совсем в звене не буду. Папа говорит — ничего не выйдет у Василия Даниловича.

Звено высокого урожая в Шуринке — дело новое. Тем более, звено из детишек. Без трудностей — ни шагу. Но звено от этого не слабело, а крепло.

Баклыков создал звено после решения февральского Пленума ЦК ВКП(б). Учитель понял, насколько огромен и важен план под'ема сельского хозяйства, намеченный коммунистической партией. Ему захотелось донести этот план до сердец шуринцев, зажечь их, показать богатые возможности колхоза, научить ребят труду.

— Баловство, — заявила счетовод Боровкова, когда Баклыков просил выделить десять гектаров паров.

— Толку не будет, — согласился со счетоводом председатель колхоза Колбаскин.

Пары все же выделили. Колбаскин хотел откупиться десятью гекта-

рами от беспокойного учителя и отстоять право на тихую жизнь.

— Соберем 180 пудов с гектара, — обещал Баклыков.

Не поверили. Даже Андрей Цибенко, бригадир трактористов, осторожно отнесся к словам учителя, хотя от всей души его поддерживал.

— Ваш участок...

— Нет, нет, Андрей Петрович, — остановил бригадира Баклыков. — Не только наш участок. Нам надо на всей площади сделать все, что возможно, даже то, что до сих пор в Шуринке считают невозможным.

Бригадир ничего не мог возразить. Нравился ему учитель.

При организации звена Баклыков встретился с новой трудностью. На пришкольный участок шли далеко не все ученики. Павлина Воронкова, ученица 3-го класса, дочь хорошего сельщика, сказала, что ей в звене неинтересно. Таня и Поля Камынины тоже отказались от звена.

Но записалось в звено более двадцати ребят. Ученики 4-го класса: дочь бригадира тракторной бригады Таня Цибенко и Коля Кудрявцев, из третьего класса Зина Проходцева, первоклассник Вова Колбаскин, сын председателя колхоза, первыми пришли в звено и стали его душой.

А Баклыков старался строить уроки так, чтобы сблизить их с жизнью звена.

Коля Кудрявцев собрал 45 ведер золы, а Володя Колбаскин — три ведра. Во сколько раз больше собрал Коля? — подсчитывали на уроке арифметики ребята второго класса. В четвертом классе решали такую задачу: звено собрало 35 центнеров золы. На один гектар надо внести по 350 килограммов. На сколько гектаров хватило золы?

Тема из жизни звена находила место на уроках русского языка и естествознания.

5.

Каждый день приносил новую радость. Коля Кудрявцев предложил собирать золу по пятидворкам. Ребята нашли для золы амбар. Ваня Трушаков объявил, что будет агрономом.

Были и неприятности. В колхозе отказались дать лошадей на вывозку перегноя. Пришлось искать другие удобрения.

Трудности не остановили Василия Даниловича. Могут не дать деньги на минеральные удобрения, возьмут лучших ребят из звена на другие работы. Все может быть. Но помех со стороны своего прямого начальства он никак не ожидал.

Когда до заведующего районо дошли слухи о зоме, о пришкольном участке, он вызвал инспектора по начальным школам.

— Надо пробраться в Шуринку. Там этот Баклыков, горячая голова, начал не своим делом заниматься. Детей прежде надо научить грамоте. Работа от них не уйдет... Поезжайте, Лина Артамоновна, а то и нам с вами попадет.

Лина Артамоновна побывала в Шуринке. Ее покорила жизнь звена. Уроки шли нормально. Успеваемость ребят хорошая.

Доклад Лины Артамоновны в районо вызвал большой интерес. Нина Алексеевна Каткова, только что закончившая педучилище, стала проситься на работу в Шуринку. Из села Шипицино спрашивали, как бы узнать об опыте Баклыкова подробнее.

— Посмотрим, — решил заведующий районо. — Только бы он все это тише. Да меньше бы в колхозные дела лез.

А Баклыков влезал в колхозные дела все глубже. Если в поле возникал спор между трактористами и руководителями колхоза, шли к учителю. Не подготовили массив к пахоте — Цибенко просил учителя «воздействовать»...

Баклыков понимал, как велика его ответственность. От него зависит — будет ли Ваня Трушаков агрономом, вернутся ли после учебы в родную деревню Таня Цибенко, Коля Кудрявцев и тот маленький Вова Колбаскин, который уже сегодня так гордится своей трудовой книжкой.

6.

— Разве это друг. — возмущались ребята поступком Вани Трушакова. Ване было обидно, что они так истолковали его выступление.

Леня Колбаскин не подготовился к уроку. Когда Василий Данилович спросил его, почему так случилось, Леня ответил:

— Я рассеивал золу...

Ваня знал — его друг говорит неправду.

— Я тоже рассеивал, — сказал Ваня, — но урок выучил.

Он без запинки ответил на все вопросы Василия Даниловича.

— Что же делать с Леней? — спросил учитель.

— Если звено мешает Лене учиться, его надо вычеркнуть из списка.

Василий Данилович поддержал Ваню:

— Да, плохих учеников мы не будем держать в звене.

И вот теперь все ребята смотрят на Ваню косо. Несколько дней друзья не разговаривали. Это заметил учитель. Пришла пора пропалывать посевы от сорняков. Каждому ученику Василий Данилович отводил делянку. И всегда случалось так, что делянки Вани Трушакова и Лени Колбаскина были рядом.

Это соседство чуть не привело к новой ссоре.

Леня работал лучше всех ребят. Справа от него шел Ваня, слева Митя Цибенко. Они старались успеть за Леной. Ване это удавалось, а Митя оставлял за собой сорняки.

— Что же ты ему не скажешь? — заметил Ваня.

— Пусть сам за себя отвечает! — отрезал Леня. — У меня-то хорошо.

— Урожай со всего участка надо собрать.

— На то есть Василий Данилович.

Ваня не хотел доводить дело до ссоры. Но как он был рад, когда через некоторое время Леня заставил соседа оглянуться и переделать работу.

Неделю спустя, все видели Ваню и Леню старыми друзьями.

На участке звена сошлись дороги еще одной дружбы.

Из машинно-тракторной станции в колхоз приехал агроном. Он познакомился с учителем.

— Ваше звено — первое в МТС. Вы начали в высшей степени интересное дело и на меня можете полностью рассчитывать.

Агроном говорил, что для 180 пудов нужна высокая агротехника. А позже он уже вводил Василия Даниловича в храм агрономической науки. Решено было пробороновать всходы пшеницы, трижды подкормить их, очистить от сорняков. Агроном помог учителю книгами, показал ему посевы передовых колхозов.

Подружила со звеном и тракторная бригада. Бригадир Цибенко всегда шел за советом к Баклыкову. Вася Буцкин просил поручать ему все тракторные работы в звене.

Весною Буцкину пришлось сеять перекрестным способом.

— Никогда так не сеял, — сознался он. — Это и для меня школа.

— Правильно, — согласился учитель. — Учись. Пригодится. Теперь придется всюду так сеять.

7.

Василий Данилович немало был удивлен: на пришкольный участок приехал Абанин, меньше других веривший в «затею учителя», а вместе с ним — самый старший в селе — Кузьма Федорович Камынин.

— Много хорошего говорят о вашей пшенице, — поздоровался с учителем Камынин. — Вижу, правду говорят.

Пшеница выколосилась и стояла, как море.

— Седьмой десяток мне, — говорил Кузьма Федорович Абанину, когда Баклыков оставил стариков, — а таких хлебов не видел.

— А учитель — парень знающий, и руки, как у доброго хозяина, — признал Абанин.

— Василий Данилович... — с уважением поправил Камынин. — У него и голова, я тебе скажу... Одним словом, умная голова.

«Лед тронулся», — думал Баклыков. Последние месяцы принесли много приятного. Все ученики перешли в следующие классы. В районе остались довольные, особенно Лина Артамонова, которая, пожалуй, первая сумела увидеть в почине Шуринской школы интересное дело.

Но прежде, чем пшеничная нива встала стеной, Василий Данилович пережил немало беспокойства.

Когда пшеница закустилась, посевы подкормили сульфатом аммония и начали боронить. На зеленом пшеничном поле оставался за бороной потемневший след.

Бригадир Петр Буцкин прятался в правление колхоза:

— Учитель губит посев!

— Запретить ему. Удобрил — чего еще?

Против удобрений больше не говорили.

Василий Данилович сам не совсем верил в боронование. Правда, он соблюдал все правила. Перекрестный посев бороновили с угла на угол, чтобы зуб бороны не попадал на рядок посева. Борона легкая, деревянная, зубья поставлены с некоторым наклоном назад. Но дело слишком новое. Жаль, если так хорошо начатая жизнь звена потерпит на этом ущерб.

А может отказаться от боронования? И без него урожай обещал быть богатым. Но отказаться теперь, значит, поколебать веру ребят во все, что они делали до сих пор.

Василий Данилович сел на мотоцикл и — к Прижигодскому.

— Это хорошо, что поле слегка почернело, — успокоил агроном. — Вы разрушили корку почвы, улучшили доступ воздуха к корням и создали условия для сохранения влаги в почве.

Прошел дождь. Пшеница зазеленела и густым ковром укрыла землю.

Трижды подкармливали пшеницу, четырежды пропалывали. Капканами ловили сусликов. Союзниками школьников были птицы. Для них ребята подделали шесты с перекладинами. Птицы вылавливали мышей.

Ученики работали на пришкольном участке по четыре часа через день.

Работа сочеталась с учебой. Перед сбором золы учитель рассказывал о химическом составе удобрения, о том, как его хранить, вносить в почву.

Культивация паров. Звено вышло принять работу тракториста. У полюсы — беседа: для чего культивируем, какие земли надо обрабатывать лапчатыми и какие пружинными культиваторами.

Ученики сами измеряли выработку, делали подсчеты, закрепляли знания по арифметике.

В перерывах между работой учитель организовал игры, проводил беседы. С каким вниманием слушали ребята рассказ о будущем Шуринки: где будет электричество, врачебный участок, во главе бригад, ферм, колхоза встанут люди со средним и высшим образованием! Каждому хотелось жить в будущей Шуринке.

— А строить ее будем мы с вами, — закончил учитель.

Ребята согласны. Ради этого стоит учиться. Она после учебы вернется в Шуринку.

Василий Данилович собирается в Москву. На сессии Академии педагогических наук он выступит с докладом о воспитании детей в сельской школе.

— У вас есть что сказать, — говорили Баклыкову в районо. — Такой урожай: 216 пудов пшеницы с гектара!

Да, урожай богатый. С 10 гектаров собрано по 36,18 центнера пшеницы. Но Василий Данилович собирался говорить, как на пришкольном участке возникал у ребят интерес к агрономической науке, раскрывалась перед ними красота сельскохозяйственного труда.

Все в Шуринке еще раз увидели, как высоко ценит страна труд мастеров урожая. Баклыкову присвоено звание Героя Социалистического труда. Бригадир Андрей Цибенко награжден орденом Ленина, тракторист Вася Буцкин — орденом Трудового Красного Знамени. Ученики Вова Колбаскин, Таня Цибенко, Зина Проходцева и Коля Кудрявцев получили медали «За трудовую доблесть».

Труд стал родным и близким делом

для ребят. В нынешнем году их звено засеяло 20 гектаров пшеницы. Лёня Колбаскин посадил на усадьбе садик. Ваня Трушаков решил стать агрономом, Коля Кудрявцев — инженером-строителем. После учебы они вернутся в Шуринку.

Почин и опыт школы переняла тракторная бригада Цибенко. Колхоз «Комсомольская искра» перешел на звеньевую организацию и на все посевы переносит опыт Баклыкова. В разных школах Подунского района последовали за Баклыковым.

А Василий Данилович уже вынашивает новые планы: о воспитании юных садоводов, огородников, конюхов, электриков.

Василий Данилович собирался говорить в Академии о воспитании ребят, но умолчать о планах на будущее также нельзя. Иначе доклад будет неполным. Как можно работать, если не смотреть вперед?

Дер. Шуринка.
Колхоз «Комсомольская искра»,
Подунского района.

А. ЕФИМОВ.
ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ

Глава из поэмы «Две крепости»

«Он, народ этот, без помощи государства... присоединил к Москве огромную Сибирь руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он в лице Дежнева, Крашенинкова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы на свой счет и за свой страх».

(М. Горький. «История русской литературы»).

Пришли глубокой осенью. В тот год
Все лето шли дожди и необычно рано
Настали холода. Давно на атамана
Роптал отряд: «Куда он нас ведет?
Распутица! Ночуем в балаганах.
Проснешься утром — на одежде лед!»

Аба-Тура была уже близка,
Но выпал снег и проводник отряда
Запугался и целый день искал
Тропу в тайге.

«Тропинка где-то рядом, —
Метался он, — а выйти не могу!»
Уже впотьмах наткнулись на протоку.
Здесь, в тальниках, на топком берегу
Зажгли костры.

«Трешит, а мало проку.
Не согревает. Гниль, сырой плавник», —
сказал стрелец.
«Что, занемог, старик?»

«Совсем ослаб. — Придвинься ближе, отче.
Одень зипун, ложись спиной к костру».
«Давно, сынок, не засыпаю ночью,
Бояться стал, что лягу и умру.

И не увижу солнышка и неба
В последний раз. Припомнить не могу
Такой беды! Девятый день без хлеба.
Есть просфора, да к смерти берегу.

Берець яе долго. Спину всю согнуло.
У Ермака обычай был не тот:
Пока пути не сыщут ертаулы —*)
С дружиной он не выходил вперед.

Жалел людей. Был случай на Тагиле:
На перекат завел нас ертаул.
Пока мы струги с переката сбили —
Один казак в Тагиле утонул.

Крестили воду. Поднял поп хоругви —
Не помогло. Не отошел казак.
А ертаулу мы связали руки
И — на Тагил. Так приказал Ермак.

(Казнить водой, обычай этот с Дона
Заведен был в дружине Ермака).
Столкнули в воду. День стоял студеный
(На берегу мы мерзли в армяках).

Был дюж казак, а холодом сломило.
Пощады просит, слезы полились.
«Вылазь, — сказал Ермак, —
И вдругорядь Тагила
Не забывай! Сгубил чужую жизнь, —

За этот грех ответишь перед богом,
А перед войском смыта вся вина.
Обсушишься, пошлю искать дорогу.
Сейчас иди, и выпей ковш вина!»

Вот так всегда. Накажет, пожалеет.
С таким пойдешь за тридцать земель.

«Возьми зипун. Не станет мне теплее,
Не греет крови!»

«Нашел сухую ель,
Обрубим ветки и в костер подбросим.
И хворост есть!» «Давай его сюда!»

Взметнулось пламя. На широком плесе
Идет шуга. За узкой кромкой льда —
Тяжелая и черная, как уголь,
Ночная тьма.

«Взгляни, — сказал с испугом
Кривой стрелец, — как Томь здесь широка,
Намучаемся завтра с переправой, —
Здесь глубина, не перебраться вброд»,
«Плоты построим»...

«Перекат направо.
Чуть прозевай — и в шепки разобьет!»
«Не зимовать же. Как-нибудь проскочим!
Авось, и солнце выглянет с утра.
Могу, конечно, ошибиться ночью,
Но был я здесь. Приметная гора.

Нам нужно было пробираться прямо,
А мы пошли гулять по берегам.
(На лбу стрельца — два поперечных шрама,
А в правом ухе — медная серьга).

*) ертаул — проводник.

В Монголию, послом к царю Алтыну
Я проходил в позапрошедший год.
И лучники князька Карагулины
Меня поймали. Взяли весь живот:
И самопал с лядунками, и новый
Зипун лазоревый. Совсем остался гол.
Питался клюквой и корой сосновой.
Не знаю, как в острог Томской дошел.

В долгу теперь. Сошел, братья, я с круга,
Закабалил жену, детишек, дом.
В прошедшем годе за свою заслугу
Бил пред царем всея Руси челом.

Жду грамоты!

Коту писали мыши:

«Великий князь, помилуй, серых, нас! —
Сказал старик, — дьяки тебе отпишут:
«Холопу Ваське дать алтын на квас».

Царю — ясак; боярину — кормление,
Три гривны в год и смерть для казака.
Иду всю жизнь. Уже дрожат колени,
А гол, как кол. Припомнишь Ермака!

С чего с ним начал, тем бы и покончить:
Топить бояр на Волге, в Жигулях.
А вот воюю с кузнецами нонче.
Кузнец — не тать, не швед он и не лях.

Загадку знаю: «В каменной палате

Сидят сто шуб собольих, сго шемяк,

Сто кривд сидят...»

Мы им поболее платим,

Чем кузнецы! Вся наша жизнь — ясак!»

«Умен старик, — стрелец заметил хмуро, —

Неделю думай, а не скажешь так!

Кузнец ясачит соболойной шкурой,

У нас — своя уходит на ясак».

«Дешевле шкура наша, чем соболья!»

Острог построим, а пройдет зима —

Изладим сохи и распашем поле.

Хороший хлеб на здешних черноземах

Родиться будет! Травы здесь по плечи.

Зверье кишит, и рыба, как в котле.

А с кузнецами воевать нам неча!

Привыкнул к нам, — потянутся к земле.

Начто сейчас я голодом заморен,

А берегу! (Курчавый богатырь

Полез в кошель и вытащил горсть зерен)

«Все потерял, а хлеб принес в Сибирь!»

«Неплохо ты рассказываешь, парень, —

Вздыхнул старик, — пшеничка да соха...

А кто же будет собирать меха?

И рад бы в рай, да тянет в ад боярин!

Пойду за правдою, покуда носят ноги!
«Чудной, кудряш, ты! Сохи да поля!
Не век же будем пропадать в остроге!
Была бы рухлядь: лисы, соболя, —
Сказал кривой, — разбогатею разом,
Уйду отсюда и вернусь в Торжок».

«А как ты стал, разумник, одноглазым?» —
Спросил старик.

— Мальчишкой был, обжог.

— Врешь! Выжгли глаз! За службу у поляков».

— Смотри, старик, простишься с головой!

— Я Строганова встретил за Сылвой.

Он — на коне, а впереди — собака

И тоже, помню, пес-то был.. кривой!

— Смотри, старик!

— Смотрю и вижу ножик.

Пугаешь что ли? Спрячь-ка, пустобрех!

Сдается мне, что люди, как горох:

Стручек один, а зернышки не схожи!

Сто зерен круглых, а одно коссе.

Тот правдой жив, а этот жив — лисою.

Тот голодает, этот ест за трех,

В парче, в сафьяне и живот — амбаром.

По всей земле рассыпался горох,

Не подобрать теперь его боярам!

Эх, ты, кривой! Не испугал твой нож!

Мне все равно шагать уже нелогю.

Обидно мне, что ты и впрямь уйдешь

На родину... опять увидишь Волгу.

Тебе от Волги не великий прок,

Как филину от солнышка! А мне бы

Пора усесться в хате на порог

И кости греть... Давно я в хате не был!

Давным-давно... Годочков пятьдесят...

А вижу все, как будто на ладони...

Деревня. Речка. Яблоневый сад.

И на лугу — стреноженные кони.

Над лопухами вьется мотылек.

А солнце жжет. Приляг — возьмет истома...

Сейчас бы я на солнышке прилег,

Погрелся бы...

Но... далеко до дому.

Не перечать исхоженных дорог,

Не сосчитать завалы и пороги...

Иду, иду. Как будто дал зарок

Весь век пробыть в неведомой дороге.

Кто посылал? Кто в эту темь позвал?

Не разберу — Иртыш ли это, Томь ли...

Смешалось все,

но об одном я помню!

Об этом я всю жизнь не забывал!

С боярином ловил я рыбу сетью
И упустил нечаянно лня.
На берегу тройной, соленой плетью
Боярин сам наказывал меня.

Бьет по спине и требует: «Винися!»
Молчу. Терплю. Он бьет еще сильнее.
— Упорствуешь? А ну-ка, повернися, —
Хрипит боярин.
Вижу — гибель мне.

Вскочил — и в лес.
Убег, лежу и плачу.
Домой нельзя. Жаль матку и отца.
Ушел на Волгу... С той поры — казачу...
И проказачу, видно, до конца.

Один остался изо всей ватажки,
К которой я у Жигулей пристал,
Мне одному (за грех какой-то тяжкий,
Не знаю сам), — не сделали креста...

И все иду. Через леса и горы.
Чуть задремлю — Ермак живой встает:
— Иди, казак! Дойдешь еще не скоро...
А должен ты, старик, идти вперед!

Иди, Степане! — Путь твой не исхожен,
А только начат...

Чаще прочих снов,
Я вижу то, что снова стал моложе,
И мне опять боярин Хрипунов
Грозится плетью
(Страшный, как упырь).

К чему бы это?
Неспроста же снится!
Я правду вижу!
И в тебе, Сибирь,
Нельзя народу от бояр укрыться.

Народ вперед, боярин, как сума,
Бисит на нем, никак его не сбросишь!
...Снежок идет, братья мои, зима!
А там, на Волге, —
только-только осени!»

Холодный ветер залетал в костер
И серый пепел поднял над углями.
Казак увидел Днепр, степной простор.
Другой — на Волге, между Жигулями,
Услышал свист ушкуйный и застыл.
Напрягся весь, опять готов к набегу.

...Не хмурые, осенние кусты,
Летят из тьмы сырые хлопья снега.

*(Продолжение поэмы в следующем
номере).*

г. Сталинск.
1948 г.

А. ДАНИЛКО.

ТВОРЦЫ КУЗНЕЦКОГО МЕТАЛЛА

И там, где вздымаются домны, похожие на башни невиданной крепости, где ни на секунду не стихает шум, как будто гигантский водопад низвергается в пропасть; и там, где перед огненными глазами мартенов снуют поезда и завалочные машины, а над головами проплывают огромные чаши ковшей; и там, где молочного цвета слитки выхватываются из колодцев стальных лапами кранов и, как живые, бегут под обжимной вал блюминга, — всюду бьются сердца кузнеческих металлургов, люди говорят, думают, заботятся об одном разном, неисчислимыми дорогами идут к единой цели приблизить завтрашний день, сделать будущее настоящим, достигнуть того, чего еще не знали металлурги ни одного завода.

1. ПОБЕДА ПРИДЕТ

К подножью домен подходят поезда и вагонами, как щедрыми пригоршнями, высыпают в бункера добро далеких рудников и полыхающих коксовых печей.

Приготовленная с аптекарской точностью пища для домен — шихта — поднимается по наклонному мосту на головокружильную высоту к колошникам и попадает в печь, чтобы в определенный час золотым ручьем чугуна побежать в ковни.

Но внешняя безыскусственная простота рождения металла немислима без умелых, знающих свое дело доменщиков.

Среди тысяч людей, собирающихся к заводу со всех концов Сталинска, как будто ничем не выделяется обык-

новенная фигура Андрея Матвеевича. Но вот он у печи, в обстановке, с которой сроднился за двенадцать лет, как пахарь с колхозным полем. Тут характерная для горнового неторопливость сменяется сосредоточенной стремительностью.

Старший горновой скупно определяет свои обязанности:

— Выдавать шлак и чугун строго по графику.

У него пятеро подручных. Они привыкли понимать Андрея Матвеевича с полуслова и не нуждаются в особых напоминаниях. Пока он принимает смену, осматривает чугунную и шлаковую лётку, проверяет глину, песок, бурмашину и пушку, подручные заняты каждый своим делом. Придет время заделывать канаву, по которой из лётки потечет к ковшам чугун, материалы будут готовы. О них подручные позаботятся во время.

На выдачу чугуна отводится час. Но кто же из доменщиков не знает, как важно выдать его побыстрее.

Все знают. Да только не каждому это удастся.

Андрей Матвеевич не зря много лет провел у горна. Он по купинке собирал опыт, прислушивался к советам начальников смен и мастеров, зорко присматривался к себе и к своим помощникам — постиг то, что выделяет его из всех горновых.

— До самой корки чугуна мы пробуриваем отверстие в лётке, — рассказывает он — раздвигаем его пошире, и чугун успевает выйти не за час, а за полчаса.

Выгода тройная: сберегается дорогой газ, лётка выгорает меньше, че-

рез широкое отверстие подаем много свежей глины. Значит, и на следующий раз летка будет хорошая, крепкая.

Это уже не просто горновой, а горновой-мастер.

Спадает поток чугуна. Из огненного родника вырываются пламя и клубы дыма. Кончился металл. Ни минуты промедления! Как артиллеристы во время фланговой атаки танков, старший горновой поворачивает пушку прямо в самое пекло. Грохочет взрыв. Вылетает и, рассыпаясь, гаснет звездный дождь. Летка закрыта.

Спросите у горнового Тюфякова, что с лопатой в руках помогает своим подручным скорее разломать старую канаву и приготовить новую; зайдите к газовщику, заглядывающему сквозь стекла многочисленных приборов; разыщите мастера или сменного инженера, побывайте у начальника цеха, у парторга; вспомните, о чем говорили рабочие на собраниях, когда каждая смена взялась выдать тысячи тонн чугуна сверх плана; загляните, наконец, в контору, где плановик в итоговой графе за прошедшие сутки не без удовольствия ставит цифру 104,5 — везде люди уверены в одном: недостатки прошлого года не повторятся.

Режим печей, над которыми столько бессонных ночей и тревожных дней билась доменщики, найден. Разбег в новом году стремителен. Печи идут ровно, победа будет завоевана.

2. МАЛО СЕГОДНЯШНЕГО

Над землей, усеянной электрическими огнями, вздымаются к небу стройные трубы мартенов. Временами над трубами расцветает разноцветное пламя.

— Красиво! — невольно произносите вы.

— Да, красиво, — соглашается ваш спутник. — Но только ничего хорошего в этом нет. Просто сталевар подал в печь смолы больше, чем нужно, и пары ее догорают над трубой. С такой красотой в нашем деле и до беды недалеко. Мы пользуемся смолой, чтобы поднять температуру в печи и скорее сварить сталь. А тердашь смолы — подгорит свод, сократится срок жизни печи.

Спутник взглянул на трубы и до бавил:

— Но в умелых руках мартены не скоро состарятся. Будете в первом цехе, поглядите, как работают сталевары Мерзляков или Дьяконов.

...Там, где полощется зарево печей, где рокочут мостовые краны и звонко щелкают загрузочные машины, люди не любят говорить. Им некогда.

— Как работаю? — Сергей Николаевич секунду смотрит на нас и опять поворачивается лицом к печи. — Во всяком случае хочется работать лучше.

Еще задолго до войны он пришел к мартену. Был подручным, закончил курсы мастеров, стал сталеваром. Грянула война.

А после четырех фронтовых лет Дьяконов вернулся в Сталинск, стал у печей.

— Варить сталь — большое, по-настоящему человеческое дело, — говорит Дьяконов.

Он одним из первых пообещал сварить за пятилетку семь тысяч тонн стали сверх плана. И если, говорит, работаю неважно, то не потому, что глаза его перестали быть зоркими, не потому, что терпит неудачи и отстал от друзей.

Нет, потому что он знает печь лучше других. Его мартен пережил свой срок без ремонта на сорок три плавки. За два года сталевар записал на свой личный счет четыре тысячи тонн стали сверх плана.

Но этого ему мало.

Такого же мнения о своей работе и сталевар Мерзляков, равный Дьякову по умению беречь минуты. О том же беспокоится и знаменитый Михаил Моисеевич Привалов, в печах которого сварены десятки скоростных плавок. Того же хсят Косолапов, Дроздов, Серков — все кузнечные сталевары.

— Сохранить печь дольше, варить сталь быстрее...

Высокий слегка сутулый Алексей Алексеевич Сахаров, начальник первого мартеновского цеха, взволнованно шагает по кабинету и снова садится за стол.

— Печи на американских заводах дают меньше стали, чем наши, кузнечные, — говорит он, — но предел нами еще не достигнут. С нашими людьми, с нашей техникой можно на

два года обогнать время. Мы достигли того, что запланировано на конец пятилетки.

3. РОСТ

— Вы просите открыть тайну наших удач? — мастер удивленно вскинул густые брови, и в его глазах вспыхнул еле заметный огонек, а в уголках губ так и осталась, не успев родиться, улыбка.

— Хорошо, я вам открою эту тайну. Но только при одном условии. Прежде, чем узнать нашу тайну, вам придется выслушать небольшой рассказ.

★ ★ ★

Однажды к нам прибыли новые рабочие. Видите, цех наш, как добрая городская площадь. В нем поезда свободно размещаются. И машины — городским домам подстать. Я пошел на встречу двум новичкам. Они держались подальше от печей, жмурились от непривычного, ослепляющего огня мартенов, вздрагивали от грохота кранов и завалочных машин.

— Откуда? — спрашиваю.

— Из Барзасского района.

— Таежники?

— Да.

Я взглянул на них и вспомнил тайгу. Бывал там в молодости на охоте. Среди наших мартеновцев обыкновенных, среднего роста людей, новички выделялись, как кедр в лесу. Высокие, широкоплечие, могучие.

Они оказались братьями. Старшего звали Федором, младшего Михаилом. На мои вопросы отвечали медленно, степенно и с явной неохотой. Видно было — не любители разговоров.

Федор тут же обратился ко мне:

— А что работать-то?

Новичков устроили катаями. Дело немудреное, но слабому не по плечу. С лопатой в руках заправлять пороги печи, готовить раскислители.

Все шло, как обычно. Но к городской жизни, к заводу таежники никак не могли привыкнуть. Поговаривали, что через месяц — другой непременно уедут домой, в колхоз, на пасеку.

— Переведите ко мне Михаила. — уговорил начальника цеха сталевар Мерзляков.

За младшим братом попросился и старший. Они всегда вместе и друг без друга не могут жить.

С той поры сталевар не отходил от новичков. Михаила поставил первым подручным. Федора — вторым. Как только удавалось найти свободную минуту, он шел к своим друзьям. Рассказывал им, что нужно делать, показывал, как ухаживать за сталевыпускным отверстием, за инструментом, как следить за чистотой печи и готовиться к выдаче плавки.

— Кто же тебя научил всему этому? — удивлялись братья.

— Завод, товарищи.

У сталевара было что рассказать своим подручным. Пятнадцать лет назад он был таким, как и они новичком.

— И не надоело? — братья, казалось, глядели в самую душу.

Но сталевар давно уже заметил в них большие перемены. Завод им определенно нравится. Колхозного трудолюбия у братьев на век хватит. Они не понимают жизни без дела. Молчаливые, сосредоточенные братья по выходным дням не находят себе места и ждут, когда же можно будет вернуться в цех, к печам. Сталевар чувствовал, как все больше они овладевали его споровкой, его умением управлять печами.

Но Мерзлякову трудно угодить. В совершенстве познав свое дело, он видит, что можно заставить печь варить сталь быстрее, и всегда торопит своих помощников. Скорее заправлять печь, держать ее в чистоте, во-время открыть и закрыть сталевыпускное отверстие... Да мало ли дел около мартена! Братья поторапливались. И никогда сталевар не улавливал недовольства в их взглядах.

Он совсем растерялся, когда Федор и Михаил приехали к нему домой в Старо-Кузнецк и предложили помочь посадить огород.

— Что вы? Я и сам справлюсь. На то вам и дается выходной день, чтобы отдохнуть.

Но друзья не согласились уехать. Научили сталевара проразивать картофель задолго до посадки, потом помогали окучивать. Сталевар не знал, как их благодарить, когда собрал осенью такой урожай, какого и мать в деревне не видала. А узнав, что у сталевара есть корова, братья уговорили его обязательно взять их с собой на сенокос.

Сталевар и не заметил, когда это произошло. Кажется, совсем недавно ему приходилось чуть ли не за руку водить новичков у печи и показывать работу. А теперь он только собирается сказать им, что надо бы успеть пораньше подготовиться к завалке печи или к выдаче плавки, как братья уже все сделали. Лучше Михаила и Федора едва ли найдутся подручные в мартеновском цехе.

Михаил давно уже не вспоминает о возвращении домой. Подписал с директором комбината договор, решил остаться на заводе еще на три года. Скоро он получит большую квартиру в новом доме, корову. Так полагается по договору. Послал письмо в деревню жене, чтобы приехала к нему.

Но старший брат все еще мечтает о своих пчелках. Он живет вместе с Михаилом, и младший прислушивается к его словам, хотя самому ему ясно — никуда он не согласится уйти от печей, ни на каких пчелок не променяет мартена.

И вот теперь, когда сталевар, задержавшись допоздна в цехе, зашел к братьям переночевать и услышал от Федора вопрос — «не надоело ли?» — понял: сегодня, сейчас решится все — и насчет пчелок, и насчет мартена. Сталевар спокойно посмотрел в глаза братьям:

— Твои, Федор, односельчане пахнут тракторами землю, убирают комбайнами хлеб. А комбайны и тракторы сделаны из стали, такой же, как мы с тобой варим. Справились бы мы с Гитлером, не будь нашей стали? Остались бы тогда твои пчелки? Сколько городов и сел пожег немец? Без нашей стали ничто бы их не воспекрило.

Чтобы добраться отсюда до твоей таяжной деревеньки, недели две три нужно было трястись на лошадях. А теперь — садись утром в поезд и завтра будешь дома. Железная дорога, вагоны, паровоз — тоже ведь из нашей стали...

Федор молчал. Ему нечего было возразить сталевару.

— Потому, — говорю вам чисто-сердечно, — проработал я у мартена пятнадцать лет и еще два раза по столько рад буду послужить им честно.

Друзья проговорили почти до рассвета. Сталевар вспоминал горячие

дни, когда на месте болот выросли Сталинск и завод, рассказывал о новой пятилетке, которую обязательно выполнит в три года, о своей семье, обо всем, что хочется рассказать друзьям.

А утром, собираясь на работу, сталевар увидел, как братья накрывают стол для завтрака. На нем уже стоял графин с пивом, за которым Михаил ездил чуть ли не на другой конец города. Сталевар понял: ночью случилось то, чего он давно хотел. Будут братья сталеварами. Непременно. И научит их варить сталь не кто-нибудь, а он.

Мастер закончил свой рассказ и посмотрел на собеседника.

Вот вам и вся тайна постоянных наших удач. Растут у нас новые люди. Они хозяева своего завода и заботятся о нем, как о своем собственном доме. Труд для таких людей — источник счастья. Потому-то они так любят свое дело, свою Родину, свои мартены.

4. В ЗАРЕВЕ ПЕЧЕЙ

— Минутку! — кричит Михаил Моисеевич и спешит к печам. Беседовать в цехе трудно, голос растворяется в гуле и грохоте печей и машин.

Здесь немногочисленно. То вблизи, то поодаль пройдет сталевар, возьмется за лопату подручный, появится у печи мастер и поднимет к глазам синие очки в черной оправе.

Немногочисленно, зато всюду машины.

За спиной раздается паровозный гудок, и вы ищете место, куда бы отступить. Поезд, нагруженный железным ломом, вползает в цех и останавливается перед печами. Внезапно слева возникает сигнальный перезвон. Занимая чуть ли не всю ширину цеха, движется завалочная машина. Над головой, грохоча, проползает кран с огромным ковшом жидкого чугуна в цепких стальных руках. Сигналит внезапно появившийся юркий трактор.

Все сливается в единый, ни на мгновение не утихающий, гул. У каждой машины свой голос.

В кабине пульта управления шум цеха отдаленнее, и слова Михаила

Моисеевича Привалова звучат громче, отчетливее.

— Раньше на загрузку печи травили полтора часа не больше. А теперь?..

Он бросает быстрый взгляд на сталевара, и тот уходит от пульта управления. Через минуту сталевар с лопатой в руках помогает своим подручным заправлять пороги огнедышащей печи.

— А тут еще дни такие, будто на солнце нас переселили.

Михаил Моисеевич напрасно старается вытереть мокрое лицо. Капли пота, сливаясь в ручейки, текут к бровям, по вискам, устремляются к подбородку.

Солнечные лучи пересекают цех золотой светящейся завесой, нагревают металлические переплеты, камень стен, железо пола. Полыхающие печи делают воздух сухим, горячим, как кипятки.

Разговор зашел о скоростных плавках.

— Сами виноваты, что погасили хорошее дело, — признается мастер.

По тому, как он говорит, как зорко следит за своими печами, отдавая короткие распоряжения сталеварам и подручным, всюду и за всем успевает доглядеть: сделать по-своему, на совесть так, как надо, — в нем чувствуется неумная сила командира, точное чутье настоящего мастера, большое сердце человека, для которого жизнь мартемов стала его собственной жизнью.

Привалов недоволен тремя скоростными плавками, сваренными им в конце месяца. Можно сделать больше.

Но не ему одному открыты тайны скоростного сталеварения, не он один знает, как важно выбрать самый подходящий момент для заливки жидкого чугуна, для заправки раскислителей и для многого другого.

...Гудят неистово моторы. Стальные лапы крана, словно руки великана, опускаются с потолка, берут под бока огромный жаркий ковш с чугуном и легко несут к печи. По воле крановщика сверху приблизилась третья рука. Она подхватила ковш за донышко и начала медленно приподнимать его. Ковш наклонился. Огненный на сотую долю секунды по-

вис над раскрытой печью и ринулся в нее раскаленное добела нутро.

Мастеру не до разговоров. Руки — на рычагах. Взгляд — на печь, на ковш, на крановщика.

Тонкие огненные струйки срываются с закраин ковши, падают на пол и, разбиваясь на тысячи мельчайших капелек, взлетают фонтаном слепящих звезд.

— Полегче! — кричит сталевар крановщику.

Гаснет звездный фейерверк.

Едва заметный поворот рычага — и только что залитая чугуном печь выбрасывает кудлатые пламя. Мгновение оно беснуется в окнах и утихает.

О чем думает сейчас Михаил Моисеевич? На загорелом лице его пляшут отблески огня, проникают в самую глубину немигающих глаз.

Может быть, о том, что опять задерживается заправка порогов, улетают неудержимые минуты, напрасно излучается тепло?

— Скорее! Скорее, к порогам!...

А Виктор Иванович Шевков сберегает время на доводке плавки.

— Всем стараниям венец — доводка, — говорит он. — Заливаешь чугуном печь — гляди в оба. Прибавишь газку — не поможет, убавишь — потом будешь жалеть. Ни малейшего рывка не позволяй себе. Знаю: хочется побыстрее сварить, кажется, газ пособит. А нет. Золотое дело — ровная работа и горячий металл. Тогда и на доводке время выиграешь, и скоростная плавка — вот она.

У Виктора Ивановича, по его словам, дела в этом месяце не ахти какие. Триста с лишним тонн стали сверх плана. Маловато, потому что он чувствует свою силу, знает — его печь в состоянии дать больше, лишь бы вовремя были под рукою шихта и чугун.

— Трудно? А если бы легко, то и разговаривать не о чем. В том и часть — через трудности шагнуть к победе. Не так было.

Первые ростки невиданной победы есть. Они крепнут. Жизнь печей без обновления или, как говорят марте-

новцы, стойкость, продолжительность кампании переросла двести плавок. Это — выше, много выше прежних расчетов и планов.

5. МАСТЕРСТВО

Еще раз взглянув на пылающие глаза маргеновской печи, Деомид Васильевич смахивает рукой пот с лица.

— Рассказывать-то особенно нечего. Живу, как и все.

Цех доотказа наполнен грохотом машин, и говорить здесь приходится во весь голос. Впереди — на полу, на стенах пляшут отблески пламени, бушующего в печах, где белая сталь вскипает, как молоко. А за спиной — круги и стрелки приборов, разноцветные лампочки. Здесь пульт управления — мозг печи. Здесь отмечается каждое ее дыхание. У широкого окна, обращенного в сторону печи, всегда под рукой — рычаги. С их помощью сталевар по своему желанию направляет жизнь маргена. Не выходя из кабины, поднимает поочередно то одну, то другую, тяжелые заслонки печи, и тогда открывается квадратное огнедышащее окно. Прибавляет газу, и багровое пламя рыжими языками врывается в цех.

К приборам Деомид Васильевич обращается лишь изредка, чтобы лишний раз убедиться — так ли все идет, как надо. Но и без приборов он знает свое дело с начала до конца, как дорогу из дома до завода. Поднимает его среди ночи с постели, приведи в цех, дай заглянуть в глаза печи, и он скажет, готова ли плавка или ее необходимо еще поддержать часок — другой.

Среди кузнечных мастеров сталеварения много умелых и старательных людей. А кто из них взялся выплавить в три года столько стали сверх плана, сколько требуется за пятилетку? — Деомид Васильевич Мерзляков.

И не сколько-нибудь, а семь с половиной тысяч тонн. И не только обещал, а уже выплавил больше пяти тысяч.

Рассказывая о своей работе, он почти после каждого слова бросает зоркий взгляд в сторону печи. У него и его помощников — подручных все до последней минуты на учете.

— Мало уметь чувствовать мину-

ты, считать их, — говорит он. — Надо подчинить себе время, использовать его с большей выгодой.

Еще белая сталь, как стеклянный ручей, струится в ковш, а Деомид Васильевич уже хлопчет с заправкой:

— Заднюю стенку печи заправлять сейчас в самый раз. Поживей, друзья! Заколыхалась в огромной чаше ковша остывающая сталь, покрываясь взбухающей коркой, выпущен шлак — подавай в печь камень и руду.

Длинный стержень завалочной машины — шток, сопровождаемый гулом электрических моторов, поддевает за карман мутьду и с разбега посылает ее в огненную пасть маргенов.

Деомид Васильевич со своими друзьями все успевает делать. Около его печи нет сутолоки, не стоят без дела машины. И если оз позвал краповищика, то ковш уже висит над пастью печи — накренил его и пусть льется в огненную ванну белая струя жидкого металла.

Сберег время на заправке печи, точно рассчитал и поторопился сделать завалку, ускорил прогрев шихты, сократил период плавления — и гляди, сталь готова на час с лишним раньше. Записывай еще одну скоростную плавку.

— Без предельных температур тут не обойтись. Это называют риском. По-моему, не риск, а настоящая работа. Нужно, скажем, подкрасить факел пламени, сделать его белым, подаешь в печь смолу. Температура поднимается, сразу. Гляди в оба! Упустишь момент, прозеваешь золотую серединку — перегреется свод печи. Знай, чувствуй глазом, сердцем, сколько надо смолы, газу — и беды никогда не будет, — так отрывисто объясняет свое умение варить сталь Деомид Васильевич.

Издадала начал свой путь к трудовым подвигам сталевар Мерзляков.

Когда в Смирновку прилетели первые вести о Кузнечестрое, вместе с дружкой Шурой еще сидели за одной партой в пятом классе. Старшие братья ушли на стройку. Помогал отцу пахать, боронить.

Однажды в августовский вечер в избу кубарем вкатился Шура и крикнул с порога:

— Едем в Щегловск, учиться в химическом техникуме...

Директор техникума измерил друзей взглядом с ног до головы.

— А метрики?

Посмотрел в бумажки:

— Юферова возьмем, а Мерзлякова нет. Мал. Подрости немножко и приезжай.

— Три года за одной партой, и вдруг Шура остается в городе, а мне обратно в поселок. Горше обиды не выдумать!

Но домой так и не вернулся. Фабрично-заводское училище Кузнецкого завода впервые открыло свои двери для будущих сталеваров. Упросил, принял.

Два года спустя в мартеновском цехе уже замечали надоедливого парня: первый подручный, а все ему покажи. Пристанет, не отвяжешься, пока на все вопросы не ответишь.

— Из такого выйдет сталевар! — заступился как-то за парня Василий Карпович Бедашук, и взял его к себе в ученики.

Теперь Бедашук — знаменитый мастер кузнечных мартенов. И сталевар Мерзляков нынче — ему подстать.

— Никогда его не забуду, — говорит Диомид Васильевич. — Он — как отец, шаг за шагом учил меня жить и работать. Ничего не тайл от меня. Бывало возьмется рассказывать — заслушаешься. До тех пор разъясняет, пока не поймешь, а потом еще заставит сделать так, как сам показывал. А главное — на всю жизнь влюбил меня в мартен.

Когда после действительной службы Мерзляков вернулся с Дальнего Востока, в военкомате спросили:

— Куда пойдешь?

— К мартенам, конечно. Нет для меня на свете лучше места. Нынче все на металле держится.

С тех пор десять лет беспрерывно варит сталь Деомид Васильевич Мерзляков.

6. ДОРОГИ БУДУЩЕГО

И там, где засыпаны воронки от бомб и снарядов, сглажены шрамы войны на земле; и там, где еще недавно только суховеи летели над безбрежным степей, а теперь тракторы поднимают жирные дымы

чернозема; и там, где лишь к полудню солнце заглядывает сквозь туман в пади и долины — всюду ложатся на шпалы стальные рельсы железных дорог. Наклонись к рельсам, прочти имя завода и ты узнаешь: они сделаны кузнечными прокатчиками.

...Прежде, чем отправиться на стан, слитки стали, как пчелы в соты, опускаются в раскаленные ячейки нагревательных колодцев. Василий Пантелевич Волошин, мастер по нагреву, проходит от одного сварщика к другому. Отсюда, как с капитанского мостика, ему видно все: во время ли посажены слитки, достаточно ли нагреты, не ждет ли их блуминг.

Мастер совсем еще молод. Недавно он сам был сварщиком, познал до мелочей тайны нагревательных колодцев, научился беречь газ, нагревать металл до определенных температур. Теперь лучше его нет мастера на блуминге. От колодцев Василия Пантелевича начинается размеренный до секунд ритм прокатных цехов.

Опущенный на трансферкар, свежий слиток следует до стана, затем, подхваченный вращающимися валами, теряя красные лепестки окислы, движется к обжимному стану.

Управляет станом Петр Васильевич Заворыкин. Его руки все время на рычагах, а глаза устремлены на большой круг, по которому мечутся стрелки. Они отмечают каждое дыхание стана. Вальцовщик чувствует доли секунды. Гигантский обжимной вал давит на слиток. Еще и еще, — пока слиток не становится длинной темноокрасной полосой.

Ни одна тонна Кузнецкого металла не проходит мимо блуминга. Поэтому так скоры и точны на рычагах руки Петра Васильевича. Больше его ни один вальцовщик не прокатывал. А у Заворыкина достойные соперники на стане: Сомов, Меркулов и новые молодые вальцовщики.

Прокатчикам есть чем гордиться. Они перешагнули предел: заставили блуминг давать металла больше, чем он мог — по расчетам. Такой точности и быстроты нет ни на одном стане мира.

Прокатчики глядят в будущее, стремясь своей работой приблизить его.

В ГОРОДЕ ВЕСЕННЕМ

И встают, воздвигаются здания.
Плотно сложен кирпич к кирпичу.
Город мой, нам любое задание
И любые дела по плечу.

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ

Включай мостор
 Степного корабля,
 Буди в полях предутренние зори,
 Пусть щедрая сибирская земля
 Бурлит ручьями драгоценных зерен.
 Тебе, хозяин молодой страны,
 Несметные богатства вручены.

РОДНОЙ ГОРОД

Зов гудков, дыхание заводов,
Шум трамваев, паровозный свист,
Кудри дыма вьются к небосводу.
Гул машин над городом повис.
Я люблю тебя любовью сына,
Что в боях проверена не раз.
Здравствуй, город, здравствуй,
мой любимый,
Юный расцветающий Кузбасс!

СИБИРЯКУ

И, возвратясь в родимые края;
Ты вновь идешь хозяином по жизни,
Стремясь к тому, чтобы Сибирь твоя
Была прекрасным уголком Отчизны.

Г. УМНОВ.

РОДНАЯ СТОРОНА!

Всегда скучаю о тебе,
Моя родная сторона,
Ты даже в боевом огне
Была, как солнце мне видна!

Я шел и видел издали,
Как вербы спали над рекой,

Как шли на поле косари,
Как птицы пели над тобой.

Заря вечерняя спала,
Дремали тополя во тьме.
Ты ароматами плыла,
Ты счастьем шла навстречу мне.

П. МОРЯКОВ.

АХПУН

Ахпун — конец. Таким вот словом
Назвал поселок старожил.
У скал, отвесных и суровых,
И впрямь конец планете был.
Запретной грани нет в помине.
Мы распахнули небосклон.

Взвилась легко дорога ныне
На покоренный горный склон.

Ее мы дальше двинем в гуле
Через хребты, через туман.
Недаром мы перешагнули
Через Карпаты и Хинган.

Природа ценные дары
Нам на ладони не протянет.
Они за гребнем той горы,
Где бурелом да голый камень.

Но след туда уже пролег.
А ведь у нас обычай строгий:
Где на тропинку есть намек —
Там непременно быть дороге.

Г. МОЛОСТНОВ.

ПАРТИЗАНСКАЯ ДОРОГА

Тишина.
Только снега хруст...
То ли волк,
То ли куст?

Заметает поземка путь.
Хорошо бы прилечь,
Отдохнуть.

Без дорог —
Ни вперед,
Ни назад.
Где-то ходит
Чужой солдат.

Обжигает морозная звезда.
То ли волчьи глаза,
То ль огни деревень?

И по-волчьи
Шагает Фриц —
По походке узнаешь убийц.

И по-волчьи горят глаза.
Может быть повернуть назад?..

...Тишина.
Только снега хруст...
Приподнялся
И ожил куст.

Заметалась неясная тень,
Кто-то ствол положил на пенек
— Дзень!..

И опять тишина.
И горит мириадами звезд вышина,
И как будто она одна
Без границ и без дна —
Тишина...

...У заросшей бурьяном межи
Чужеземный
Солдат лежит.

А вокруг —
Голубы и свежи
Васильки у высокой ржи.

Солнце плавит
Июньскую медь,
И так хочется песню запеть,

И так хочется сесть на пенек,
И припомнить
Тот зимний день
И ружейное слово:
— Дзень!..

Ф. ЧИСПИЯКОВ.

МЕДВЕДЬ

Шел медведь в глуши таежной,
Сквозь туман вразвалку шел.
Поднял морду осторожно,
Носом в сторону повел...

По зеленым склонам лога
Пни валил да травы мял.
Перешел через дорогу —
Только странную немного, —
Подвиглся, рывкнул строго,
На яру высоком всгал.

Оглянулся, как хозяин:
«Все вокруг дороги знаю!
Птицы, рыбы и зверье,
Лес и горы —
Все мое!»

Вдруг ответил рёв могучий,
Изал туманы под откос:

В дыме, в грохоте над кручей
Показался паровоз.

На дыбы медведь поднялся,
Тоже громко зарычал.
Вдруг смутился, испугался
И с обрыва вниз упал!

Вслед за ним земля гремела
И река внизу кипела.

Натерпелся бедный страху —
Где ж раздумывать теперь? —
Прыгнул в Кондому с размаху.
С ней давно сдружился зверь.
Он поплыл в реке глубокой,
Разозлясь на целый свет,
А насмешница-сорока
Стрекотала громко в след.
Перевела с шорского Е. Стюарт.

Иван ЕРОШИН

СТИХИ О СИБИРИ

Гремит ли грозный океан
Поет метель, ревет ли буря,
Клубится ль на горах туман,
Иль тучи хмурятся в лазури —

В душе моей встает Сибирь,
Ее леса под синью нежной,
Ее степей безбрежных ширь
И север с тундрой белоспешной.

В дымках Курильская гряда,
И вы — твердыни Порт-Артура —
Печаль... и радости звезда.
И волны щедрого Амура.

Прозрачный, голубой Байкал,
В броне серебряной Саяны,
Где спит седой буранный шквал
И туч кочуют караваны.

Алтая мощные хребты,
Его долины, водопады,
Белухи царственной громады —
Нетленный образ красоты.

Иртыш — родимая река —
Широкий, ясный, величавый.
Курган священный Ермака —
Заря бессмертной русской славы...

Стальная Обь, ее простор,
И Енисей с угрюмой силой
Глаза синеющих озер,
Метелей танец белокрылый.

Какой подобна ты стране?!
Тебя ль не назову любимой?
Как мать, как жизнь, мила ты мне,
Сибирь, мой край необозримый!

Степи, даль и горы,
Лес под синью нежной,
Синие озера,
Север белоснежный.

Горы в поднебесьи
Светятся алмазом.
Не вместить их в песню,
Не окинуть глазом.

Широко, лучисто
В голубом просторе.
Кулунды волнистой
Золотится море.

Степь ликует новью,
Ветер знойный, прятный.
По Оби, к низовью, —
Темные урманы.

Бронзовый, сосновый,
Взглянешь — сердцу любо,
Лес для стройки новой
Гонят лесорубы.

Ой, урманы—тучи,
Океан зеленый!
Край ты мой могучий,
Край мой обновленный.

Скоро у подножья,
Буйно выгнув спины,
Вздрыгнут ровной дрожью
Гулкие турбины.
Степи, даль и горы,
Лес под синью нежной,
Синие озера,
Север белоснежный.

В лесу шумит зеленый май,
Дымят росой поля.
Родная Томь, любимый край,
Кузнецкая земля.

Близка ты сердцу с давних пор,
Мне края нет милей.
Земля отцов, я — твой шахтер.
Я — сын твоих полей.

Укрылись горы синевой,
И облака легки.
Любимый край, мой край родной —
Заводы, рудники...

Ты — гордость Родины моей,
Ты — слава горняка...
Леса мои, простор полей,
Родная Томь-река.

В. АФАНАСЬЕВ.

В НОВОЙ КВАРТИРЕ

Еще не выветрился запах
Дверей покрашенных и пола,
И не позволила внезапность
Прибить ковры на стенах голых.

Тем, может быть, верней и легче
Осмыслить опыт или пробу.
И что ж!
Взволнован безупречной
Отделкой ванны, гардероба,

Утрами мне в большие окна
Глядит заря, играет в раме.
Я строг. И все-таки нелегкий
Квартирой выдержан экзамен.

Открою дверь —
Невольно сами
Встают навстречу, как в проектах,
Все муки творческих исканий
И сам за ними — архитектор.

Я верю:
Он со мною рядом
Живет во всем
И вечно дышит.
И мой восторг —
Ему награда
За отдых мой под этой крышей!

И. МЕЛИХ.

СТАЛЕВАР

Посвящается лучшему сталевару
Кузнецкого металлургического
комбината Диомиду Мерзлякову.

Смахнув с лица рукою пот,
А с потом — прочь усталость,
Ждет Мерзляков, когда пойдет,
Искрясь, река металла.

Мартена яркие лучи
Вдруг озарили дали...
Рванулся в жолоб из печи
Поток горячей стали,

И слышен рапорт трудовой:
— Прими, страна, подарок:
От металлурга твоего,
От сына-сталевара.

По городам моей земли,
По всей Отчизне милой
В машины, танки, корабли
Сталь входит грозной силой,

Она врезается в тайгу
Лучами рельс звенящих...
Она готова слать врагу
Снаряд, насмерть разящий.

Огнями залит город мой,
Завод огнями манит.

Стоят на вахте трудовой
Герои-кузнечане.

Не угасает на печак
Ни на минуту пламя
И в золотых его лучах
Горит победы знамя.

В. ЗУЛИН.

ПЕСНЯ О РОДНОМ КРАЕ

По родной сторонке
Льется песня звонко
От хребтов Алтая до седых морей
О творцах-героях,
Что заводы строят,
Урожай снимают с золотых полей.

Как в бою когда-то,
Мы в труде солдаты,
Вновь творим большие, славные дела,
Чтоб земля Кузбасса
С каждым днем и часом
Как и юность наша — крепла и цвела.

В. ГЕРАСИМОВ.

НА ПРИВАЛЕ

Привал. Сажусь с бойцами рядом —
Судьба моя и их одна,
Ведь вместе нас по горным падам
Ходить заставила война,

В минуты малого привала
Солдатский короток рассказ.
Я вижу в нем красу Урала
И с детства близкий мне Кузбасс.

И город свой, и зори плавок,
И Томь, и мост над синью вод
И с ними сказочною славой
В труде овеванный завод.

Так думы всех в поток единый
Слились, как бы ручьи в реке,
И образом страны родимой
Вдруг встали здесь на большаке.

Она повсюду с нами вместе
В труде, в сраженьях впереди.
Своим отечеством и честью
Живет боец и командир.

СТИХИ О КУЗНЕТЧИНЕ

...Шумела Томь под кронами черемух,
Набрав разбег в межгорных перегонах,
Когда ворвался в вековую дрему
Стук топоров и грузный скрип фургонов.

Врезались в землю первые лопаты.
К реке теснился караван болот...
Могучей пятилетнею атакой
На стройке шел за годом новый год.

Отцы работали тогда и дни и ночи
Для нас, еще зеленых пострелят.
И радость общая у нас была с рабочим
За новый цех, за школу, дом и сад.

Никто не смог пути нам перепутать
И вырвать счастье из могучих рук —
Пути нам озарили институты
Лучами света сталинских наук.

В. ПОПОВ.

ОТ КУЗНЕЦКОГО ОСТРОГА ДО СТАЛИНСКОГО КУЗБАССА

(Историко-экономический очерк)

Пароход из Молотова выходит вечером, и к вечеру следующего дня за изгибом многоводной Камы вырастают сначала дым Березняковской ТЭЦ, затем зарево огней и, наконец, громады химических заводов. Перед концом пути пароход не надолго причаливает к маленькой пристани с поржавелой вывеской «Орел».

Орел, или, как звали его в старину, Орел-городок, не очень известен даже на Урале. В Сибири о нем не знает почти никто. А между тем именно здесь более 300 лет тому назад готовились к походу за Урал в неизведанные края первые боевые дружины знатных уральских солепромышленников Строгановых. Во главе дружин стоял казак Ермак Тимофеевич. Осенью 1581 года дружина Ермака тронулась на восток. Плыли по Каме, потом по Чусовой, зимовали на перевале, а весной по рекам Тагил, Тура и Тобол вышли на сибирские просторы.

Царство хана Кучума, властителя степей Западной Сибири, было не очень прочным, но все же казаки продвигались вперед с боями. Кучум вскоре вынужден был откочевать в Барабинские степи, а прежде подвластные ему татары стали платить ясак (дань) русским. «Новая сибирская земля» была включена в состав Российского государства. Для закрепления власти из Москвы на помощь Ермаку шло войско. Сам Ермак, попав в засаду и пытаясь уйти от преследования, в 1585 году утонул в Иртыше. Сменивший Ермака московский воевода Иван Мансуров, недалеко от устья Иртыша, при впадении его в Обь, поставил первый русский город-крепость за Уралом.

В 1604 году был основан Томский острог. Отсюда, от Томского острога, русские пошли на юг к Горному Алтаю и на восток к Енисею, Байкалу, Лене.

В предгорьях Алтая, в Горной Шории, жили потомки монгольских племен, горные шорцы, названные так по имени их крупнейшего рода Шор. Часть шорцев занималась охотой, другая плавала железо, слава о высоком качестве которого распространилась далеко по Востоку. В 1618 году из Томска казаки поднялись в верховья Томи к шорцам кузнецам-оружедельцам. Вскоре на месте старого поселения кузнецов-шорцев вырос Кузнецкий острог — первый русский город Кузбасса и Алтая.

Если ехать из Сталинска в Старо-Кузнецк, то и теперь слева на горе можно увидеть каменные развалины Кузнецкого острога — память о первом русском поселении Кузбасса.

В 1648 году, двигаясь из Томска, русские дошли до Байкала, а в 1655 году Ерофей Павлович Хабаров вышел на Амур. Бескрайние просторы сибирской земли от Каменного пояса — Урала — до Тихого океана были открыты.

Огромная страна казалась чужой, неприветливой, суровой.

Что знали о ней? Ничего или почти ничего.

Даже на рубеже XX столетия после того, как великий Сибирский путь соединил центральные районы России с Сибирью и Дальним Востоком, когда уголь Кузнецка и Иркутска уже шел в паровозные топки, а золото Восточной Сибири — в сейфы банков, автор статьи «Сибирь» в энциклопедическом словаре, изданном в последние годы XIX века, писал:

«Минеральными богатствами Сибирь славилась со времени первого ознакомления с нею русских, но в этом отношении следует сознаться, что надежды на Сибирь были преувеличены... Оживление Сибири, вызванное за последнее время главным образом сооружением сибирской железной дороги, сопровождалось, между прочим, обширными геологическими и горно-промышленными исследованиями... но чего-либо особенно выдающегося, что ранее было бы неизвестно, не обнаружено».

А между тем с первых лет присоединения к России, Сибирь была страной, манившей к себе смелых, предприимчивых и энергичных людей, отважных путешественников, вдумчивых исследователей, настойчивых промышленников. «Не прошло и 60 лет со времени похода Ермака, — пишет академик Берг, — как русские пересекли весь материк Азии от Уральского хребта до восточных пределов этой части света». Навсегда в истории нашей Родины сохранились имена отважных исследователей Пояркова — исследователя Лены и Амура, якутского казака Семена Дежнева, который в 1648 году вышел из устья Колымы и, обогнув мыс, ныне носящий его имя, вышел на просторы Тихого океана, крупнейшего исследователя Востока мореплавателя Беринга, Шелихова, одного из первых исследователей Аляски и основателя «русско-американского общества», Баранова — первого управителя русских колоний в Америке и других.

Ведь именно русские первые вышли на западный берег Северной Америки и основали здесь ряд колоний, в том числе и форт

Рос, на месте которого впоследствии вырос город Сан-Франциско.

Исследования этих русских людей по своему значению смело могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими географическими открытиями Колумба, Магеллана, Васко де-Гаммы.

Более 200 лет тому назад имели место первые попытки изучения и освоения природных богатств Сибири, в том числе и Кузбасса. Первые сведения о Кузнецком угле—«горелой горе»—выходах каменного угля недалеко от устья Искитимки при впадении ее в Томь, т.е. в районе города Кемерово, принес казачий сын Михайло Волков в 1722 году. В этом году пришли первые сведения и об углях Донбасса.

Это было время, когда царь Петр, пытаясь преодолеть отсталость России, рассылал рудознатцев, географов, горняков по Уралу и Алтаю для открытия здесь железных руд и руд цветных металлов, в которых остро нуждалась Россия.

В 1725 году сын уральского промышленника, сподвижник Петра, Никиты Демидова — Акинфий Демидов организует на Алтае на месте открытых руд первый меде-и сереброплавильный Колывано-Вознесенский завод. Огромная площадь Алтая и Кузбасса была объединена в Алтайский горный округ, перешедший вскоре в личную собственность царя. Добыча благородных металлов: серебра и золота была тогда особой царской привилегией. Уже в 1747 году последовал указ, по которому Алтайский горный округ перешел в систему «кабинетских земель», где без царского разрешения нельзя было добывать руду и плавить металлы.

На первых порах система «кабинетских земель» способствовала развитию промышленности Алтая, так как «кабинет» имел большие возможности для освоения новых еще неизученных земель и привлечения сюда рабочей силы и мастеров своего дела.

Не случайно, именно на Алтае, в Барнауле, великий русский техник Иван Ползунов построил первую паровую машину, на 20 лет опередившую машину Уатта, которого затем незаслуженно считали родоначальником парового двигателя.

Как показали исследования последних лет, в Алтайском горном округе была построена и первая в мире железная дорога, на несколько десятилетий опередившая дорогу, по которой пошел паровоз Стефенсона.

В XVIII и первой половине XIX века в Алтайском горном округе, в том числе на Салаире и отчасти в Кузбассе, вырастает ряд заводов: Томский железоделательный, основанный в 1770 году, Гурьевский серебро, а затем чугуноплавильный, основанный в 1815 году. Развиваются золотые прииски, организуется добыча руд, железа и цветных металлов, но все это на базе отсталой техники, при крайне ограниченных ничтожных масштабах производства.

Даже при этих попытках Алтай, Кузбасс, как и вся Сибирь, остаются отсталыми, малонаселенными, полудикими окраинами Российской империи.

Однако уже и тогда передовые люди своего времени понимали огромное значение этого края. Выражая их мнение, великий русский мыслитель Александр Иванович Герцен писал: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меха и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не заселен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед».

Во второй половине XIX века «кабинетская» промышленность приходит в упадок, а к 80-м годам практически теряет свое значение.

Вторая попытка использования природных богатств Кузбасса связана со строительством Сибирской магистрали.

К этому времени уже накопились первые сведения об угольных месторождениях Кузбасса. В 1851 году начала действовать первая в Кузбассе Бачатская копь, а в 1897 году построены первые копи в Анжерке и Судженке, уголь которых использовался для топков паровозов Сибирской магистрали. Но добыча угля развивалась медленно. В 1913 году во всем Кузбассе было добыто всего лишь 770 тыс. тонн угля—столько, сколько сейчас дает одна шахта средней мощности.

В канун первой мировой войны велись разговоры о строительстве металлургического завода. Для изучения Кузбасса сюда в 1914 году приехал известный русский геолог, исследователь Донбасса, Леонид Иванович Лутугин.

Вскоре вместе с группой инженеров приезжает крупнейший русский доменщик Михаил Константинович Курако. Его приезд в Кузбасс открывал новую страницу в истории металлургии России. Но мечты его не были осуществлены. Вновь организованное «акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей и металлургических заводов» (Копикуз) оказалось не в состоянии изучить и освоить природные богатства Кузбасса и построить задуманный Курако современный металлургический завод. Курако умер в 1921 году большевиком, членом Кузнецкой организации РКП(б).

Что же представлял собой Кузбасс до Великой Октябрьской социалистической революции?

В то время, как действительные запасы Кузбасса в 7 раз превосходили запасы Донбасса, добыча угля в Кузбассе составляла всего лишь $\frac{1}{25}$ часть добычи Донецкого угля. В то время, как в Донбассе выплавка металла уже превосходила 3 млн. тонн, в Кузбассе был лишь небольшой Гурьевский завод, выпускавший сталь на привозном чугуна.

Административный центр Кузбасса, город Кузнецк, перед Октябрьской революцией насчитывал 4 тыс. жителей. В этом, самом культурном центре Кузбасса того времени, имелись 4 уездных училища, 2 приходских и одна церковно-приходская школа. Сейчас в школах Кузбасса учится 310 тысяч человек. А в 1917 году в границах нынешней Кемеровской области обучалось в школе немногим более 2 тысяч. На всю Горную Шорию было шесть грамотных шорцев, обученных в миссионерской школе.

В настоящее время в области — около полутора тысяч врачей, 11,5 тыс. учителей и около 2 тыс. специалистов сельского хозяйства. До революции в границах Кузбасса было 100 учителей, 12 врачей и 3 агронома.

Вряд ли что нужно добавить для характеристики дореволюционного Кузбасса.

Рождение и развитие Кузбасса, как нового промышленного центра, началось лишь после Великой Октябрьской революции.

Уже в первые годы Октября рабочие Кузбасса внесли немалый вклад в общее дело победы Великой пролетарской революции, обеспечив по призыву Ленина и Сталина в 1918 году доставку угля и продовольствия Москве и Ленинграду.

Двадцатые годы явились годами большой подготовки к индустриальному развитию Кузбасса — всестороннего изучения его природных богатств. Эти работы были проведены под руководством ученика и товарища Лутугина, ныне профессора Ленинградского горного института, лауреата Сталинской премии Василия Ивановича Яворского.

В 1924 году на XIV съезде коммунистической партии на весь мир прозвучали слова великого Сталина: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии». Именно отсюда нужно начать историю индустриального Кузбасса.

Важнейшим звеном социалистической индустриализации явилось создание на Востоке по инициативе товарища Сталина второй угольно-металлургической базы Урало-Кузнецкого комбината — соединение кузнецких коксующихся углей с уральской железной рудой.

Сказочно богат железными рудами старый Урал. Сотни миллионов тонн руды имеет гора Магнитная, гора Благодать и другие. Около 25 проц. всех известных тогда железных руд было сосредоточено в его недрах. Но только один процент запасов угля Советского Союза приходится на Урал.

Более половины всех известных тогда запасов каменного угля сосредоточено в Кузнецком бассейне. Но железной руды, за исключением небольшого Тельбесского месторождения, он не имел, так как остальные месторождения еще были не только не освоены, но и почти неизвестны.

Соединить Кузнецкий уголь и уральскую руду значит создать условия для широкого индустриального развития, для мощного подъема всех отраслей промышленности как Урала, так и Сибир

ри. В этом была суть сталинского плана Урало-Кузнецкого комбината.

Важнейшим условием для решения этой задачи явилось создание крупной техничеки высоковооруженной угольной промышленности Кузбасса. Широко развернулось строительство новых шахт. Если в 1928-29 г. в Кузбассе добывалось 3 млн. тонн угля, то в 1932 году уже 7 млн., а к 1935 году добыча повысилась до 14 млн. тонн, возрастая из года в год и дальше.

В 1913 году удельный вес Кузбасса в общей добыче угля России не превышал 2,7 проц., в 1932 году он поднялся до 11,2 проц., а в 1937 году до 13,5 проц.

Перед началом пятилетки, в 1927-28 г., удельный вес механизированной добычи составлял по Кузбассу 1,8 проц., а к 1935 году он поднялся до 62 проц.

Выступая на XVII съезде ВКП(б), нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе сказал: «Для того, чтобы посмотреть образцы хорошей работы, хорошей механизации, для этого нашим угольщикам надо ехать не в Германию и Америку, а съездить в Кузбасс». По уровню механизации угледобычи и производительности труда Кузбасс занимал первое место среди бассейнов Советского Союза.

Вторым не менее важным условием решения общей задачи создания Урало-Кузбасса являлось строительство крупнейших не только в Союзе, но и в мире металлургических гигантов на Урале, у горы Магнитной, и в Кузбассе, недалеко от бывшего уездного городка Кузнецка.

В июне 1929 года на бедотистом пустыре, окруженном горами, недалеко от впадения Кондомы в Томь, строители приступили к закладке домен Кузнецкого металлургического комбината. Во главе работ стоял опытный металлург, ныне вице-президент Академии Наук СССР, Иван Павлович Бардин — ученик и друг великого русского доменщика Курако.

В 1932 году, в последнем году первой Сталинской пятилетки, кузнецкие металлурги полностью освоили металлургический цикл и выдали первые сотни тысяч тонн чугуна.

Урало-Кузнецкий комбинат превратился из мечты в действительность. Уже в 1933 году товарищ Сталин с полным основанием мог сказать: «У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу на Востоке, составляющую гордость нашей страны».

Наряду с углем и металлом, в Кузбассе в годы пятилетки было организовано производство минеральных удобрений, налажена в крупных масштабах выработка электроэнергии, построены ремонтно-механические заводы и выросли новые социалистические города.

Создание второй угольно-металлургической базы явилось новым подтверждением огромных преимуществ социалистического

хозяйства, победой большевистской партии на фронте социального строительства.

Отечественная война коренным образом изменила задачи Кузбасса, который в короткие сроки стал мощным арсеналом Советской Армии. Только теперь в полном объеме выявилось все огромное значение сталинской идеи своевременного создания на Востоке второй угольно-металлургической базы, как важнейшего условия экономической, а отсюда и военной победы над врагом.

«Без Кузбасса и без промышленности Урала, — говорит тов. Маленков, — мы бы проиграли войну. Все это надо было заранее видеть. Сталин велик тем, что в мирное время видел то, что впоследствии стало ясно во время войны».

Большим вкладом Кузбасса в общее дело победы явился военный подвиг его сынов и дочерей на фронтах Отечественной войны. Тысячи рабочих, колхозников, инженеров и техников Кузбасса с первых дней войны добровольцами пошли защищать свою Родину. Дивизия сибиряков-добровольцев, значительная часть которой была представлена рабочими Кузбасса, покрыла себя неувядаемой славой в боях с немецко-фашистскими захватчиками. 74 кузбассовца были удостоены за военные годы высокого звания Героя Советского Союза. Тысячи награждены орденами и медалями Советского Союза.

Не меньший вклад, в общее дело победы внесли трудящиеся шахт, заводов и колхозных полей Кузбасса.

Современная война — война моторов. Моторам нужен металл. Он нужен для артиллерийских орудий, снарядов, танковой брони, военных судов, инженерных сооружений.

В короткие сроки в Кузбассе были решены вопросы резкого увеличения добычи угля всех марок и особенно коксующихся. За годы войны общая добыча угля в Кузбассе возросла на одну треть, а по коксующимся углям — почти в два раза.

Большую роль в решении этой задачи сыграли технические сдвиги промышленности Кузбасса, переход на крутопадающих пластах к щитовой системе добычи, предложенной профессором, ныне лауреатом Сталинской премии Н. А. Чинакалом.

В Кузбассе выросли новые отрасли промышленности: алюминиевая, ферросплавная, пластических масс, анилиноокрасочная, химико-фармацевтическая, угольного машиностроения, электромашиностроения и другие.

В отчете великому вождю Генералиссимусу Сталину трудящиеся Кузбасса писали: «В трудные времена, когда Донбасс был в руках врага, героический труд кузбасских шахтеров спас от голода дома и мартены страны. Наши химические заводы по сравнению с 1940 годом увеличили выпуск продукции в несколько раз..., строители Кузбасса за годы войны выполнили капитальных работ для промышленности более чем на 800 млн. рублей...

наши колхозы увеличили посевы картофеля в 2,5 раза, а овощей почти втрое по сравнению с 1940 годом».

За годы войны в Кузбассе выросли тысячи передовых стахановцев, мастеров производства. Далеко за пределами Кузбасса стали известны имена лауреата Сталинской премии знатного сталевара Чалкова, стахановцев Ляхова, Олещука, Заварыкина, проходчиков Пластуна, Гавриленко, изобретателей, конструкторов, лауреатов Сталинской премии Могилевского и Родионова, Героев Социалистического Труда Юткиной, Картавой, Сафронова и многих других.

Переход к мирному строительству поставил перед Кузбассом ряд новых больших задач по увеличению выпуска продукции, расширению ее ассортимента, строительству новых предприятий, росту производительности труда и снижению себестоимости во всех отраслях промышленности.

За годы послевоенной сталинской пятилетки в Кузбассе введен в строй ряд новых крупных шахт, построены первые угольные разрезы, сданы в эксплуатацию обогатительные фабрики, получено большое количество новых горных механизмов.

Большую роль сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии партийно-политической работы на шахтах Кузбасса». За короткий срок резко улучшены жилищно-бытовые условия шахтеров, создаются устойчивые шахтерские кадры, тысячи старых и молодых горняков овладевают стахановскими методами труда.

За успехи в развитии угольного Кузбасса 24 знатных шахтера получили высокое звание Героя Социалистического Труда и около 10 тысяч горняков — ордена и медали за выслугу лет.

Сейчас перед угольщиками Кузбасса стоит большая и сложная задача — обеспечить в 1949 году добычу угля, предусмотренную пятилетним планом на 1950 год, т. е. выполнить пятилетку в четыре года по всем трестам и шахтам.

Успешно выполняется план новой сталинской пятилетки и другими отраслями промышленности Кузбасса.

Важнейшей задачей металлургов по пятилетнему плану являлся переход кузнечной металлургии на собственную сырьевую базу за счет значительного увеличения добычи руды в Горной Шории.

Добыча руды в Горной Шории по сравнению с довоенной значительно возросла. При этом только за последние два года — на одну треть. В текущем году есть все условия для освоения полной проектной мощности расширенных и реконструированных рудников Горной Шории.

Переход на собственную сырьевую базу встретил немало трудностей. Но за последние месяцы нынешнего года кузнечные доменщики вновь достигли высоких показателей в работе домен, особенно по четвертой печи, коллектив которой показывает путь к преодолению трудностей работы на местной руде.

Переход на местную сырьевую базу не только сокращает транспортные перевозки и позволяет увеличивать выплавку чу-

гуна и стали на Кузнецком комбинате, но также освобождает уральскую руду для будущих новых домен:

Химические и машиностроительные заводы отстроили собственные производственные корпуса, увеличили выпуск продукции, расширили ассортимент изделий. В настоящее время Кузбасс уже стал крупным машиностроительным центром, выпускающим угольные машины, электромоторы, молотилки и зерносушилки, дорожные механизмы и ряд других изделий современного машиностроения.

Азотные удобрения, анилиновые красители, каустическая сода, растворители, лекарственные вещества и многие другие химические продукты, вырабатываемые в Кузбассе, полностью или в значительной мере покрывают потребности восточных районов СССР.

Важнейшей задачей основных отраслей промышленности Кузбасса наряду с увеличением объема производства и расширением ассортимента продукции является значительное улучшение качественных показателей — рост производительности труда, экономия материалов, снижение себестоимости и переход к работе без государственных дотаций.

Кемеровская область славится своими успехами в сельском хозяйстве.

Двадцати одному передовику сельского хозяйства Кузбасса присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Восемьсот человек только в текущем году за успехи в сельском хозяйстве награждены орденами и медалями Советского Союза. Тридцать центнеров ржи с гектара получил Герой Социалистического Труда Касьянов на площади в 41 гектар. Тридцать центнеров пшеницы с гектара на площади почти в 12 гектаров получил тов. Васильев.

Кузбассу, Героям Социалистического Труда тт. Юткиной и Картавой принадлежит мировой рекорд урожайности картофеля. Высокой продуктивности животноводства и сохранности молодняка достигли передовики колхозов и совхозов Кузбасса.

Важнейшим успехом сельского хозяйства Кемеровской области в выполнении плана новой Сталинской пятилетки является достижение в 1948 году уровня посевных площадей довоенного 1940 года. Нынешний год по урожайности зерновых является едва ли не самым урожайным за последние 10—12 лет.

Еще в прошлом году заметно повысились темпы развития животноводства. В текущем году по плану, успешно выполняемому большинством колхозов и совхозов, прирост должен составить по свиньям до 100 тыс. голов, по овцам и козам 240 тыс., а по фуражным коровам более 50 тыс.

Только за полгода машинно-тракторные станции области получили 160 тракторов, 25 комбайнов, 310 тракторных плугов, 210 сенокос и много другого инвентаря.

Основной задачей промышленности и сельского хозяйства Кемеровской области, встающей на основе уже достигнутых ус-

пехов, является достижение в 1949 году по количественным и качественным показателям уровня 1950 года и выполнение новой Сталинской пятилетки в четыре года.

Большие и сложные задачи встают перед Кузбассом по выполнению великого сталинского задания — добыче в год 500 млн. тонн угля, выплавки 50 млн. тонн чугуна и соответствующего развития других отраслей промышленности, т. е. построение материально-технической базы коммунистического общества.

Решение этой задачи потребует широкого использования природных ресурсов Западной и Восточной Сибири, Средней Азии и Казахстана.

Изученные и частично освоенные в годы сталинских пятилеток огромные богатства восточных районов СССР должны быть и будут широко использованы для всестороннего комплексного развития основных экономических районов Востока.

Наряду с дальнейшим развитием Кузбасса, как крупнейшего промышленного центра Западной Сибири и всего Советского Востока, уже в ближайшем пятилетии будут заложены основы развития новых промышленных районов Востока.

Основная задача Кузбасса заключается теперь в том, чтобы всемерно содействовать развитию этих промышленных районов, способствовать росту сибирского машиностроения, как ключевой отрасли развития народного хозяйства, рождению новых электростанций, росту урожайности, развитию городов, транспорта, связи.

Более четырех пятых запасов углей Советского Союза сосредоточено в восточных районах. Но далеко не все угли способны давать прочный металлургический кокс. Запасы коксующихся углей и особенно коксовых составляют лишь небольшую величину общих угольных запасов. Лучше других обеспечен ими Кузбасс. Но и здесь они составляют не более 3,5—4 проц. от общих запасов угля бассейна.

Получить хороший металлургический кокс на базе углей Иркутского, Минусинского и других угольных бассейнов Востока можно лишь в том случае, если в шихте коксохимических заводов, работающих на этих углях, будет до 30—40 проц. коксующихся углей Кузбасса.

В настоящее время основной поток коксующихся углей, уходящий за пределы Кузбасса, направляется на Урал. В дальнейшем к этому потоку добавится новый мощный поток, идущий в восточном направлении.

Так Кузбасс будет способствовать рождению металлургии Востока.

Огромную роль в дальнейшем развитии восточных районов СССР должна сыграть Южно-Сибирская магистраль и ряд дорог Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Главным поставщиком железнодорожных рельс для магистральных путей сообщения Сибири и Средней Азии был и остается Кузнецкий металлургический комбинат.

Всестороннее комплексное развитие восточных районов СССР невозможно без широкого развития основных отраслей машиностроения. Организовать выпуск конструкционного металла, деталей из пластических масс, красок и ряда других продуктов в больших количествах, потребляемых в современном машиностроении,—значит создать условия, благоприятствующие его всестороннему развитию.

Поставщиком значительной части этих материалов все в большей мере становится Кузбасс. Уже в настоящее время он поставляет изделия из пластических масс, находящих самое широкое применение в различных отраслях машиностроения. Строительство завода красок на базе местного кузнечного сырья позволит обеспечить потребности не только строительной промышленности и коммунального хозяйства, но и различных отраслей машиностроения и в первую очередь автостроения.

Развитие на Востоке крупной текстильной промышленности вызывает необходимость обеспечения ее красками и рядом различных химикатов. Для решения этой задачи в Кемерово был построен завод анилиновых красок и организовано производство ряда химикатов, необходимых текстильной промышленности.

Всестороннее комплексное развитие основных экономических районов Востока потребует выполнения большого объема строительных работ, а отсюда и расхода строительного металла. Основным поставщиком этого металла является Кузнецкий металлургический комбинат.

Развитие угольной промышленности в Кузбассе, Иркутском, Минусинском, Карагандинском, Чуйско-Енисейском, Ферганском и других угольных бассейнах потребует большого количества разнообразных горных механизмов.

Важнейшим поставщиком этих механизмов становится Кузбасс, где уже налажено крупное производство конвейерных приводов, лебедок, вагонеток, буросблочных машин и встает задача организации производства всех основных видов горно-транспортного, горно-проходческого, обогатительного и другого оборудования.

Заметно вырастает роль Кузбасса, как поставщика минеральных удобрений для хлопковых полей Средней Азии, сахарной свеклы Алтая, а впоследствии и зерновых культур Сибири. Возникает необходимость организации в Кузбассе производства средств для борьбы с сельскохозяйственными вредителями и других химических продуктов, потребляемых в сельском хозяйстве.

Необходимо решить ряд больших задач в самом Кузбассе.

Важнейшим условием дальнейшего развития угольной промышленности Кузбасса является строительство значительного количества новых шахт и разрезов.

До последнего времени основным компонентом коксовой шихты являются наиболее дефицитные марки углей К, КО и ПЖ. Их удельный вес доходит в шихте до 70—80 и более процентов. Между тем академик Павлов, коксохимики Кузбасса тт. Филиппов, Сухенко, Горовой и другие доказали полную возможность

значительно снизить удельный вес этих марок углей в первую очередь за счет газовых, запасы которых в Кузбассе практически безграничны и весьма велики в большинстве угольных бассейнов Востока.

Решить эту задачу — расширить гамму коксующихся углей — значит создать нормальные условия работы шахт с коксующимися углями, устранить существующее положение, при котором в погоне за углями дефицитных марок оставляются огромные запасы энергетических углей. Это значит — способствовать всемерному развитию таких районов Кузбасса, как Ленинский, Плотниковский и другие, а также новых угольных бассейнов Востока.

Дальнейшее развитие угольной промышленности Кузбасса потребует не только полного использования всех имеющихся горных механизмов, но и перехода на новый более высокий уровень техники угледобычи.

До сталинских пятилеток при ручной добыче производительность рабочего за смену не превышала 300—400 кг. угля. Врубовая машина, отбойный молоток и электровоз повысили в 2,5 — 3 раза производительность труда шахтеров и значительно улучшили условия подземной работы. Советскими инженерами успешно решается подготовка новой угольной техники, призванной обеспечить рост производительности труда, в 2—3 раза превышающий довоенный уровень и обеспечивающий значительное превосходство советской техники над техникой угледобычи самых передовых шахт США.

Наряду с горным комбайном, где в одном агрегате успешно решается задача зарубки, отбойки и навалки угля, конструкторами Кузбасса и Западно-Сибирского филиала Академии Наук СССР гг. Родионовым, Горбачевым и другими успешно решается вопрос создания угольного струга, как принципиально нового высокопроизводительного горного механизма.

По предварительным данным, угольный струг, который будет дешевле врубовой машины в 3—4 раза, сможет давать угля в 2—3 раза больше.

Тов. Мучник разрабатывает новый метод добычи угля, используя для отделения угля от массива струю воды, подаваемую под большим давлением. Отбитый уголь по жолобу будет уноситься потоком воды к центральному стволу. Отсюда насосом, подниматься на поверхность, проходить обогатительную фабрику, отделяться от воды, сушиться и грузиться в вагоны.

Важнейшей составной частью новой угольной техники должны явиться в том числе сдвоенные шиты, шиты с принудительным подвиганием, системы с мягкой кровлей, системы камер с бетонированием и другие.

Необходимость повышения качества угля потребует перехода от распространенного в настоящее время сухого (пневматического обогащения) к более эффективным методам — мокрому обогащению.

В черной и цветной металлургии большой интерес представляют работы по подготовке новой сырьевой базы для будущих металлургических заводов.

Уже в настоящее время в связи с быстрыми темпами развития промышленности Кузбасса начинает ощущаться отставание нашей энергетической базы.

Наряду со строительством новых тепловых станций, на местном угле и отходах обогащения, встает вопрос о постройке в Кузбассе, на Томи, крупной гидроэлектростанции, мало уступающей по своим масштабам крупнейшей в Советском Союзе гидроэлектростанции на Днепре.

Успехи химической техники последних десятилетий существенно расширили область применения химических продуктов, повысив роль химии в развитии народного хозяйства. Основой значительной части этих успехов явились работы русских и особенно советских химиков.

Искусственная кожа, полученная из продуктов химической переработки угля, в 40 раз более носка чем натуральная.

Подшипники, изготовленные из бронзы, выдерживают 10 тыс. км. пробега. Подшипники, изготовленные из дерева, пропитанного химическими веществами, выдерживают в равных условиях 25—30 тыс. км. пробега.

Четыре пятых современных химических продуктов получают на базе переработки угля. Вот почему Кузбасс все в большей мере должен будет становиться районом не только угля и металла, но и разнообразных видов химических продуктов.

Успехи передовой мичуринской агробиологии открывают невиданные перспективы роста урожайности и продвижения на север южных культур. Уже практически доказана возможность получения на больших площадях урожая зерновых в два—три раза более высоких, чем мы получаем в настоящее время.

Практически доказана возможность широкого распространения в Сибири высокоурожайной озимой пшеницы, в южных районах — сахарной свеклы, кукурузы и ряда других технических культур, а в значительной части Сибири — широкого развития садоводства. Уже сейчас в Кузбассе мичуринцами успешно выращиваются яблоки, груши, сливы и другие фрукты. Пройдет немного лет и фруктовые сады, встречающиеся пока лишь в передовых колхозах и пригородных хозяйствах, будут около каждого индивидуального дома, в каждом колхозе и совхозе.

Большие задачи, стоящие перед промышленностью Кузбасса, могут быть решены при условии создания постоянных высококвалифицированных кадров, прочно осевших в благоустроенных городах Кузбасса. Вот почему окончательное преодоление недостатка жилья и повышение уровня благоустройства городов Кузбасса до уровня лучших городов европейской части Советского Союза уже предусмотрено проектами генеральных планов.

Широко раскинутся вдоль Томи огромные парки в городе Кемерово. Параллельно реке пройдут главные пешеходные и транспортные магистрали, соединяя нынешний Заисkitимский

район, который станет новым городским центром, с Заводским районом города в его западной части.

Еще лучше станет Сталинск—металлургический центр Кузбасса. Изменит свое лицо его угольный центр, город Прокопьевск. Вырастут новые социалистические города и поселки в южных, вновь осваиваемых районах Кузбасса.

Выполняя роль базы индустриализации восточных районов СССР, Кузбасс не может не стать новым научным центром Востока. Уже сейчас в его угольном институте, в Прокопьевске, металлургическом — в Сталинске, и лабораториях заводов и угольных трестов ведутся разнообразные научно-исследовательские работы.

Задачи, поставленные товарищем Сталиным перед советской наукой,—не только догнать, но и превзойти в ближайшее время науку за рубежом,—обуславливают необходимость вовлечения в круг научных исследований все новых кадров и особенно тех, кто сочетает любовь к науке с практическим опытом, с глубоким знанием производства.

Беспределенны возможности развития народного хозяйства, науки и культуры в нашей социалистической стране. Быстрыми темпами растет и развивается Советское государство, идя по пути к коммунизму. В решении этой великой исторической задачи, самой большой из всех, какие знала история, почетная роль принадлежит сталинскому Кузбассу.

А. КЕРЖАК

РЕКА ИЗ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ

На восток от знаменитой Кузнецкой котловины расположена горная система Кузнецкого Алатау. Он, как стена, ограничивает Кузбасс с востока. Разной высоты горные кряжи идут в основном в меридиональном направлении. В южной части эти горы слиты с массивом Восточного Алтая, на севере они постепенно понижаясь, переходят в холмистые гряды, которые заканчиваются уже около великого Сибирского пути в районе Мариинска — Ачинска.

Самая высокая горная гряда Кузнецкого Алатау проходит недалеко от реки Томь. Отдельные вершины, покрытые лесами горной тайги, поднимаются на 800—1.000 метров, а многие — даже выше. С этой гряды льются в реку Томь короткие, но многоводные и порожистые притоки. И часто от той же вершины уходят реки и речки уже в другую, восточную сторону.

В одном месте гребень горного хребта Алатау поднимается значительно выше соседних вершин. Это Абат-Таскыл. С него берут начало притоки Томи — Средняя и Нижняя Терси — они текут на запад. Отсюда же берет начало река Кия — приток Чулыма — она в начале своем течет на восток, а потом на север.

В широкой и густой гидрографической сети Западной Сибири небольшая река Кия представляет интерес и для хозяйства, и для изучения ее в географическом отношении. От истока и до впадения в реку Чулым она проходит путь свыше 500 километров. Несмотря на свою сравнительно небольшую протяженность,

Кия весьма разнообразна: от истоков до села Чумай — она типичная горная река, а дальше делается равнинной. На небольшом пространстве течения реки, на ее берегах можно видеть различные географические ландшафты: горную тайгу, лесостепь, равнинную тайгу. В отдельных местах, особенно в горах, а также у холмов Арчекаса, склона Мариинска, Кия очень живописная река. Но берега ее не только блещут красотой природы, причудливых вершин, горных долин, утесов, пышной тайги, — на них раскинулись заводы, поля, поселения, деревни. Теперешняя река Кия иллюстрирует социалистическое строительство этой части Сибири, когда-то глухой, таежной стороны.

Кия — река Кузбасса. Ее исток находится там, где в горных кряжах, идущих на север от высокого Алтая, и их предгорьях природа вынесла близко к поверхности неисчислимые богатства: каменный уголь, руды цветных и редких металлов, самоцветы. В долинах и на склонах сияющих гор, в руслах рек — золото в жилах, в россыпях. С давнего времени Алтай и его отроги назывались золотыми, так как золото добывалось здесь с очень отдаленного прошлого.

Необозримая тайга раскинулась по горам и долинам, главным образом, черная тайга — вихта, ель. Но встречаются сосновые боры, иногда с огромными манчжурскими двухсотлетними соснами, в два-три обхвата. Обширные участки заняты сибирским кедром. Роши сибирской лиственницы. Тайга на горах более мощная, чем на равнинах, разнообразная,

состав древесных пород, кустарников и трав. Кроме хвойных пород, целые леса лиственных с буйными травами, медоносами и диким хмелем. По долине — кустарниковые формы и многообразие ягодников. Обширные пространства, преимущественно в долинах, в поймах рек заняты черемухой, рябиной, шиповником, боярышником, смородиной, малиной. Но преобладают вечно зеленые хвойные. Когда смотришь на горные края Кузнецкого Алатау, видишь синюющие от богатых лесов исполинские куполы горных вершин.

Осенью на горах и в долинах такое обилие разнообразных красок, такие причудливые их сочетания, что, кажется, никакая фантазия не способна превзойти эту изумительную картину превращения солнечного луча. Здесь все цвета солнечного спектра в бесчисленных оттенках и вариациях.

Внутри горных куполов — дары земли — ископаемые богатства, разнообразные минералы, страившие собою сложную геологическую историю горного края.

На поверхности земли в тайге — богатый животный мир — ценная пушнина: лиса, белка, бурундук, горностай, хорек, колонок, медведь, волк и другие. И хоть нечасто, но встречаются чернобурая лиса, огневка, соболь, выдра. Пушнина — это золотой фонд тайги. Ценные копытные: марал, лось, косуля, кабарга. Обиле боровой промысловой птицы.

Алатау обиле влагой. Горные вершины задерживают дождевые тучи, пlyingшие сюда с запада и юго-запада. Зимой в тайге мощный снежный покров больше метра толщиной. В результате обилия летних и зимних осадков, каждая вершина представляет собою бассейн воды. Со скал, обрывов, ущелий, с пологих склонов бегут ручейки, выходят на поверхность хрустальной чистоты родники, ключи.

Кля — вначале ручеек, как и многие реки в их истоках, затем из каждой долины в нее вливаются другие ручьи и речки. Ручей скоро превращается в речку, затем в бурную многоводную горную реку. Особенно после впадения реки Кожух. Из значительных ее притоков следует отме-

тить: Кожух, Серта, Шалтырь, Чебулинка, Кундат, Талановая.

Скалы, высокие берега сжимают русло реки в горах. Река бурлит на многочисленных порогах. А на плесах между порогами она размывает берега, в многовековом своем движении разрушает горные породы, размельчает их и — мелкие камушки и гальку выносит далеко за пределы гор.

Пейзаж в верхнем течении реки — типичный горный, алтайский: высокие разных форм горные вершины и горные края, покрытые густой, вечно зеленой тайгой; сумрачные причудливые пещеры; живописные в зелени лиственных деревьев, кустарников и трав долины; голые суровые скалы, нахмурившиеся над самой рекой. Имеется ряд скал высотой до сотни метров, а иногда скальные террасы поднимаются над рекой на несколько сотен метров.

В верхнем течении реки расположены крупнейшие прииски золотонной Марининской тайги. Там же — угольные шахты северо-восточной части Кузбасса. Между приисками высятся крупная электрическая станция, дающая энергию для многообразной горной промышленности. Электроэнергия прививает в движение сложные машины обогатительных фабрик, промывочных и других установок золотой промышленности, оснащенной новейшей техникой.

Марининская тайга — древнее место сибирской золотой промышленности. Еще в петровские времена отсюда вывезли образцы рудных богатств Сибири — золото и серебро. И Кля стала известна, как река золота. Прииски, как постоянные горные предприятия, появились с 1828 года, то есть сто двадцать лет тому назад. Многие десятки лет прииски коснели в технической отсталости, бескультурьи. Доходы создавались за счет безудельной эксплуатации рабочих. Только в советское время создалась на высоком культурном уровне золотая промышленность новой социалистической Сибири. И Мартайга, как ее обычно называют, заново установила свою репутацию в системе западно-сибирской золотопромышленности, как один из крупных центров добычи высокоценного металла.

Вне приисков и рабочих поселков, река в горной части течет на просторанстве в общем малообжитой тайги с редкими поселками, старательскими пунктами.

Бурная река несется все дальше на север. Меньше и меньше темных ущелий, высоких берегов — долина реки расширяется. Горы становятся ниже. И вот уже видна окраина гор, за ней две гряды холмов, а между ними ровная широкая долина с полями.

У большого села Чумай река Кия выходит из гор, из стесненного русла и вступает на всхолмленную равнину. Уменьшается скорость течения, река расширяется до 100—150 метров. Общий характер реки — полугорный. До самого города Мариинска, т. е. около 100 километров, правый берег реки возвышенный, сложен из различных горных пород, в том числе железистого песчаника. Выделяются высокие, темные скалы, обрывы, каменистые обнажения. Это Арчэкас — строг Алатау. И две реки сломы устлан, разрушенной горной породой.

В месте выхода Кии из гор с запада на восток над самой рекой идет крайняя гряда Алатау — цепь вершин высотой 500—600 метров. В разных местах от этой гряды в северном направлении тянутся холмистые гряды — отроги.

Река выливается из темного ущелья на светлую долину и как-то сразу расширяется, добрее и течет более плавно. Две огромные каменистые глыбы лежат на грани гор и долины, словно два стража. Это Чумайские бухтаи — остатки или обломки горных вершин.

А обрыв левого берега реки — это геологическая летопись долины: верхний темный слой — чернозем — почва, показатель когда-то бывшего здесь степного ландшафта. Под черноземом значительной толщины (3—4 метра) слой лёсса, лёссовидных суглинков. Сейчас обнажились столбы этой породы — классическая форма лёссовых отложений — столбчатое строение. Дальше слой камня валунного типа, а местами среди камней — скопления кварцевого песка. Этот слой говорит о процессе разрушения гор, о перемалывании камней в их

движении. А еще ниже пошли слои глин, главным образом, коричнево-красные, затем разных цветов глинистые пески и песчаники: серовато-зеленые, желтовато-зеленые, потом красно-бурые глины.

Каждый слой говорит о какой-либо эпохе в жизни земной коры, в жизни гор и долины. И каждая эпоха оставила на этом разрезе берега как бы свою надпись, свой след, свои черты.

От гор до Мариинска и немного дальше — уже новая ландшафтная зона — часть сибирской лесостепи, где чередуются лиственные леса и колки с открытыми пространствами, заросшими разнотравьем. Местами на южных склонах встречаются колонии ковыля — типичного растения степей. Теперь лесостепь в значительной мере распаханна.

На Арчэкасе, в его обнаженных кручах, особенно в районе Мариинска, имеются полезные ископаемые: белые глины — каолины — материал для керамической промышленности; строительный и точильный камень, цементное сырье — кремнистый цемент, и другие. В отдельных местах огромные скалы дикого камня нависли над рекой. Но еще далеко не весь Арчэкас исследован.

Выврзавшись из гор, река извивается по обширной приречной долине. За многие тысячи лет река образовала широкую пойму, занятую теперь старицами, протоками, пойменными озерами, заливными лугами.

Пойма покрыта кустарниками и густыми травами. Во время цветения трав заливные луга краше самых ярких ковров, и по лугам несутся медовые воздушные волны. В реке, озерах и старицах — рыба, среди кустарников и камышей — водоплавающая птица.

У реки, выше поймы, древняя терраса, образованная многовековой работой реки в глубоком прошлом. Созданная речными отложениями, терраса представляет ценнейшую территорию для земледелия. Можно скопления кварцевого песка. Этот Тепло сибирского летнего солнца, обильные травы, работа почвенных

бактерий и дождевых червей за тысячелетия способствовали образованию темноцветных почв, черноземов.

Сейчас на обширных пространствах древней террасы реки Кия развито земледелие и животноводство колхозов и совхозов. На богатых почвах — кроме обычных зерновых, новые культуры Сибири: сахарная свекла, твердая пшеница, подсолнечник, ряд ценных трав, многочисленные овощные культуры открытого грунта.

Совсем недавно вся эта территория представляла собой непроходимую сибирскую тайгу, с редкими таежными поселками, небольшими полянками пахоты. Позднее, когда здесь легли рельсы Великого Сибирского пути, появились сибирские хуторки — займки, как маленькие островки среди океана таежных лесов. С тяжелым трудом поднималась новь, а урожай в большинстве случаев был низким и непостоянным. Только отдельные счастливицы попадали на мощные черноземы, и тогда земля рождала хорошо. Человек был во власти стихии.

Сейчас берега Кии ниже гор — марининская лесостепь — житница этой части Сибири. Район яровой пшеницы и других хлебов, картофеля и технических культур. На полях работают тракторы, а во время уборки хлебов — комбайны. Марининская лесостепь уже знает выдающийся урожай зерновых культур, картофеля.

Расширяется состав культурных растений, о которых не знала старая Сибирь. Получил развитие другой цех сельского хозяйства — животноводство на новой культурной кормовой базе; молочное животноводство, свиноводство.

Все больше осваиваются новые земли. Было время, когда здесь широко шумела степь. Во многовековом ходе жизни земли менялся климат, на степь наступили с севера леса, и черноземы степи покрылись лесами. Теперь леса отодвигаются на север вновь уже под влиянием земледельческой культуры, и благодатные черноземы вновь видят солнце, пыют солнечные лучи и отдают свои природные богатства на службу социалистическому хозяйству новой Сибири. Марининская лесостепь по Кие — это земледельческий цех грандиозного хозяйства Кузбасса.

Еще не так давно берега Кии были полупустынными. Шумела тайга, высились сосны и кедрачи, не было ни путей, ни дорог. Уходящие в горы золототкатели пробирались таежными дорожками и тропами. Дорогою были река и лесные проходы — просеки. Считалось событием добраться до Чумая, тем более до приисков и еще вернуться благополучно назад.

Теперь здесь шоссее и бегут автомобили.

Река стала другою. Безлюдье, глухомань ушли в прошлое. Изменился облик приисков, теперь их электрические огни далеко освещают тайгу и горы. Верховье Кии — это важный участок горнорудной промышленности в северной части Кемеровской области.

Там, где Кия подходит под железный мост великого пути, — город Марининск — бывшее село Кийское. За красивыми и сложными излучинами реки у Арчекаса высятся на левом берегу лесопильный завод — это к нему плывут по реке массы древесины. От лесопильного завода уже виден весь город с трубами заводов, электростанций и промышленных предприятий. На гриве коренного берега реки поднялись грандиозные здания завода технического спирта и виден новый рабочий поселок.

Широкий полог неба над городом отражает в себе свет новой советской Сибири. Широки перспективы развития промышленности на местном сырье: строительный материал, деревообрабатывающей, пищевой, лесохимии.

Горная река Кузбасса — Кия — богата водой. Весною она заливают широкую пойму и долго не уходит в берега, насыщаясь талыми водами горных снегов. Богатства реки — белый уголь, постоянная, возобновляющаяся энергия речной воды.

Уже встает вопрос о плотине. Плотина даст гидроэлектроэнергию для большого района, воду для орошения огородов и полей. Возникнет обширная база для местного рыбного хозяйства. Водохранилище, регулирование стока обусловит превращение Кии в транспортную магистраль для мелко-сидящих судов.

Места для постройки плотины имеются здесь же в районе Марининска.

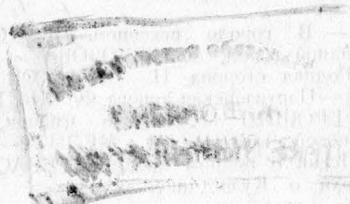
Дочь величавого Кузнецкого Ала-
тау — река Кия — может многое дать
для социалистического хозяйства та-
ежной и лесостепной Сибири.

За Марининском река Кия вступает
в полосу равнинной тайги. В начале
нижнего течения еще время от време-
ни виднеются отдельные холмики, не-
большие водораздельные гряды —
гряды, по основной пейзаж здесь —
равнина, покрытая бесконечными леса-
ми. Местами кедррачи заняли обширные
болота, по которым нет ни прохода,
ни проезда. По гривам и холмам сос-
новые боры. Обилие лиственных де-
ревьев, кустарников, ягодников. Рав-

нинно-болотистая тайга, хотя и в
меньшей степени, чем горная, но все
же богата растительными видами.

Чем ближе к реке Чулыму, тем
больше по правому берегу низин и
болот. Здесь они сливаются с болот-
ными массивами Обь-Енисейского
междуречья. Какое обилие дичи в ле-
сах, какое разнообразие птицы в мел-
колесье и в зарослях трав на боло-
тах! А по левому берегу идут поля.
На небольших холмиках встречаются
мелкие колонии ковыля.

Река расширяется, выписывает
сложные фигуры на широкой пойме.
Наконец, впереди — широкий плес
Чулыма.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
К читателю	3
А. ВОЛОШИН — Земля Кузнецкая. (Роман, часть первая). . .	5
А. КОСАРЬ — Родина. Утро. Завод. Рождение стали. В забое. «Москвич». Дорога к счастью. Гнев. (Стихи). . .	86
М. НЕБОГАТОВ — Под Кремлевскими звездами. Советская женщина. Город. Стихи об урожае. (Стихи). . .	91
Я. СЕВЕРНЫЙ — Учитель из Шуринки. (Очерк).	93
А. ЕФИМОВ — Землепроходец (Глава из поэмы «Две крепости»). .	99
А. ДАНИЛКО — Творцы кузнецкого металла (Очерк).	104
Подборка стихов.	
Г. ЗАМЯТИНА — В городе весной, А. КОЗЛОВ — Хозяин земли. Родной город, А. ПОЛОЗОВА — Сибиряку, Г. УМНОВ — Родная сторона, П. МОРЯКОВ — Ахпун, Г. МОЛОСТНОВ — Партизанская дорога, Ф. ЧИСПИЯКОВ — Медведь, Иван ЕРОШИН — Стихи о Сибири, В. АФА- НАСЬЕВ — В новой квартире, И. МЕЛИХ — Сталевар, В. ЗУЛИН — Песня о родном крае, В. ГЕРАСИМОВ — На привале. Стихи о Кузнецкчине.	111—115
В. ПОПОВ — От Кузнецкого острога до сталинского Кузбасса. (Историко - экономический очерк).	117
А. КЕРЖАК — Река из Кузнецкого Алатау. (Записки краеведа). .	131

Ответственный редактор А. БАБАЯНЦ.

Редколлегия: Ф. ДЕМИН, А. КОСАРЬ (литературный секретарь)
В. ПОПОВ, Н. ТРОИЦКИЙ, П. ЧЕРЕДНИЧЕНКО.

Подписано к печати 18/II—1949 г. Печ. лист. 81/2, Уч-изд. 12
В печ. л. 60.000 зп. Тираж 10.000 Зак. № 3400. ОП00178

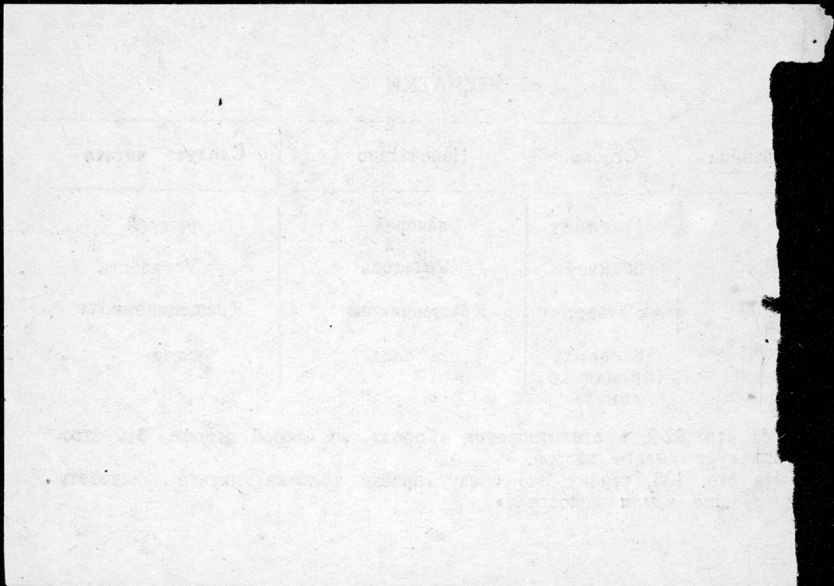
Типография издательства «Кузбасс», г. Кемерово, ул. Сталина, 74.

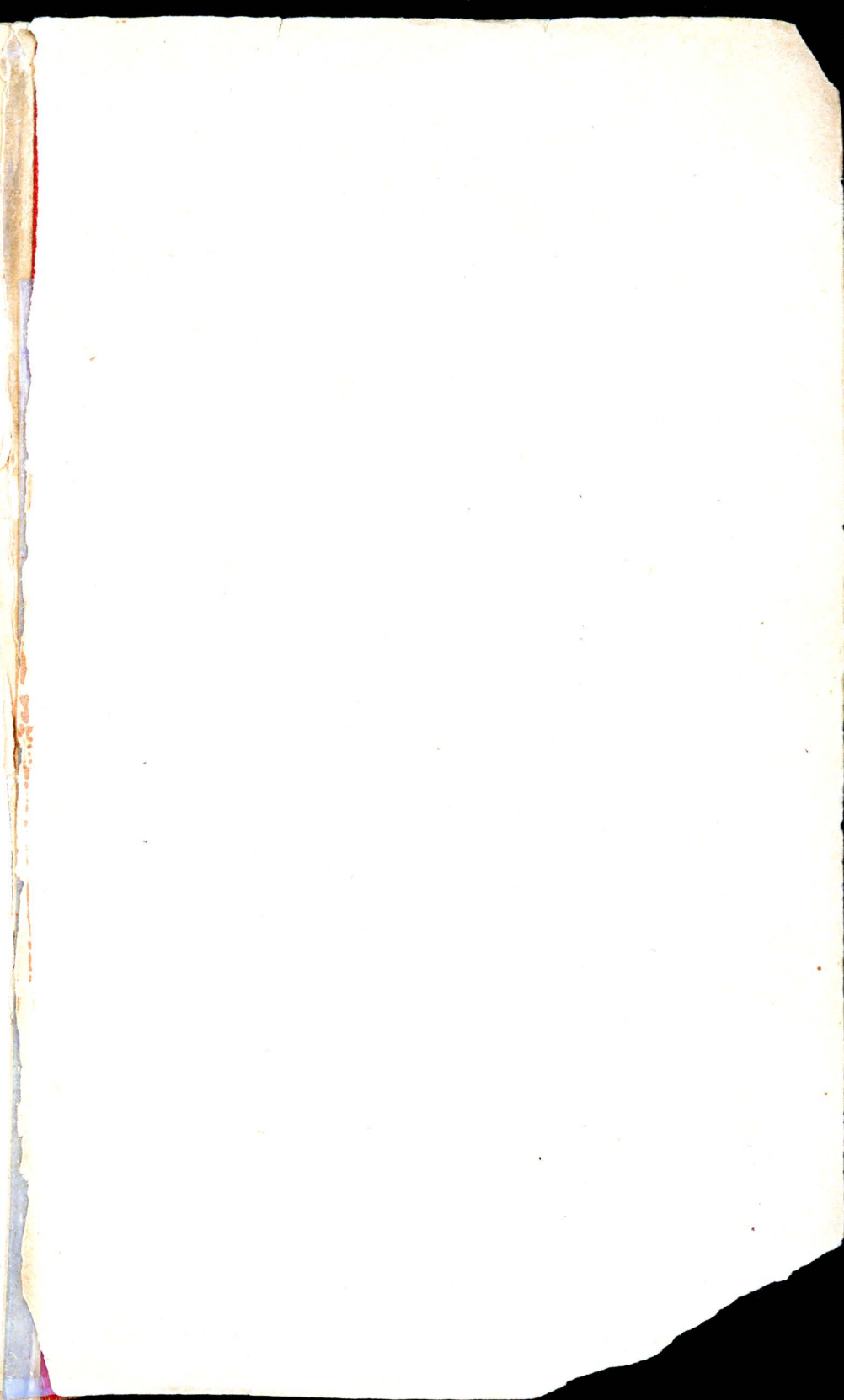
ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
15	11 снизу	дечерей	дочерей
81	5. снизу	Усталось	Усталость
99	8 и 9 сверху	Крашенникова	Крашенинникова
113	18 сверху (правая колонка)	в след	вслед

На стр. 92-й, в стихотворении «Город», во второй строфе, 3-ю строку следует читать второй.

На стр. 133, строку 3-ю снизу (правая колонка) читать: «сказать, лучшие земли лесостепи».

Цена 8 руб.

50к